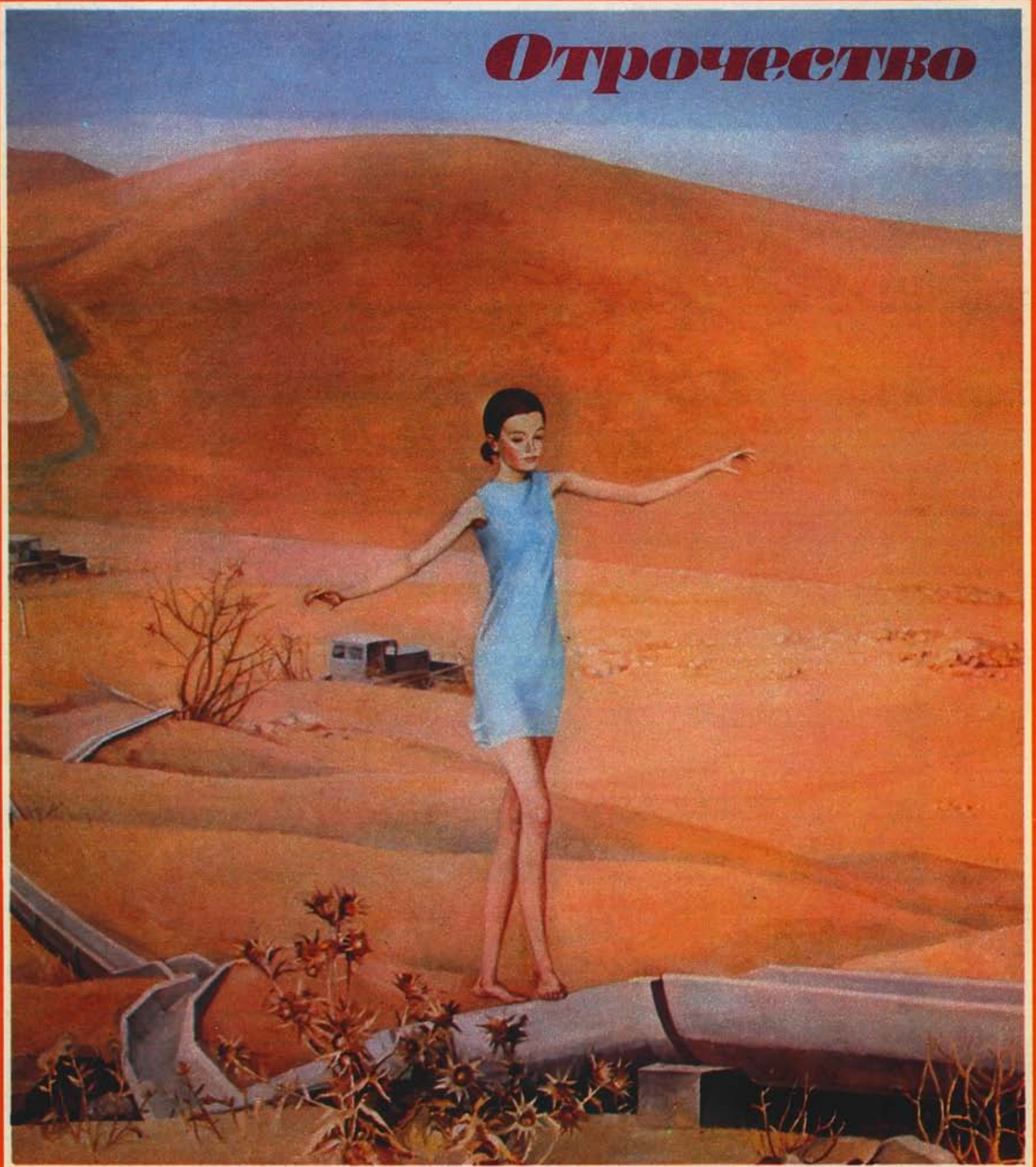

СМЕНА

№ 15 АВГУСТ 1979

Отрочество

Альберт ЛИХАНОВ,
секретарь Правления
Московской писательской
организации, председатель
комиссии «Юношеская литература
и проблемы коммунистического
воспитания подростков»

УТРО ЖЖ

Сегодня, когда комсомол так серьезно, так требовательно, так глубоко размышляет о проблемах учения и учеников, воспитателей и воспитуемых, сердце мое, моя память обращаются к моему детству, к моему первому учителю. Была война, уроки начинались в колеблющемся свете коптилок, и моя первая учительница, которая уже и тогда казалась нам очень старенькой, моя незабвенная Аполлинария Николаевна Тепляшина ходила перед занятиями между партами и давала каждому из нас на серебряной ложечке сладкий шарик витамина С—единственное, что продавали тогда без карточек. Мы гордились своей учительницей, которая уже в ту пору носила два ордена Ленина, но только позже узнали: витамины С в аптеке она покупала на деньги, которые полагались за ордена, а когда эти деньги кончались, добавляла из своей зарплаты. А когда и зарплата кончалась, Аполлинария Николаевна заваривала в эмалированном ведре сосновую хвою и строго требовала, чтобы мы выпивали перед уроками этот горький отвар, так не похожий на витамин.

Однажды, все в ту же тяжкую пору, Аполлинария Николаевна встретила на улице почтальоншу, свою бывшую ученицу. Та плакала: ей выпала доля нести похоронку матери своего бывшего одноклассника. Учительница похоронку отняла, велела почтальонше молчать, полгода ходила к матери погибшего, больной женщине, и уж только тогда отдала скорбное известие, приняв на себя боль матери, вместе с ней разделив ее тоску и печаль.

Нынешним декабром исполняется сто лет со дня рождения моей дорогой Аполлинарии Николаевны. Она не дожила до этого юбилея всего трех лет, а проработала в школе целых шесть десятилетий—целую человеческую жизнь! Я испытываю чувство успокоения, что за полгода до ее смерти побывал у своей учительницы. По странному велению судьбы, когда я подходил к ее дому, погас свет, и я увидел Аполлинарию Николаевну при пламени свечки, как тридцать с лишним лет назад. Представьте мое потрясение, мою бесконечную благодарность: не видел меня три десятилетия, моя учительница узнала меня, одного из тысяч своих учеников.

Мы часто и справедливо вспоминаем Антона Семеновича Макаренко и Василия Александровича Сухомлинского—двух истинно прекрасных педагогов. Но разве могла бы наша страна добиться стольких побед, разве могла бы она быть такой прекрасной, если бы не сотни, не тысячи великих учителей, живущих в огромных городках и весях, если бы не их великое подвижничество, которое в лучших своих образцах сродни самоотреченности, самоотверженности, мужеству, героизму!

Низкий поклон вам, дорогие учителя, вам, лучшие из лучших, чьи лица в ряду самых дорогих и самых памятных проносят сквозь жизнь до смертного часа каждый советский человек.

Именами таких людей, как моя Аполлинария Николаевна, надо называть школы, где они учительствовали, улицы, площади, их именами надо освещать путь молодых учителей, побуждать их совесть, не забывать, а напротив, всячески беречь яркие звезды учительской человечности.

Еще об одном человеке не могу не сказать здесь. Это Андрей Миронович Ронжин, Герой Социалистического Труда, председатель колхоза «Искра», Кировской области. В этом колхозе редкая для Нечерноземья картина: молодежь оттуда не уезжает, напротив, существует даже конкурс желающих поступить в колхоз. Причин тому немало, а одна из них вот какая: председатель интересуется и занимается делом, казалось бы, для председателя несерьезным: юношеской любовью.

Пока наша педагогика спорит, можно ли серьезно влюбиться в десятом классе, Андрей Миронович, шагая не от теории, а от практики, приглядывается к юным парсчкам, а хорошенько приглядевшись, находит время и с парнишкой и с девочкой сердечно и деликатно поговорить, сказав при этом, что любовь, конечно, понятие вроде бы и неземное, но все же лучше, если случится она на родной земле, в родном колхозе, ведь здесь, всем известно, есть добрая работа и дом потом дадут, и почет, и слава, и всяческое уважение плюс нескучная жизнь, которой славится хозяйство, имеющее лучшие в области ансамбль песни и пляски, спортивную базу, музей и много еще хорошего и важного для человеческой жизни.

Посмеиваясь, Андрей Миронович сказал мне: «Чего хорошего, если девушку или парня уведут на сторону, вот есть такой термин—оборотка, севооборот по-научному, заранее решаем, что по чему сеять, так и в школе—деликатно, конечно, аккуратно, но постоянно занимаемся мы обороткой!»

Не знаю, как оценит это педагогика, но сердечность такого чрезвычайно тонкого дела, человеческую мудрость хозяйственника, которому есть дело до школьной, а говоря точнее, до первой любви, уважение и серьезное отношение к ней прекрасны!

Сердечна жизнь Аполлинарии Николаевны, сердечны дела Андрея Мироновича. Не в этом ли слове «сердечность» и должно быть наше общее отношение к школе или профессиональному училищу. Ко всему, что происходит там—от забот малых до самых великих?

Убежден, что именно так. Убежден, что школа начинается с сердца—и не только учительского, но и родительского, соседского, с сердца просто прохожего человека—с человеческого сердца.

Там, где сердце служит отроку, служит нашей общей идее—воспитать доброго, чистого, честного, работающего, мужественного, наконец, героического человека, там всегда удача, всегда успех, всегда понимание и самоотверженность. Но там, где сердце бьется ровнее, смиряясь с формализмом, душевной черствостью, правом власти старшего человека

над младшим, независимо от того, прав или не прав этот старший, дело становится худо, и растущему человеку наносится неизмеримый урон.

«Подготовка подрастающего поколения к жизни—общенародное дело». Это кредо, сформулированное в приветствии ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета и Совета Министров СССР Всесоюзному съезду учителей, должно быть правилом всей нашей жизни, правилом, касающимся не только школы, не только комсомола, но и завода, но и научного учреждения, но и деятеля культуры и искусства.

Только тогда, когда сердце и жизнь прекрасной учительницы, замечательного предколхоза сольются в своих заботах о детях, о школьниках, о подростках с сердцами рабочего, академика, поэта, только тогда дело воспитания станет общенародным делом.

И здесь мне с особой заботой хочется сказать о литературе и искусстве, об их месте и роли в той цепи сердечного отношения к растущему человеку.

Советская литература для детей и юношества, как и весь огромный мир социалистической культуры, велика, многообразна и достойна великого народа, которому она служит. Но как истинно тревожит нас, вызывает протест дурной человек, по воле обстоятельств или случая ставший учителем, так тревожит и вызывает протест литератор-халтурщик, шаркарь, драмодел, ловко умеющий создавать фальшивые ценности, а еще более—умелец, специализирующийся на актуальной теме, на важной идее, имитатор, работающий под истинный талант.

К сожалению, надо признать, что настоящий бриллиант, вызывая зависть подражателей, рождает племя «ювелиров», специализирующихся на окраине стекла и выдающих свои мнимые ценности за истинное искусство. И здесь следует особо сказать вот о чем.

Если взрослый читатель—пусть и не всякий—все-таки способен разобраться в истинных ценностях, то ребенок, подросток может равно восторгаться и подлинным бриллиантом и его подделкой. Мишура опасна для юного возраста, во-первых, внешней похожестью на настоящее, а во-вторых, воспитанием лжеуважения или снисходительности к дурному, которое может властвовать человеком до седых волос, создавая того самого массового потребителя литературного ширпотреба, который уже появился на Западе и которого мы, что так естественно, не хотели бы воспитать у себя.

Если нравственна хорошая литература и безнравственна плохая, если эти категории особенно важны для незащищенной опытом юной души, то в самую пору сказать теперь о том, что нравственность, ее фундамент закладываются именно в детстве.

В конце прошлого года мне довелось побывать в ФРГ, и там я услышал трагическую историю: одна немецкая семья выехала из Советского Союза, в семье был мальчик, подросток, который родился, вырос и выучился у нас. Этот мальчик, привыкший к нашей жизни и как бы с корнем вырванный родителями из советской почвы, не смог жить в совершенно иных условиях—он покончил жизнь самоубийством. Трагический этот факт свидетельствует: уже сама атмосфера наша, сами отношения, тот дух коллективизма, который выработан страной и часто даже не замечаем—именно в силу его естественности,—живителен, жизнен, необходим.

Однако мало уповать только на это.

Дух и атмосфера не рождаются сами по себе, они есть следствие правил, выработанных в веках народной моралью и входящих в нерасторжимый сплав с высшими критериями коммунистической нравственности. Фиксатором, пропагандистом, проповедником этих правил являются литература и искусство, особенно посвященные юным. Но здесь множество нереализованных возможностей, особенно когда мы говорим о воспитании нравственности! Ребенку нужен свод первичных правил жизни, высказанных в ненавязчивой форме. Ведь нравственность не есть нечто вообще, неясно-неопределенное, красиво-возвышенное, благородно-хорошее. Она, вероятно, легко расчленима, особенно если размышлять об этой категории применительно к малым людям.

С грустью и сожалением приходится наблюдать, что не только подростки, но и самые малые дети часто душевно неграмотны, бывают жестоки, эгоистичны, бесчувственны, равнодушны к самым близким людям, страдают мимикрией многих и многих нравственных понятий. Во множестве случаев они не виноваты в этом. Точнее, виноваты не только они. В школе об этом говорят мало, дома совсем не говорят, на улице можно скорее получить иные знания и примеры. И вот уже общее отходит на второй план перед личным, рушится товарищество, растет эгоцентризм, цинизм.

Вообще, мне кажется, в борьбе за знания—а уровень знаний поднимается все выше и выше—происходят значительные издержки. Заботясь о знаниях, мы ставим воспитание чувств на второе место. Но что стоит бесчувственный знаток? Разве это наш идеал—бессердечный специалист? Умник без души? Прагматик без доброты?

В пионерской дружине, в комсомольской группе ребята могут деятельно трудиться, выясняя, скажем, где живут ветераны войны и труда и чем они прославились. Но вот за что и при каких обстоятельствах получил боевой орден собственный дед—хоть убей, не знают. Начнешь стыдить—стыдятся. Спрашиваешь, почему сами-то спросить не догадались,—пожимают плечами. Но ежели это пожимание плечами перевести на язык истины, я думаю, перевод будет такой: слишком близко.

Слишком близко! Не печально ли это, не грустно ли, не страшно ли в

ИЗНИ

конце концов?! Мы забываем говорить о тесноте семейных уз, мы сплошь и рядом видим, как юные люди с зевотой разглядывают семейные альбомы, еще узнавая дедов и бабок, а уж о других поколениях не ведая ничего и не интересуясь ими абсолютно. Мы говорим о традициях — революционных, боевых, трудовых, и это благородно, правильно, воспитательно, но почему-то забываем при этом о традициях семейных. А ведь зная эти традиции, испытывая к ним живой интерес, и можно воспитать детей в революционном, боевом и трудовом духе, причем не менее предметно и точно, чем в наших замечательных общественных походах и поисках. По-моему, очень важно, чтобы в квартирах советских людей появились на стенах портреты, может быть, и не очень знаменитых, но оттого не менее дорогих пращуров — рабочих, крестьян, солдат, — присутствие которых в комнате может не только облагородить поведение молодых, но внушить им ту простую истину, что не с них, нет, не с них начинается мир, а они должны быть достойными продолжателями тех, кто был перед ними. Хороший способ и усовершенствовать и облагородить личность!

Я с большим уважением отношусь к литературе и к тем деятелям литературы, которые воспитывают у читателя любовь к животным. Существует даже такая формула: воспитание любви к нашим бессловесным младшим собратьям по земле есть воспитание гуманизма и доброты. Согласен. Но вот свидетелем какого факта мне довелось оказаться. На площади, зимой, лежал человек. Рядом мальчик-акселерат, ростом под метр восемьдесят, прогуливал собачку. Собачка рвалась к лежащему человеку — обнюхать, а мальчик оттягивал ее к себе. Потом, когда лежащего подняли, оказалось: у него сердечный приступ. Вызвали «Скорую», увезли. Я спросил мальчика, почему же он не подошел. Акселерат ответил: думал, лежит пьяный.

Конечно, пьяный вызывает неприязнь. Особенно если валяется. Но если валяется на снегу живой человек, даже пьяный, может, все-таки стоит что-то предпринять?

Разговаривая со мной, мальчик-акселерат взял собачку на руки, гладил ее, трепал, потом сунул за пазуху, благо собачка была маленькая. Любит свою собачку и равнодушен к чужому человеку. С тех пор я все думаю: почему же любовь к собаке, младшему, бессловесному брату, которая у мальчика, как говорится, в наличии, не воспитала в нем все-таки гуманизма? Не происходит ли у нас некоторая переакцентировка гуманизма с человека на животных? Ведь даже самой доброй и самой умной собаке невозможно передоверить воспитание человека. Человека должен воспитывать человек. Но мне приходилось быть свидетелем печального: купили родители ребенку собаку и успокоились. Решили проблему.

Думая о детях, о воспитании их в завтрашних работников нашей жизни, нельзя исходить из ложной концепции: им рано это, им этого нельзя. Кто сказал, что дошкольник лучше поймет правила человеческого общежития по примерам из жизни кузнечиков, жучков и паучков? А тенденция к искусственной инфантилизации детей, тенденция к консервации их в так называемых детских проблемах есть, существует.

Отнюдь не возражая, не сопротивляясь и, напротив, всячески приветствуя огромный пласт детской литературы, посвященный животным, любви к ним, хочу все же сегодня поратовать за увеличение в детской литературе пласта, посвященного человеческим взаимоотношениям, воспитанию любви, справедливости, чести и честности и иных важных категорий. Нужен, очень нужен дождь тонких цветных книжек для детей — про детей и взрослых, но не на уровне двух притоков, трех прилопов, а на уровне блистательно-высокого разговора о важных кирпичиках нравственного фундамента человеческих отношений. Как, к примеру, сделал это Виктор Астафьев в своих первых, самых детских повестях о бабушке из его книги «Последний поклон».

Детство прекрасно, я против искусственного старения детей. Но как все в нашем мире, оно должно быть гармоничным. Нельзя лишать детство разговора о серьезных проблемах, с которыми ребенок сталкивается, не дожидаясь отрочества. Нельзя убеждать маленьких людей, что жизнь напоминает розовое облако из взбитых сливок. Нельзя, рассказывая им о великом, забывать о малом, о таком, к примеру, как доброжелательность, как сострадание, как человеческая надежность. Для литературы, кинематографа, театра, телевидения здесь разлитое море забот и дел.

Мы, взрослые, в ответе за наших ребят. И не только за то, кем они станут — рабочими или академиками, трактористами или художниками. А прежде всего за то, какими будут людьми — соучастливыми или равнодушными? Какими будут мужьями и женами? Какими отцами и матерями? У них все впереди, у наших ребят, но все не за горами.

Сами они не всегда чувствуют неумолимость бега времени. Они порой думают, что еще успеется, что спешить некуда. Верно, успеется. Но спешить надо. Человек становится человеком не там, в будущем. Он становится человеком сейчас, в ту минуту, которой он живет. Человек становится личностью в детстве, в отрочестве, в юности.

Помочь начинающему жить как можно раньше, понять эту простую и сложную истину можно, только взявшись за руки.

Школе, комсомолу, общественности, литературе, искусству. Учителю, предколхоза, академику, отцу, матери, брату, сестре, дяде. Всем нам.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 15 (1253) АВГУСТ 1979

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
ПОД МИРНЫМ НЕБОМ.
Картина
художника
Саркиса
МУРОДЯНА.

- 1** Альберт ЛИХАНОВ. «УТРО ЖИЗНИ».
- 2** Сочинения и стихи подростков.
«ПОСТИГНИ МИР И СЕБЯ».
- 4** Министр внутренних дел СССР
генерал армии Николай Анисимович ЩЕЛОКОВ.
«ГРАЖДАНИНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН».
- 6** ПИСЬМО ЧИТАТЕЛЮ.
Леонид ЖУХОВИЦКИЙ. «ТРУДНЫЕ УРОКИ».
- 8** Василий СУХОМЛИНСКИЙ. «ПИСЬМА К СЫНУ».
- 10** Евгений БОРЗЫХ. «РЯДОМ И ВПЕРЕДИ».
- 12** НЕ ДОЖИДАЯСЬ ВЗРОСЛОСТИ.
Валерий ЛОКТЕВ. «А У НАС ВО ДВОРЕ...»
- 14** Владимир НИКОЛАЕВ.
«ТРИСТА ДНЕЙ ПОСЛЕ ШКОЛЫ».
- 16** Георгий БОНДАРЕНКО. «ВИЖУ ЗВЕЗДУ».
- 18** Сергей ВИШНЯКОВ. «СОЧИНЕНИЕ ИЗ МЕТАЛЛА».
- 20** Константин МАКСИМОВ. КАК ПРЕКРАСЕН ЭТОТ МИР!
- 22** «Я КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЕССМЕРТНЫМ СДЕЛАТЬ БЫ ЖЕЛАЛ».
Из высказываний выдающихся людей о своей юности.
- 24** Рассказ Надежды КОЖЕВНИКОВОЙ
«ВЗРОСЛЫЕ МЫСЛИ ДЕВЯТИКЛАССНИКА РЯБИНКИНА».
- 26** Рассказ Майи ВАЛЕЕВОЙ «ПРЕДАТЕЛЬСТВО».
- 27** НОВОЕ ИМЯ. Стихи Александра АРХАНГЕЛЬСКОГО.
- 28** Станислав ТОКАРЕВ.
«КАКИЕ ОНИ ДЕТИ — ИМ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ УЖЕ!»
- 30** ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНЫ».
Агата КРИСТИ. «ЧАЕПИТИЕ В ХАНТЕРБЕРИ».

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. ГЛЕБОВ, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
В. И. ДЕСЯТЕРИК, А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ
(заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответ-
ственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ,
В. А. СЯУШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (глав-
ный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, Г. Н. ЧЕБОТАРЕВ,
О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантросов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда». «Смена». 1979 г.

ПОСТИГНИ МИР И СЕБЯ

ВЕЧНЫЙ БОЙ

Расту я в большой, многодетной семье. Нас двенадцать детей, я по счету седьмой. Родители любят нас, детей, и влияние оказывают большое...

Но вот в восьмом классе я вступил в комсомол. Кто же подействовал на меня? Все началось с книги А. Фадеева «Молодая гвардия». Считаю, что рекомендацию в комсомол мне дал Сережка Тюленин. «Молодая гвардия» перевернула меня, перепахала, а Сережа стал моим другом, даже больше чем другом — братом. Мне радостно было, что и я расту в такой же многодетной семье, а иногда просто обидно становилось, что товарищи по классу не замечали такого совпадения. Мне так хотелось, чтобы кто-нибудь из одноклассников сказал: «У Тюленина такая же большая семья, как у тебя, Андрюша».

Книга заворожила меня. Я читал и явственно видел, как фашисты расстреливали врача Федора Федоровича, как волоком тянули за ноги тяжело раненных советских солдат из больницы и выбрасывали на двор, как живьем закапывали в Краснодарском парке шахтеров. Я слышал пулеметные очереди, крики раненых, слышал приглушенную, словно несущуюся из-под земли мелодию «Интернационала». Я «заболел» этой книгой. Ненависть переполняла мое сердце. Я разговаривал с Сережкой, делился своими мыслями, давал ему клятву верности, а во сне стрелял, бросал бутылки с зажигательной смесью...

Для нас, сегодняшних школьников, долгая страшная война — это история. Она приходит к нам через кинофильмы, книги, боевые песни. В школе нас учат любить человека, уважать его. Десять лет зреет то чувство, та сила, которая нам подсказывает, как идти по жизни, как защищать жизнь от войны и фашизма. Когда я вступил в комсомол, то понял, что теперь я в ответе не только за себя, но и за судьбы своих младших братьев и сестер.

Я, кажется, стал для них настоящим рассказчиком. Помню, сидим вечером все: брат Коля — шестиклассник, Вова учится в четвертом, Саша — третьеклассник, Нина — первоклассница, а Жанна — дошкольница. Первые трое — сознательные слушатели, а Нина и Жанна рассказы о войне воспринимают еще как сказку. Я рассказываю...

Вот стоит Сережка с матерью перед фашистскими палачами. На окровавленный топчан бросают мать и истязают на глазах у сына. Холодный пот покрыл лоб Сережки, и смотрит он, как кровавые полосы набухают на спине матери. Смотрит и молчит. Потом на этот же топчан бросают Сережку и бьют на глазах у матери. Сережка молчит...

Мальши сидят не шевелясь. А я, как часто делает моя учительница, прерываю рассказ на самом интересном месте: ребята должны потянуться к книге. Еще много-много вечеров впереди.

Сейчас я вижу, что эти занятия не пропали даром. Готовится вступить в комсомол брат Коля. Алые галстуки на груди у Вовы и Саши. Октябрьская звездочка — у Нины.

Вступая в комсомол, я клялся, что буду честно трудиться на благо Родины, выполнять комсомольский долг. Идет вечный бой за сердца людей, и в летописи этой борьбы маленький мой вклад — результат выполненного комсомольского долга. Выполнить же мне его помог высокий пример Сережи Тюленина.

Дорогой мой Сережка! В неоплатном долгу перед памятью твоей буду вечно.

Андрей ДЕМКО,
18 лет,
Брестская область

Люба БЕЛЯКОВА,

15 лет,
Чернигов

В школу

Утро снова наступило,
Солнце рано поднялось,
Брат оделся торопливо,
А отец цветы принес.

Его добрый рыжий Мишка
До порога проведет.

Так волнуется братишка!
В ранец азбуку кладет.
С ранним детством он простился,
Глубоко вздохнув, шагнул
В мир прекрасный, незнакомый —
К солнцу руки протянул!

Я ВИЖУ МИР

Летом мы живем в одном из живописных мест Подмоскovie. Сколько бы мы ни приезжали сюда, никогда не устаем удивляться и находить неожиданное в давно известных местах. Каждый день замечаешь что-то новое: в кроне сосны под окном, или на берегу речки, или в высоком березовом лесу. Вечером мы уходим за деревню ловить последний луч солнца, садящегося за угор. Вечер тихий, прозрачный, все замерло и успокоенно ждет темноты; редкие облачка становятся розовыми, потом тускнеют. Солнце заходит, но долго еще небо сияет чистым золотым светом.

Хорошо в деревне и в пасмурные дни. Тогда по небу идут тяжелые глыбы синих туч, ветер шумит в громадах деревьев, — все видится в новых формах и красках. А летние грозы, о которых я люблю читать в стихах Тютчева! Сколько гроз у него — и все разные. А иногда после жаркого дня проходит прозрачный быстрый дождь, и через все небо перекидывается радуга. Мы спускаемся вниз через ржаное поле. Колосья искрятся каждой зазубринкой, и кажется, что их длинные ости сами превращаются в светонесущие лучи...

Наверное, человеку надо учиться удивляться каждой травинке, каждому солнечному дню, надо учиться находить прекрасное и в природе, и в искусстве, и, главное, в людях.

В наш сверхскоростной век так важно суметь найти минуту, чтобы увидеть в городском садике куст сирени, остановиться, приглядеться, чуть отпустить напряжение дня и улыбнуться этой красоте, как доброму другу. И с радостью в душе продолжать свой путь. Так мимолетное свидание с красотой наполняет жизнь светлым смыслом.

Когда впервые я увидела «Вечерний звон» Левитана, обрадовалась, поняв: это то, что люди называют шедевром. Я увидела и вновь пережила тихий вечер в родном Подмоскovie. Как безгранично прекрасен мир, в котором я живу!

Лена ФИЛИПОВА,
14 лет,
Москва

Дима ТОРОПОВ,
14 лет,
Владивосток

Лошади в городе

Город скоростей, бетона. Город,
Кажется, без края и границ.
Сталью и стеклом отгородился город
От растений, от животных и от птиц.

И представьте — в этом городе, на площади,
Появились лошади.

Город скоростей, бетона. Город
Делом занят, дымом труб объят...
Вдруг на улицах раздался топот,
Словно в двери города стучат.

Скачут лошади по городу, волнуясь,
Скачут по асфальту длинных улиц.

Город удивился, город замер,
Стекла удивляются витрин.
Город лошадей на миг представил
Новым видом скачущих машин.

Город скоростей, бетона. Город,
У которого так много дел,
От лошадок стал моложе город,
От лошадок этих подобрел.

Лена ЗАВЬЯЛОВА,
15 лет,
Тульская область

Все весной торопятся куда-то.
Птицы с юга — в села, города,
Словно не было зимы когда-то...
И везде, везде стоит вода.

Листья лишь проклюнулись на вербе,
А глядишь, уже везде кишат
Возле луж, канавок, речек вешних
Кочки новых крошек-лягушат.

И они стремятся за весною,
Все торопятся, спешат туда,
Где трава сияет новизною,
Где течет спокойная вода.

Ты идешь — и смотришь: под ногами
Лягушонок прыгает, спешит,
Мокрыми блестящими глазами
На прохожих весело глядит.

Мargarита РЕДЬКИНА,

14 лет,
Запорожье

На гибкой ветке, за зеленым ситцем,
Сидела птица и встречала день.
Была зажата сказочка-свирель
В прозрачном клюве маленькой певички.

Но кто нарушить музыку посмел?

По роще понеслись глухие звуки,
И странный шум наполнил тишину —
То дятел в одинокую сосну
Стучит, и стук несется по округе...

Лена ДЬЯКОВА,

17 лет,
Москва

Яблоко

Прилети ко мне — слышишь? — облако.
Подарю тебе — хочешь? — яблоко.
Очень круглое, очень светлое —
Не ищи его между ветками.
Ты какое хочешь? Антоново?
Два штриха — и оно готовое.
Ты живое хочешь? Без вымысла?
Посадила. Еще не выросло.

Стелла ВАРАКСИНА,

13 лет,
Волгоград

Выплывает трамвай из тумана,
Мы садимся в последний вагон.
И куда-то едем мы с мамой,
Слыша вечера тихий звон.
Едут-мчатся куда-то машины,
Светофор им мигает вослед.
Чертят-трутся о землю шины,
На дороге рисуя свой след.
Вечер тихий, волшебник из сказки,
В облаках над дорогой лежит
И, сменив свои иглистые краски,
На закате барянцем горит.

ПРИНЦ ГАМЛЕТ И НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОЕЙ ЖИЗНИ

Однажды я решил вести дневник. Но как? О чем писать? Только о хорошем или о плохом и хорошем вместе? Подумал и решил: буду писать о самом главном.

Что же важного было в моей жизни? Когда человеку четырнадцать, принято говорить: «У него вся жизнь впереди». Но ведь каждый прожитый день остается с нами навсегда, значит, и этот день мы возьмем с собой в ту, будущую свою жизнь, значит, каждый сегодняшний день очень важен.

Когда я был маленьким, мечтал, чтобы у меня был брат. Вот будет интересно! И правда, с рождением Никиты жизнь моя сильно изменилась. У мамы появились новые заботы, а у меня новые обязанности: сходить в магазин, вымыть посуду, погулять во дворе с братом. Никита подросток и начал задавать мне свои трудные вопросы и обращаться с бесконечными просьбами: почитай, расскажи, нарисуй. Очень часто мне хотелось заниматься своими делами, но я ему никогда не отказывал. Научил его рисовать, кататься на велосипеде, даже писать немножко. Пока он рос, я понял, как трудно воспитать человека.

Однажды в конце учебного года папа предложил мне поехать с ним в экспедицию. «Вот здорово», — подумал я и сразу же согласился. Папа — геолог. Он часто рассказывал мне о своих экспедициях, об интересных случаях и даже приключениях. Конечно, мне эти рассказы очень нравились. А тут такая возможность: самому испытать все это.

Свой лагерь мы разбили на берегу речки Имулы недалеко от маленького городка Сабиле. Походная жизнь есть походная жизнь: надо уметь разбить палатку, разжечь костер, сварить на костре уху из рыбы, которую сам же поймал, до блеска начистить алюминиевые миски и кружки. Однажды легкую миску течение вырвало из моих рук и понесло вниз. Догоняя ее, я в одежде свалился в реку. Мокрый, я прибыл в лагерь. Надо мной все смеялись, но я не обиделся: в экспедиции без шуток нельзя.

Берега у Имулы очень красивы. В одном месте высокий отвесный обрыв — геологи называют это обнажением — спускается прямо к воде. Много веков назад на этом месте было море, и задача экспедиции заключалась в том, чтобы найти в морских отложениях окаменелости доисторических рыб. Две недели мы вели раскопки и увезли в Ригу интереснейшие находки — целую «стаю» неизвестного науке вида доисторических окаменелых рыб. Их латинское название «ботриолепис».

В нашем лагере всегда было весело. Каждый день мы придумывали что-нибудь новое: конкурс или поход, интересные спортивные праздники.

Однажды вечером кто-то подобрал на берегу раненую чайку и принес в отряд. Чайка лежала на траве, изогнув шею и устало прикрыв глаза. Ее перебитое белое крыло с черной каймой по краю напоминало широкий развевающийся плащ. «Принц Гамлет», — сказал кто-то из ребят. С тех пор мы все так и называли нашу чайку. Лечили ее долго: кормили размоченным хлебом, свежей рыбой. А потом, когда крыло зажило, отпустили чайку на волю.

Как-то зимой с друзьями мы приехали в Сабиле. Конечно же, я пошел на место нашего летнего лагеря. Закопанные дачи, запертые калитки. Я подошел к забору и стряхнул снег с таблички с названием «Искатель». И вдруг рядом со мной на забор опустилась чайка. Что-то знакомое почувствовалось мне в ней. «Гамлет, Гамлет», — позвал я. Чайка замерла, внимательно посмотрела на меня и, словно вспомнив что-то хорошее, медленно поднялась в воздух и стала кружиться над моей головой. Было тихо. Я стоял у закопленного лагеря, смотрел на Гамлета и думал: «Самое главное в жизни — никогда не забывать хорошее».

Сергей КОНШИН,
15 лет,
Рига

Юля СОБОЛЕВА,
16 лет,
Конаково

Жеребенок

Жеребенок усталый
Прикорнул на лугу.
Стразу тихо все стало,
Все молчит, ни гу-гу.

Приулюкли кузнечики,
И жуки не гудят.

«Тихо, спит жеребенок! —
Все они говорят. —

С ветром бегал он взлупости
И его обогнал.

Не шумите, пожалуйста!
Жеребенок устал!»

ПОБЕДИ СЕБЯ

Мне неприятно вспоминать тот день, но в моей памяти он останется на всю жизнь. Когда я шел на педсовет, думал, ну, поругают, как всегда, и вдруг слышу: «Предлагают из школы исключить». Вспомнили все: и драки, и то, что у меня почти все двойки. «Ну и пусть», — я даже почувствовал себя героем, — ничего же боюсь, подумаешь, уйду в «вечерку». А секция? Зот чего мне было жаль. Я только что записался в секцию дзюдо. Мне очень хотелось стать сильным, ловким — таким, чтобы, не моргнув глазом, выйти против четверых...

Педсовет меня все-таки оставил в школе с испытательным сроком. В последний раз. Трудно мне было бороться с собой. Если честно, я не верил, что выдержу. Не привык заставлять себя делать то, чего не хочу, не терпел никаких рамок.

Но, в общем, я выдержал. Через год в моем дневнике было всего три тройки — остальные хорошие отметки. На вопрос: «Что это с ним произошло?» — сразу не отвечу. Пришлось бы рассказать многое о моем тренере, студенте института физкультуры Алексее Маликове, кандидате в мастера спорта.

Он не лез мне в душу, просто рассказывал иногда о себе. О том, как был «королем» на своей улице, как хорошо усвоил закон кулака, как гордился этим. Случай привел его в спортивную секцию и изменил всю его жизнь, которая, как он выразился, «могла не состояться». Наверное, он и пробудил во мне совесть.

Часто после тренировки мы бродили по улицам, спорили о том, что такое настоящее мужество, сила. Во многом я с ним не соглашался, но мне было интересно. Нередко я ловил себя на том, что мне хочется в кино, хочется вообще ничего не делать. Но я шел на тренировку, перламывал себя в мелочах. Однажды, когда мы шли поздним вечером через сквер, увидели, как двое подвыпивших парней перерачивали урны. Я выбрал того, который был выше: «Подними». Увидел злые прищуренные глаза и мелькнувший перед глазами кулак. Не помню, что было трудней — устоять от удара на ногах или не дать сдачи. Все во мне кипело, но я сцелил зубы и сказал еще раз: «Подними». Он поднял урну...

Мой тренер чему-то улыбался. А мне было не до смеха, я думал о том, что сам мог оказаться среди тех, кто, не задумываясь, тратит свою силу попусту, по глупости похваляется ею. Может, случайно прочтет мое письмо какой-нибудь парень, который пока не понял, а чем же настоящее мужество.

Андрей Я.,
16 лет,
Краснодар

Аня РАСКИНА,

14 лет,
Баку

Мечта

Хочу, как птица, в небо я взлететь,
Чтоб там Луну поближе рассмотреть,
Чтоб тронуть луч серебряной звезды,
Чтоб поглядеть на Землю с высоты,
Чтоб ощутить полет воздушный свой,
Чтоб провестись по радуге рукой
И чтоб из этого далекого пути
Кусочек облака на Землю принести.

Андрей ШАНИДЗЕ,

15 лет,
Москва

Сейчас мне пятнадцать,
А было лишь шесть,
Когда на концерте в Москве
Я слушал Хару.

Я помню одежду его,
Гитару и руки, в песен не помню,
Ведь мне было шесть.

И помню, как мама сказала:
«Как радостны песни его!»
А в зале была тишина, тишина.

Сегодня в музее я был.
Как страшно: увидел, узнал...
Виктор Хара...

Наверно, художник в крови был,
Когда высекал он певца.
Из вырванных глаз лилась радость,
Из горла кровавого песня текла,
А руки (хоть не было их), я видел,
Звенели гитарой: о Чили, о Чили!

ОХ, УЖ ЭТИ РОДИТЕЛИ...

Странные люди — наши родители! Живешь с ними четырнадцать лет, а потом оказывается, что ты ничего про них не знаешь.

«Да, — подумала я однажды, — о других родителях в газетах пишут: кто-то зимует в Антарктиде, кто-то сделал выдающиеся изобретения. А мой папа — простой электрик и даже с ошибками пишет».

И вдруг, роаясь как-то в старом портфеле, где у нас лежат документы, я обнаружила свернутую вчетверо пожелтевшую почетную грамоту.

«...Награждается комбайнер совхоза «Целинный» комсомолец Поливанчук Иван Васильевич за отвагу, проявленную при спасении совхозного урожая». И дата — 15 августа 1957 года.

Я не поверила своим глазам: Поливанчук Иван Васильевич — это мой отец! Мой папа — целинник?

Вечером я пристала к отцу:
— Расскажи, за что ты грамоту получил?
— В грамоте все написано. Ты у мамы лучше спроси. Она со мной вместе была.

И все-таки я узнала, что в 1956 году после окончания курсов механизаторов папа поехал осваивать казахстанские степи. Тогда ему было всего двадцать лет.

Лето 1957 года стояло жаркое. Молодежь, комсомольцы работали с раннего утра до поздней ночи. Спали они в палатках по четыре часа в сутки. И вот однажды, когда уставшие люди спали мертвым сном, загорелась степь. Тревожно ржали лошади, метались перепуганные люди.

Если бы об этом рассказывал журналист, он бы, наверное, написал примерно так: «Но отважные комсомольцы, увидев, как огненные языки пламени подбираются к хлебу, не растерялись. Во главе с комсоргом Иваном Поливанчуком они бросились к тракторам и направили их в самое пекло, стараясь распахать землю на пути к колхозному хлебу. В этой трудной битве с огнем у отважного комсорга загорелся трактор. За пылающим трактором был драгоценный хлеб. Медлить было нельзя, и горящий трактор огненным факелом пополз от пшеницы все дальше и дальше.

— Ванька, прыгай! Иван! — кричал, надрываясь, бригадир.

Но Иван ничего не слышал и не чувствовал, он вел горящий трактор все дальше от хлеба. И только в безопасном месте трактор остановился, и из него выпрыгнул парень в тлеющей телогрейке.

— Ванька, друг, живой? — несло со всех сторон. К нему бросились с одеялами и потушили огонь. А потом его качали. И только после этого Ивана Поливанчука отправили в больницу, а его товарищи еще целые сутки сражались с огнем, но хлеб все-таки отстояли.

Вот какие они, комсомольцы 50-х годов!»

А может, журналист написал бы по-другому. Но когда об этом говорит отец, у него выглядит так:

— Кто-то, верно, папиросу не погасил, а может быть, по другой причине, но только загорелась степь. Ну, мы огонь потушили... Ничего особенного.

— Ты его еще спроси, как они от волков отбивались, — улыбается мама, — или как он чуть не утонул, когда половодьем мост снесло, и он через речку вброд машину с соляркой гнал.

— Ты уж наговоришь, — смущается отец. — У тебя я прямо герой получаюсь.

— А что? У него ведь и медаль есть «За освоение целинных и залежных земель».

Вот тебе и скромный, простой электрик! Я бы на его месте всем рассказала о своих подвигах, а он только молчит и отмахивается.

Нет, все-таки странные эти люди — наши родители.

Лена ПОЛИВАНЧУК,
14 лет,
Уфа

Лена ЯБЛОКОВА,

15 лет,
Киров

Детство

Вспомню детство. Тихий двор.
Непокрашенный забор.
Моя бабушка-старушка
На скамеечке сидит.
Перед ней с малиной кружка
Оловянная стоит.
Маленький зеленый садик
Весь малиною зарос.
Толстый кот под дверью сядет,
Распушив на солнце хвост.
Пахнет речкой и цветами,
Небо синее светло.
Слишком быстрыми шагами
Детство милое ушло.

Ира КУЛИКОВА,

15 лет,
Баку

Костер

Как будто ты, костер, поешь,
Как будто говоришь —
То хрустнешь веткой, то замрешь,
То вовсе замолчишь.

Быть может, хочешь рассказать
Мне про лесные сны?
Что вновь зима — и мы опять
Простимся до весны?

А может быть, ты о луне
Мне говоришь тайком
И альбом парусом ко мне
Плывешь под ветерком!

**Министр
внутренних дел СССР,
генерал армии
Николай Анисимович
ЩЕЛОКОВ
отвечает
на вопросы «Смены»**

— Новая Конституция СССР определила в качестве одной из главных задач нашего государства воспитание человека коммунистического общества. В первую очередь это относится к тем юношам и девушкам, которые сегодня вступают в жизнь. Расскажите, пожалуйста, товарищ министр, о роли органов внутренних дел в осуществлении этой важнейшей функции государства.

— Выполняя решения XXV съезда КПСС, успешно решая сложнейший комплекс экономических, социально-политических и научно-технических задач строительства коммунизма, Коммунистическая партия, Советское государство уделяют неослабное внимание совершенствованию всей системы воспитания граждан, молодого поколения нашей страны.

ленной и непримиримой борьбы с враждебными социализму пережитками прошлого. Партия требует в полной мере использовать в борьбе с этими явлениями и убеждение словом и строгую силу закона.

Сотрудники органов внутренних дел ведут работу на сложном участке социальной жизни общества. Они выступают активными участниками борьбы за нового человека, против вредных пережитков прошлого — этой накипи веков в сознании и поведении людей, против правонарушений и иных антиобщественных проступков, которые являются проявлением психологии собственничества и мещанской морали, стяжательства и тунеядства, бескультурья и индивидуализма.

Возможности общества развитого социализма по преодолению различных негативных социальных явлений многократно возросли. Неуклонно растут благосостояние и культура советских людей, постоянно повышаются их сознательность и интеллектуальный уровень, крепнет единство советского народа, совершенствуются общественные отношения и социалистическая демократия.

Вместе с тем антиобщественные проявления пока еще полностью не устранены из нашей жизни. Именно поэтому всемерное укрепление правопорядка, нравственное и правовое воспитание советских людей являются предметом

советская милиция активно и последовательно решают эту задачу, опираясь на широкую помощь и поддержку общественности, всех трудящихся.

Курс на широкую социальную профилактику правонарушений вытекает из решений партии и правительства, из самой природы социалистического общества. Это одно из важнейших направлений в борьбе с преступностью.

Система социальной профилактики наряду с мерами воспитания и убеждения предусматривает активную работу комиссий Советов народных депутатов по вопросам законности и правопорядка, советов профилактики трудовых коллективов, а также деятельность общественных пунктов охраны порядка в жилых микрорайонах, добровольных народных дружин и товарищеских судов, подразделений профилактики, созданных в каждом органе внутренних дел.

В профилактике правонарушений активное участие принимает советская милиция. Свою главную задачу она видит в том, чтобы предупредить, удержать человека от неверного шага еще до того, как он преступит границу закона.

Проблемой большой государственной важности является профилактика правонарушений молодежи, несовершеннолетних. И мы говорим об этом не потому, что это связано с какими-то чрезвычайными обстоятельствами. Советские люди по праву гордятся молодежью наших

«Подросток», военно-спортивные игры, военно-спортивные лагеря, а также включение «трудных» подростков в студенческие строительные отряды. Мы особо можем отметить, что меры предупреждения правонарушений со стороны молодежи и особенно подростков строятся и реализуются на основе тесного и все более расширяющегося взаимодействия с комсомолом. Это уже сложившаяся традиция, это живая, повседневная практика. Положительно зарекомендовали себя комсомольские штабы, которые ведут эффективную индивидуальную профилактику, помогают подросткам в учебе, в занятиях спортом, организуют их досуг. Важное воспитательное значение имеет работа отрядов юных дзержинцев, друзей милиции, инспекторов движения. В них ребята получают правовые знания, проходят хорошую школу гражданственности.

Нет сомнения в том, что усиление внимания к вопросам воспитания подрастающего поколения в связи с объявлением 1979 года Международным годом ребенка будет способствовать еще большей активизации профилактики правонарушений со стороны подростков.

— В феврале 1977 года был внесен ряд изменений в законодательство об ответственности за правонарушения несовершеннолетних. Во многих

ГРАЖДАННОМ БЫТ

Вот уже почти два года действует новая Конституция СССР, которая подтверждает завоеванные советскими людьми права и свободы, дополняет их новыми важными конституционными гарантиями и создает правовой фундамент для дальнейшего совершенствования нашего советского образа жизни.

Воспитание советских людей, в первую очередь молодежи, в духе высокого патриотизма, глубокой идейности, нравственности — одно из ведущих положений Конституции СССР. Это требование в полной мере относится ко всем государственным органам и общественным организациям. Забота о воспитании подрастающего поколения, и особенно детей, ныне является конституционной обязанностью граждан. Это дело всех и каждого.

Положения Основного Закона отражают высокий социалистический гуманизм и демократизм нашего строя, поднимают значение и достоинство гражданина СССР, подчеркивают неразрывность его прав и ответственности перед народом, страной.

В условиях развитого социализма неизмеримо возросло значение надежного правопорядка, высокой общественной дисциплины.

Как отмечал Леонид Ильич Брежнев, уровень сознательности, культуры, гражданской ответственности советских людей будет играть все большую роль для всех сфер жизни и развития нашего общества. Воспитывать в человеке устремленность к высоким коммунистическим общественным целям, идейную убежденность, подлинно творческое отношение к труду — это одна из первостепенных задач. Здесь проходит очень важный фронт борьбы за коммунизм. И от побед на этом фронте все больше зависят и ход экономического строительства и социально-политическое развитие страны.

Принятое недавно постановление ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» также отводит важное место обеспечению целеустрем-

ленной заботы партии. Органы внутренних дел в полной мере участвуют в этой работе, вносят свой вклад в дело коммунистического воспитания молодежи. Работники советской милиции достойно продолжают славные чекистские традиции пламенного рыцаря революции Феликса Эдмундовича Дзержинского, который вскоре после победы Октября по поручению партии возглавил труднейшую работу по борьбе с детской беспризорностью и преступностью. Борьба с безнадзорностью детей и предупреждение правонарушений со стороны несовершеннолетних остаются важнейшей задачей органов внутренних дел.

— Известно, что в деятельности советской милиции по укреплению правопорядка все большее место занимает профилактика правонарушений, их предупреждение. Хотелось бы, Николай Анисимович, чтобы вы подробнее рассказали об этом важном направлении борьбы с правонарушениями и, в частности, их профилактике среди молодежи, несовершеннолетних.

— Выполнение поставленной Программой КПСС задачи — ликвидации преступности и устранения всех причин и условий, ее порождающих, — это сложный, постепенный социальный процесс. Он требует настойчивого комплексного решения важных социально-экономических, воспитательных и правовых задач. Для этого необходимы объединенные усилия всех государственных органов и общественных организаций. В успешном решении этих задач заинтересован каждый советский человек.

В условиях социализма нет и не может быть узкопрофессионального, ведомственного подхода к сложным социальным вопросам укрепления правопорядка. Борьба с правонарушениями стала в нашей стране делом подлинно общепартийным, общегосударственным, общенародным. Органы внутренних дел,

как отметил на XVIII съезде комсомола Леонид Ильич Брежнев, она растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии. Миллионы юношей и девушек показывают образцы мужества, стойкости, верности идеалам Октября, активно участвуют в претворении планов партии в жизнь.

С удовлетворением можно отметить, что последовательно снижается число правонарушений среди несовершеннолетних. За последние 30 лет удельный вес преступлений несовершеннолетних сократился в два раза. Многие важные вопросы профилактики правонарушений среди молодежи, перевоспитания оступившихся подростков решаются органами внутренних дел совместно с комсомолом, органами народного образования, профтехобразования.

Хороший опыт комплексного решения вопросов профилактики правонарушений среди несовершеннолетних накоплен в Москве, Ленинграде, Минске, Ростовской, Свердловской, Курской, Карагандинской, Львовской и многих других областях. Работа по предупреждению правонарушений среди молодежи и несовершеннолетних здесь ведется систематически и планомерно, включает в себя меры идейно-воспитательного характера, тесно связана с планами экономического и социального развития. Выработаны интересные формы взаимодействия правоохранительных органов и общественности. Крепнет и развивается сотрудничество ученых Академии педагогических наук, педагогических вузов и научных подразделений МВД в исследовании актуальных проблем коммунистического воспитания подрастающего поколения, изучении причин отклонения в поведении подростков и разработке комплекса мер по предупреждению антиобщественных проявлений.

Прочно вошли в систему профилактической работы и дают свои плоды такие проводимые ежегодно совместно с комсомолом, органами народного и профессионально-технического образования мероприятия, как операции «Забота» и

письмах, присланных в редакцию, наши читатели интересуются существом этих изменений и результатами их применения.

— Принятые Президиумом Верховного Совета СССР изменения действующего уголовного и уголовно-процессуального законодательства являются новым проявлением линии партии на дальнейшую гуманизацию наших законов и направлены на повышение эффективности борьбы с антиобщественными проступками несовершеннолетних, активизацию воспитательной работы с молодежью.

Закон предоставил суду право с учетом характера допущенного правонарушения и личности подростка устанавливать на срок до двух лет отсрочку исполнения приговора. Суду предоставлено также право отсрочки исполнения приговора в отношении беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до трех лет. Эти важные гуманные меры социалистического государства имеют не только огромное политическое, социальное, но и международное значение. Ведь это вопросы охраны материнства и детства. Женщина-мать — святое понятие. Материнство и детство — это достояние нации. Партия, социалистическое государство делают все, чтобы всегда и во всем оберегать это достояние.

Закон об отсрочке исполнения приговора несовершеннолетним правонарушителем действует уже свыше двух лет, и с полным основанием можно сказать, что жизнь убедительно подтвердила правильность принятого решения. Подвляющее большинство подростков, получивших отсрочку исполнения приговора, работают, учатся, живут в семье и всем своим поведением доказывают возможность исправления без лишения свободы.

Понятно, что предоставление отсрочки исполнения приговора сочетается с усилением контроля, надзора за поведением подростка, совершившего правонарушение. Это потребовало даль-

нейшего совершенствования шефства, наставничества, других форм контроля, всего комплекса воспитательно-профилактической работы с «трудными» подростками. Повысилась ответственность органов внутренних дел, трудовых коллективов, общественности и особенно комсомольских организаций за состояние этой работы. Учитывая наши возможности, мы должны буквально «по рукам» разобрать таких подростков, уберечь их от колонии. Колония — не лучшее место для воспитания, особенно если это касается молодежи. Колония — это крайняя мера наказания.

Вот почему в работе с «трудными» подростками сегодня так возросли значение и роль инспекций органов внутренних дел по делам несовершеннолетних. Когда-то энтузиастов, боровшихся с детской беспризорностью и преступностью, Советская власть назвала «братьями и сестрами социальной помощи». Сейчас это участковые инспектора по делам несовершеннолетних, составляющие один из отрядов службы профилактики. В их составе юристы, педагоги и психологи, большинство из них — женщины. Они отдают знания, энергию, а главное — тепло своей души, чтобы уберечь подростков от правонарушений.

Инспекции осуществляют широкий комплекс мероприятий по предупреждению и пресечению антиобщественных проступков и правонарушений несовершеннолетних, принимают меры по

работниках культуры и искусства города Ленина. Театр юного зрителя шефствует над военно-патриотическим клубом Фрунзенского района, театр имени Ленинского комсомола — над клубом «Петроград». Объединение Ленконцерт создало специальную программу, с которой артисты постоянно выступают в детских клубах, дают бесплатные спектакли, организуют их обсуждение.

Работа комсомола ленинградских вузов и предприятий приносит свои положительные результаты: не случайно число правонарушений несовершеннолетних там постоянно уменьшается.

Во все времена находились скептики, которые сетовали на современную им молодежь. «Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана... не уважает стариков, нынешние дети стали тиранами... перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие...». «Дети больше не слушаются своих родителей...». «Молодежь растленна до глубины души. Молодые люди нерадивы. Никогда они не будут походить на молодежь былых времен». Так вот: первое высказывание принадлежит... Сократу (470 лет до нашей эры), второе — египетскому жрецу, жившему за две тысячи лет до нашей эры. А последнее обнаружено среди развалин Вавилона.

Мы далеки от подобного скептицизма. Наша молодежь почитает пожилых, уважает родителей, бережно относится к младшим.

Ь ОБЯЗАН

устранению причин преступлений и способствующих им условий. Они выявляют несовершеннолетних правонарушителей, а также родителей, которые злостно не выполняют обязанности по воспитанию детей и своим антиобщественным поведением сами нередко способствуют правонарушениям, и проводят с ними индивидуальную профилактическую работу. В своей деятельности инспекции опираются на поддержку и содействие комсомольских и профсоюзных организаций, трудовых коллективов, спортивных, культурно-просветительных учреждений, добровольных народных дружин по охране общественного порядка и других государственных и общественных организаций. Хочу подчеркнуть, что люди, помогающие инспекторам в перевоспитании «трудных» ребят, — это подлинные энтузиасты. Призыв партии бороться с безнадзорностью, предупреждать правонарушения несовершеннолетних воспринят ими как высокий гражданский долг.

С большим размахом, комплексно решают вопросы работы с подростками ленинградцы. Плодотворно шефствуют над «трудными» подростками Механический институт и Политехнический институт имени М. И. Калинина, организовавшие клубы «Прометей» и «Мужество» в своих районах. Офицеры и слушатели Военно-морского училища имени М. В. Фрунзе создали в Василеостровском районе клуб «Каравелла», а на территории училища в летнее время действует лагерь для «трудных» ребят. Студенты Ленинградского государственного университета, Института авиационного приборостроения и других вузов не только постоянно включают «трудных» подростков в состав строительных отрядов, но и продолжают шефствовать над такими ребятами по окончании трудового семестра. Активно работают комсомольские штабы при инспекциях по делам несовершеннолетних, члены которых проводят рейды, берут индивидуальное шефство над подростками, а также клубы при жэках.

Нельзя не сказать доброго слова и о

— И все же когда подростки, молодые люди совершают правонарушения, возникает вопрос: в чем наиболее характерные причины этих негативных явлений, что нужно сделать для их преодоления?

— Когда анализируешь причины правонарушений несовершеннолетних, снова и снова убеждаешься в том, что все, несомненно, сводится к воспитанию и еще раз воспитанию в семье, в школе, в трудовом коллективе.

Семья, конечно, остается самым тонким инструментом воздействия на все стороны формирования юной личности, однако все еще недостаточно делается для повышения педагогической культуры, «всеобщая» самих родителей. Но этого мало. Нездоровые, подчас опасные для формирования подростка ситуации в семье бывают так сложны, что было бы неправильным уповать на все силы одних педагогических рецептов.

В некоторых семьях происходит процесс инфляции материальных ценностей в глазах подростков. За последние годы расходы на ученика восьмого класса повысились в три раза, а на ученицу девятого-десятого класса — в четыре раза. Эти расходы часто опережают рост доходов семьи. А раз так, то надо, чтобы воспитательное воздействие всегда и во всем вносило правильные коррективы в поток еще не осмысленных подростком благ. Но, к сожалению, происходит так не везде, и подросток не учится связывать эти блага непосредственно с трудовыми усилиями семьи. В этом одна из причин такого явления, как иждивенческий инфантилизм.

Пагубное влияние на подростка оказывает пьянство родителей. Известно, что более половины подростков-правонарушителей впервые приобрелись к вину за родительским столом. Значит, воспитательные усилия следует сосредоточить на повседневной кропотливой работе с отдельными неблагополучными семьями. Кроме того, третья часть подростков, состоящих на учете в милиции, не имеет одного из родителей,

чаще всего отца. Именно ребята из таких семей нуждаются в хорошем шефе, дельном наставнике. Между тем каждый четвертый из таких подростков шефа не имеет. К тому же не все шефы ведут работу заинтересованно. Школа, общественность, комсомол должны проявлять по отношению к таким подросткам особую заботу.

— Нередко одной из причин отклонений в поведении подростков считают улицу, двор, их пагубное влияние. Что вы можете сказать по этому поводу?

— Для подростка двор — это целый мир со своими открытиями, победами и поражениями. Поэтому надо научиться умело работать с подростками во дворе, направить их «уличную» энергию в нужное русло — так ставится сейчас вопрос.

Изменилось и само понятие «двор». В старом понимании «двора», особенно в районах новостроек, сейчас уже нет. Теперь это целый микрорайон, в котором находятся школа, жилищная контора, общественный пункт охраны правопорядка. Здесь есть все возможности хорошо организовать полезный досуг ребят, создать комплекс оптимальных условий для игр, занятий спортом, технического творчества. Я уже отмечал, с каким размахом, по-деловому ведут эту работу в Ленинграде. Знакомство с деятельностью многих подростковых клубов убеждает в огромных положительных результатах этой внешкольной работы.

К сожалению, так дело поставлено не везде. Надо сказать, что не всегда осуществляется даже то, что предусмотрено проектами и сметами. Распылены по разным организациям и не в полной мере используются огромные средства, которые отпускает государство на работу с подростками. Это снижает результаты воспитательной работы.

Важно, чтобы здесь в полной мере прозвучало весомое слово школы, комсомола. Школа призвана и должна стать

подлинно методическим центром воспитательной работы с подростками в микрорайоне. Требования школы, ее педагогические принципы работы с детьми в микрорайоне должны в полной мере учитываться проектировщиками, строителями, жилищными органами.

Особого внимания заслуживает практика работы школ продленного дня и школ полного дня. В Москве уже существует 80 подобных школ. То, что ими достигнуто, говорит о перспективности этого направления. Напомним, что Н. К. Крупская энергично выступала за однодневные школы, за превращение вечерних школ в клуб, за то, чтобы расширилось ее влияние на формирование интересов учащихся во внеурочные часы. Жизнь показывает, что эта проблема приобретает все большую актуальность.

Особое значение школы продленного и полного дня имеют для Сибири и Дальнего Востока, для других районов, где создаются крупные территориально-промышленные комплексы, характерная черта которых — высокая трудовая занятость взрослого населения.

В работе с подростками по месту жительства и впрямь должны активное участие принимать студенты педагогических вузов и училищ. Для них это серьезная школа профессионального становления. Шире надо привлекать подростков и в студенческие строительные отряды. Это тоже дает свои положительные результаты.

Практика убеждает, что есть тесная связь правонарушений подростков со второгодничеством и так называемым «выбытием» из школы. Не случайно второгодники составляют около половины всех «трудных» ребят, состоящих на учете в милиции. Второгодник, как «голубь-чужак», сплошь и рядом становится достойным улицы, находкой подворотни. Второгодники совершают правонарушения в 15 раз чаще, чем остальные школьники.

Второгодничество для нынешнего этапа развития нашей школы, я убежден, явление протирочное. Вы-

сокая квалификация педагогов, индивидуальный подход к каждому ученику, товарищеская взаимопомощь должны вообще исключить из нашей жизни, как явный анахронизм, институт второгодничества.

В современных условиях правонарушения в значительной мере являются проявлением бескультуры, духовной бедности человека. Поэтому именно в школе важно донести до сознания каждого юноши и каждой девушки высокие положения нашей коммунистической морали и нравственности, помочь им со всей ответственностью осмыслить и реализовать всю совокупность прав и обязанностей гражданина СССР. В школах, профтехучилищах и техникумах, как известно, введено изучение основ нравственного воспитания и основ правовых знаний. Думается, что эти уроки коммунистической нравственности должны представлять собой стройный курс и пронизывать всю систему обучения, начиная с начальных классов школы, а не вводиться лишь как факультатив в старших классах. К сожалению, до настоящего времени школы не имеют учебника этики, слабо развернута подготовка педагогов по этой дисциплине.

В неослабном внимании нуждаются работающие подростки и учащиеся профтехучилищ. Все больше выпускников средних школ становятся в ряды рабочего класса. Для них наступает период известной самостоятельности, открываются возможности для проявления всех своих лучших качеств. И именно в это время на первое место выступает проблема воспитания молодых людей в трудовом коллективе. Очень важно, чтобы вчерашние школьники сразу попадали в заботливые руки наставников-бригадиров, мастеров, кадровых рабочих. Именно они должны помочь молодому человеку правильно оценить реальности окружающей действительности, не павсать перед трудностями, увидеть жизненную перспективу. Терпение и такт, уважение и требовательность старших к младшим — вот тот путь, который приведет к успеху.

Я был в бригадах у таких наставников и видел замечательных ребят, многие из которых были в свое время в числе так называемых «трудных», дерзких, задиристых, не признающих авторитетов, изрядно познавших уличную жизнь и праздность. И надо видеть, какими становятся эти ребята, поработав год-два в такой бригаде, как идет «перековка», как к ним приходит настоящая гражданская зрелость и увлеченность трудом. Ершистые, колючие ребята становятся квалифицированными рабочими, замечательными людьми, их с честью провозглашают на службу в армию и охотно вновь принимают в свой трудовой коллектив.

Слабым звеном пока еще остается воспитательная работа в рабочих общежитиях. Особое значение эта проблема приобретает для городов-новостроек. Скажем, в таком городе, как Усть-Илимск, в общежитиях проживает третья часть населения. К сожалению, работа здесь нередко сводится к проведению простейших, зачастую формальных мероприятий. При наличии у нас широкой сети педагогических институтов, профсоюзных и комсомольских школ воспитателей общежитий пока нигде специально не готовят. А ведь это труднейшее искусство — представлять и олицетворять в глазах молодежи, прибывшей в основном из сельской местности, культуру социалистического города, утверждать ее ценности и высокий социальный престиж.

Сегодня наше внимание, естественно, сфокусировано на той части молодежи, которая допускает антиобщественные проявления. И вместе с тем наша работа, повседневная практика убеждают, что есть все возможности уберечь вступающих в жизнь людей от неверного шага. Можно не сомневаться, что в решении этой общенародной, государственной задачи — задачи коммунистического воспитания молодежи — мы добьемся новых успехов.

Письмо читателю

ТРУДНЫЕ УРОКИ

Леонид ЖУХОВИЦКИЙ

В редакцию приходит много писем от юных читателей — мальчиков и девочек, школьников и учащихся ПТУ. В них, как правило, масса вопросов на любые темы: о том, с чего начинается путь к любимой профессии, о джазовой музыке, о последних веяниях молодежной моды и о популярных артистах или спортсменах. А бывает, ребята делятся с нами своими горестями. К таким письмам отношение особое — человек попал в беду и взывает о помощи. На два таких письма мы попросили ответить писателя Леонида Жуховицкого.

Принято считать, что у детей горести смешные, у подростков — преходящие. И что даже в исключительных случаях все не так уж страшно — лишь бы вовремя подставил крепкое плечо умный и опытный взрослый человек.

Увы, бывает и по-другому: когда беду восьмиклассника или пэтэушника не перевалишь на старшего, когда в вещах, жизненно важных, помочь подростку может только один человек — он сам...

«...Я решила все же вам написать. А заставило меня вот что.

Дома у меня не все в порядке, с родителями я ссорюсь. А когда я с ними поссорюсь, они меня обзывают по-всякому. Я не могу вам написать эти слова, уж очень они скверные.

Нас у родителей шестеро. Все говорят, что где много детей, там семья должна быть дружной. Но у нас не так.

Дома меня все называют «кобылой». Так меня прозвал брат, он старше меня на два года. Мне было тогда шесть лет, сейчас четырнадцать, и все равно они меня называют этим словом.

Когда я была во втором классе, нам на дом задали таблицу умножения. Она мне плохо запомнилась. Я хотела учить ее про себя, а мама заставляла вслух. Я произносила цифры тихо. Мать мне вначале давала подзатыльники и заставляла учить громко, но у меня не получалось, хотя я и старалась. Тогда она схватила мои руки, положила на стул, зажала их коленкой и стала ложкой бить. Я кричала на своем голосом, а она приговаривала:

— Смотрите, у нее голос сразу пропал!

Она и потом меня била.

Сестры ко мне тоже пристают. Даже отец, и тот... Я не сказала, что меня не трогают только самый старший брат и самый младший, а так все подряд.

И еще я хочу вас спросить, что мне делать, если мне не пишет моя самая любимая подруга. Я с ней дружила с первого класса. Она не пишет мне уже год. Это все потому, что моя сестра написала ей письмо, в котором обзвала ее плохими словами и запретила мне писать.

И вот писем от подруги нет. А я очень хочу их получить.

Наташа».

За последний год я получил много писем от ребят-школьников... Несколько тысяч, наверное. А самое из них трудное — твое, Наташа. И ответ свой я

не писал так долго не потому, что времени не было — просто не знал, что ответить.

Знай я твой адрес, мог бы родителям написать, даже съездить. Но ты адреса не дала: боялась, не вышло бы хуже. Так что у меня осталась только одна возможность тебе помочь: прежде чем ответить, как следует подумать над твоим письмом.

Больше всего мне сейчас хотелось бы сказать: вот тебе правило, запомни его хорошенько, делай так-то и так-то — и тогда все будет в порядке. Но жизнь не арифметика, не алгебра даже, ее правила во много раз сложнее. Тебе всего четырнадцать, возраст детский, но беды твои вполне взрослые. И разговаривать с тобой я вынужден по-взрослому. Вынужден говорить тебе вещи, которые даже зрелые люди не всегда понимают, а то и не хотят понимать.

Но ты постарайся понять, Наташа.

Прочитай твое письмо, я подумал: до чего же плохая, безрадостная у тебя семья — все друг другу чужие. Но потом заколебался: а так ли это? Нет, наверное, не так.

Наверное, твои отец и мать очень любили друг друга. Да и детей любили всей душой — иначе разве бы стали заводить шестерых? И одного бы хватило, а уж двоих — так вообще за глаза.

Но почему тогда в любящих людей обстановка в семье сложилась такая тоскливая?

Дело в том, что растить даже одного ребенка сложно. Ну, а шестерых — это работа куда более тяжелая, чем та, на которую ходят с девяти до шести.

Вот ты вернулась из школы, сделала уроки, ну, по дому, что велют, и все остальное время твое. Отдых и свобода выбора: хоть гуляй, хоть читай, хоть к подружке в гости.

А родители? Пришли с работы — и началась другая работа: шестеро по лавкам. Один простыл, другой палец порезал, третий у соседа окно разбил, четвертая уроки не выучила, пятая с шестой подралась. Всех покорми, всех рассуди, всех накажи, всех похвали... Ну, а денег сколько надо на такую ораву?

А ведь твои отец и мать — они, Наташа, тоже люди. Им охота не только с вами возиться, но и своей жизнью пожить: погулять, почитать, к соседям в гости сходить. Да хотя бы просто вечерок посидеть дома в тишине и покое.

Ну, а где его взять, покой, при шестерых детях? Ладно бы еще дети росли послушные, старательные, все до одного отличники. Но вы с братьями и сестрами на таких ангелов похожи мало — ведь так, Наташа? Вот и тратятся родительские силы, тратятся нервы. А там и до взрыва недалеко...

Мне было очень больно читать, как мать била тебя ложкой по рукам. Бить человека, тем более ребенка — последнее дело. Этот метод воспитания редко доводит до добра — чуть не вся история человечества тому пример. Да и не в истории суть — просто жалко стало тебя, второкласснику.

А потом задумался: конечно, плохо сделала твоя мать, но почему она так поступила?

И ответ нашел только один: потому, что любит тебя. Посуди сама: иначе какое бы ей дело, будешь ты знать, сколько выйдет семья девять, или нет? Не будешь — тебе же хуже, а ей с того ни выгоды, ни убытка.

Но нет — болит сердце за дочь. Хочется, чтобы выросла образованной. Хочется помочь. А как? Педагогике ее никто не обучал. И вот в такой дикой форме — ложкой по пальцам — высказала себя на этот раз родительская любовь.

Ну, а почему до этого дошло? Тут, мне кажется, и ты виновата.

Во-первых, учила таблицу плохо да и двоек, наверное, нахватала, отчего мать и забила тревогу. Во-вторых, могла спокойно объяснить маме, что про себя учить легче, а проверить тебя она может потом. Но, видимо, нашла коса на камень: ты стала вредничать, она ругаться, ты назло ей, она назло тебе, — ну и пошло...

Вообще когда люди живут вместе, семьей, ни один поступок не проходит бесследно: каждая злая выходка, каждый подзатыльник, скандал, любая грубость, к кому бы они ни относились, повышают уровень жестокости в семье. И, наоборот, каждое доброе слово, шутка, каждое проявление заботы о близком человеке повышают уровень доброты.

Мне кажется, у вас в семье произошло вот что: грубые слова, тычки и подзатыльники, взаимные обиды и месть за них довели жестокость до того уровня, когда жить вместе стало тяжело. Может быть, тебе тяжелее, чем другим, — достается больше.

Но что делать? Попался бы тебе плохой сосед по парте — можно пересест. Весь класс не нравится — что ж, на худой конец есть и другие школы. Но родителей других нет. Нет и никогда не будет. Вот эти, с которыми ссорилась, которые обзывают тебя, а иногда и ложкой по рукам, — самые близкие тебе люди на земле.

Надеюсь, проживешь ты долго, но и за долгую твою жизнь никто так не будет болеть за тебя душой, как они. Да и тебе, как вырастешь, годы и годы предстоит их любить, о них заботиться: родителей не меняют.

Родителей не меняют, а вот отношения с ними изменить можно. Вот этого вовсе не нужно лицемерить, говорить не то, что думаешь. Нужно просто лучше понимать близких. И думать сперва о них, а потом уж о себе.

Если мать раздражена, резка — приглядись к ней внимательно. Может, просто устала и обижена на дочек, что не спешат ей помочь? Ты помоги! Может, нервничает, что до полочки далеко, а денег мало? Ты успокой! Глядишь, жизнь в доме станет хоть немного, да спокойней и добрей.

Мудрая пословица советует: «Если хочешь иметь друга — будь им». Хочешь,

Выдающийся советский педагог Герой Социалистического Труда Василий Александрович Сухомлинский оставил богатое педагогическое наследие—теоретические труды, статьи, книги. Одна из них сложилась из литературно-публицистических эссе, написанных в форме «Писем к сыну». По замыслу автора книга, написанная в таком литературном жанре, должна стать ближе и понятнее

миллионам молодых людей, подростков нашей страны. В «Письмах» В. А. Сухомлинский ведет доверительный разговор с молодым современником о цели и смысле жизни, о самовоспитании, о поисках призвания, о значимости в характере каждого таких качеств, как идейная убежденность, принципиальность, честность, доброта.

Василий СУХОМЛИНСКИЙ

Добрый день, дорогой сын!
Вот ты и ушел из родительского гнезда—живешь в большом городе, учишься в вузе, хочешь чувствовать себя самостоятельным человеком. Знаю по собственному опыту, что, захваченный бурным вихрем новой для тебя жизни, ты мало вспоминаешь о родительском доме, о нас с матерью и почти не скучаешь о нас. Это придет позже, когда ты узнаешь жизнь.

...Первое письмо сыну, улетевшему из родительского гнезда. Хочется, чтобы это письмо осталось у тебя на всю жизнь, чтобы ты хранил его, перечитывал, думал над ним. Мы с матерью знаем, что молодое поколение немного снисходительно относится к поучениям родителей: вы, мол, не можете видеть и понимать все то, что видим и понимаем мы. Может быть, это и так... Может быть, прочитав это письмо, ты захочешь положить его куда-нибудь подальше, чтобы оно меньше напоминало о бесконечных поучениях отца и матери. Ну что ж, положи, но только хорошенько запомни, куда, в какую книжку ты его положил, потому что придет такой день, когда ты вспомнишь эти поучения, скажешь сам себе: а все-таки прав был отец... И тебе надо будет перечитать это старое, полужабытое письмо. Ты найдешь и прочитаешь его. Сохрани же его на всю жизнь.

Я тоже сохранил первое письмо от

останется святым. Помни, кто ты и откуда вышел. Помни, как трудно добывается этот хлеб. Помни, что дед твой, мой отец Омелько, был крепостным и умер за плугом на ниве. Никогда не забывай о народном корне. Не забывай о том, что, пока ты учишься, кто-то трудится, добывая тебе хлеб насущный. И выучишься, станешь учителем—тоже не забывай о хлебе. Хлеб—это труд человеческий, это и надежда на будущее, и мерка, которой всегда будет измеряться совесть твоя и твоих детей».

Для чего я пишу тебе об этом, сын? В суете будничного труда не рассказывал я обо всем этом подробно—это плохо. А запомнить все это тебе надо. То же самое повторяю я тебе, что мне наказывал мой отец: не забывай, кто ты и откуда ты. Не забывай, что корень наш—трудовой народ, земля, хлеб святой...

Сотни тысяч слов в нашем языке, но на первое место вы поставил три слова: хлеб, труд, народ. Это три корня, на которых держится наше государство. Это самая сущность нашего строя. И эти корни так прочно переплелись, что не разорвать их, не разделить никогда. Кто не знает, что такое хлеб и труд, перестает быть сыном своего народа, теряет лучшие духовные качества народные, становится безликим существом, недостойным уважения. Кто забывает, что такое труд, пот и усталость, тот перестает дорожить хлебом...

Я не верю в такое, я бы сказал, шоколадное представление о коммунизме: всех материальных благ будет пре-

желание выражается в том, кто трудится на земле. Дождемся твоих первых студенческих каникул—я познакомлю тебя с одним стариком из соседнего колхоза, он уже больше тридцати лет выращивает саженцы яблонь. Вот это настоящий художник в своем труде. В каждой веточке, в каждом листике выращенного деревца он видит себя. Если бы сегодня все люди были такими, можно было бы сказать, что мы достигли коммунистического труда...

Желаю тебе здоровья, добра, счастья. Целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Письмо твое получил. Оно очень взволновало меня. Не спал всю ночь. Думал о том, что ты пишешь, и о тебе.

С одной стороны, хорошо, что тебя тревожат факты бесхозяйственности, о которых ты сообщаешь: в колхозе, где вы работали, прекрасный сад, но уже тонн десять яблок скормили свиньям; гектара три помидоров остались необработанными, и председатель колхоза приказал трактористам перепахать участок, чтобы и следов не осталось...

Но, с другой стороны, меня удивляет, что в твоём письме—только недоумение и больше ничего, только растерянность перед этими возмутительными фактами.

Что же это получается? Ты пишешь: «Когда я увидел утром этот участок вспаханным, у меня чуть сердце не вырвалось из груди...» А потом что? Все-таки что же произошло с твоим сердцем? Успокоилось оно, по-

глазами: смотреть и не видеть, видеть и не думать о том, что видишь, добру и злу внимать равнодушно, проходить спокойно мимо зла и неправды. Опасайся этого, сын, больше смерти, больше любви самой страшной опасности.

Человек без убеждений—тряпка, ничтожество. Раз ты убежден, что на твоих глазах творится зло, пусть сердце твое кричит об этом, борись против зла, добивайся торжества правды. Помнишь мои рассказы о Сергее Лазо? Он писал в своем дневнике: «Убеждения нужно выстрадать, нужно проверить их жизнеспособность, нужно отбросить их о чужие убеждения... Человек должен скорее пойти на гибель, нежели отказаться от своих убеждений».

...Вот как поступают настоящие люди: лучше умереть, чем отказаться от убеждений. Ты спросишь у меня: а что же конкретно мог сделать, чтобы воспрепятствовать злу? Как бороться против зла? Не знаю и не буду прописывать рецептов. Если бы я был там, где ты работаешь, если бы увидел то, что увидел ты с товарищами,—я бы нашел, что мне делать.

Сейчас ты поднимаешься на ту ступеньку духовного развития, когда человек уже не должен оглядываться на других: что они делают? Как поступают? Надо думать самому, решать самому.

Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Как я рад, что тебя волнует все это: идеал, цель жизни, истина, красота. Давно я не помню у тебя такой «вспыш-

ПИСЬМА К

отца. Мне было 15 лет, когда я улетел из родительского гнезда—поступил учиться в педагогический институт. Был трудный, голодный 1933 год. Помню, как провожала меня мать на вступительные экзамены. В старенький чистый платок завязала новое, хранившееся на дне сундука рядно и узелок с продовольствием: лепешки, испеченные из картофельной кожуры и отрубей, два стакана жареной сои—вот и все, что могла мне дать мама в тот день...

Началось мое учение. Трудно, очень трудно было овладевать знаниями, когда в желудке пусто. Но вот появился хлеб нового урожая. Никогда не забуду того дня, когда мать передала мне первую хлебину, испеченную из новой ржи. Привез передачу дедушка Матвей, извозчик сельского потребительского общества, еженедельно приезжавший в город за товаром. Хлебина была в чистой полотняной торбе—мягкая, душистая, с хрустящей корочкой. И рядом с хлебной—отцовское письмо, то первое письмо, о котором я говорю: оно хранится у меня как первая заповедь... «Не забывай, сыну, о хлебе насущном. Я не верю в бога, но хлеб называю святым. Пусть и для тебя он на всю жизнь

достаточно, всем человек будет обеспечен, все будет у него как будто бы по мановению руки, и все так легко ему будет доставаться... Если бы все это было так, то человек превратился бы, наверное, в пресыщенное животное. К счастью, этого не будет. Ничто не будет доставаться человеку без напряжения, без усилий, без пота и усталости, без тревог и волнений. Будут и при коммунизме мозоли, будут и бессонные ночи. И самое главное, на чем всегда будет держаться человек—его ум, совесть, человеческая гордость,—это то, что он всегда будет добывать хлеб в поте лица своего. Будет неудержимое стремление к тому, чтобы земля давала все больше и больше—на этом всегда будет держаться хлебный корень человека.

И этот корень надо беречь в каждом человеке.

«По колосу пшеницы узнают человека, вырастившего ее»,—ты, наверное, хорошо знаешь эту нашу украинскую поговорку. Каждый человек гордится тем, что он делает для людей. Каждому частному человеку хочется оставить частичку себя в своем пшеничном колосе. Я живу на свете уже почти пятьдесят лет и убедился, что ярче всего это

видимо, и бьется ровненько? И сердце твоих товарищей—тоже ни у кого не вырвалось из груди? Плохо, очень плохо... Ты помнишь, наверное, мои рассказы о Талейране, этом сверхчине и архипрожитом политике. Он поучал молодежь: «Бойтесь первого движения души, потому что оно, обыкновенно, самое благородное...» А мы, коммунисты, учим по-другому: не давай гаснуть в себе первым движениям души, потому что они самые благородные. Делай так, как подсказывает первое движение души. Подавлять в себе голос совести—очень опасное дело. Если ты привыкнешь не обращать внимания на что-нибудь одно, ты вскоре не будешь обращать внимания ни на что. Не иди на компромисс со своей совестью—только так можно выковать характер».

Запиши в свою записную книжку вот эти слова из «Мертвых душ»: «Забирайте же с собою в путь, выходя из мягких юношеских лет в суровое ожесточающее мужество, забирайте с собою все человеческие движения, не оставляйте их на дороге, не подымете потом!» Самое страшное для человека—это превратиться в спящего с открытыми

ки» интереса к этим проблемам. Рад, что мое письмо пробудило у тебя целый поток мыслей. Наверное, причиной такого яркого взлета является то, что перед тобой сейчас новые люди, ты каждый день познаешь самое чудесное, самое удивительное, что есть в мире,—Человека. А познание человека—это повторное познание самого себя.

Я помню наш неоконченный спор накануне твоего отъезда на вступительные экзамены (помнишь, мы сидели в саду под грушей), и в самом напряженном месте нашего спора мама сказала: пора, через час поезд... Ты горячо отстаивал свое мнение: почва для рождения идеальных людей была в то время, когда все общественные силы распределялись по ярко противоположным полюсам: с одной стороны—добро, с другой—зло. Было видно, за что и против чего надо бороться, где зло и где добро. А теперь—не то: борьба за идеал сливается с повседневным трудом. Ты приводил пример: доярка надоила на тысячу литров больше, чем по плану, и о ней уже говорят, как о героине. Разве может так легко достигаться героическое? Не слишком ли часто награждается обыч-

Рисунок
Геннадия
НОВОЖИЛОВА

Багряное знамя революции... Его гордо несет над миром наш народ. Революция продолжается, революция приближается ныне к вершине преобразования мира — вот в чем смысл нашего времени, дорогой мой сын, и ты должен понять и почувствовать это. То, о чем мечтали лучшие люди прошлого, ради чего они шли на муки и на смерть, мы осуществляем ныне своими руками. Мы строим коммунизм — понять и почувствовать это можно лишь тогда, когда каждый из нас увидит наши будни глазами тех, для кого коммунистический идеал, идеал добра и правды, был пленительной мечтой о счастье — мечтой осуществимой, но далекой... И вот та доярка, о которой ты говорил, — это действительно идеальный человек, герой. Она не совершает никакого подвига, но вся ее трудовая жизнь — подвиг.

Почему она героиня, почему ее жизнь — подвиг? Да потому, что она своим трудом возвышает понятие «человек». Вдумайся, сын, в цель коммунистического строительства: во имя чего мы трудимся, намечаем и выполняем наши планы? Во имя счастья человека. Коммунизм — это не что-то божественно-недостижимое, возвышающееся над безликой массой людей. Коммунизм — в самом человеке, в его счастье. Строить коммунизм — это значит создавать счастье каждому человеку, каждой семье, а это невозможно без счастливого общества. Счастье невозможно, просто невысказано без материальных и духовных благ, богатств, ценностей. Доярка, создающая материальные ценности, заботится не только о материальном благополучии. Где есть материальное благополучие, там есть и богатая духовная жизнь: люди пишут поэмы и сочиняют музыку, строят высочайшую в мире телевизионную башню и направляют объектив телескопа к далеким звездам. Если бы не труд этой простой, рядовой доярки, не было бы ни прекрасных песен Пахмутовой, ни симфоний Шостаковича, ни дерзкой мечты академика Амбарцумяна о рождении сверхновых звезд... Не было бы ни вуза, в котором ты учишься, ни того тихого вечернего часа, когда человек склоняется над интересной книгой, идет в концертный зал или в театр.

Она, доярка, понимает, что она — творец жизни. Вот в чем сущность идеального в простом, так называемом рядовом человеке. Вот в чем корень трудового человека. Не было бы над миром нашего багряного знамени революции, если бы не тысячи и тысячи доярок и пахарей, шахтеров и металлургов. Идеальный человек — это не икона, не безгрешное существо, покрытое хрестоматийным глянцем.

Идеальное — в самой нашей жизни. Оглянись внимательнее вокруг, присмотри к людям, постарайся увидеть не то, что на поверхности, а глубинное, внутреннее — и ты увидишь идеальное. Жалок тот, кто живет без идеала, писал И. С. Тургенев. Действительно, жизнь была бы беспросветным прозябанием, если бы перед человеком не сияла его путеводная звезда — идеал.

Желаю тебе, мой сын, доброго здоровья и бодрого духа. Крепко целую тебя. Твой отец.

Добрый день, дорогой сын!

Получил твоё письмо. Наконец, начались твои занятия. Ты с восторгом пишешь о богатых кабинетах по радиофизике и электронике. Меня радует, что ты утверждаешься в своем призвании. Если ты уверен и жизнь подтвердит, что радиофизика — твоё любимое дело, значит, ты будешь счастливым человеком. Но призвание — это не что-то приходящее к человеку извне. Если бы в средней школе, начиная, наверно, со второго класса, ты не сидел над схемами радиоприемников, если бы не трудился — вряд ли проявилось бы это призвание. Призвание — это маленький росточек таланта, превратившийся в крепкое, могучее дерево на благодат-

ной почве трудолюбия. Без трудолюбия, без самовоспитания этот маленький росток может засохнуть на корню.

Найти свое призвание, утвердиться в нем — это источник счастья. Есть у Марка Твена интересный рассказ. В нем говорится: на том свете нет ни ангелов, ни святых, ни божественного награждения, а живут люди в раю такой же трудовой жизнью, как и на грешной земле. Отличается рай от земли только одним: там каждый занимается делом по своему призванию. Безвестный на земле сапожник становится после смерти знаменитым полководцем, а бездарный при жизни, но обладающий каллиграфическим почерком генерал довольствуется в штабе скромной ролью писаря. Писатель, надоевший читателям нудными, никому не нужными романами, находит свое истинное призвание в профессии токаря по металлу. Человек, случайно попавший в педагоги, всю жизнь мучивший и себя и учеников, оказывается прекрасным бухгалтером.

Я не один раз перечитывал этот замечательный рассказ. Хорошо было бы добиться такого положения уже на этом свете. Но, к сожалению, очень часто бывает совершенно по-другому.

В чем высшее наслаждение жизни? По моему, в творческом труде, приближающемся к искусству. Если человек влюблен в свой труд, он стремится, чтобы и в самом процессе труда и в его результатах было что-то красивое. Я уже писал тебе о нашем садовом и лесоводе Ефиме Филипповиче. Изумительный это человек: по мастерству и результатам его труда я без какого бы то ни было преувеличения сравниваю его со Станиславским и Платовым, с Шостаковичем и Алексеем Улесовым (я расскажу тебе об этом человеке). Он лепит, творит, создает дерево, как Станиславский создавал образ, как Платов творит жизнь на куске холста. Ефим Филиппович творит древесную крону удивительной красоты. Чтобы научиться этому, познать это, надо проработать рядом с ним не один год. И это будет познание человека, постигновение красоты, искусства. В таком труде — великое счастье бытия. Станиславский так говорил об этом: «В чем счастье на земле? В познании. В искусстве и работе, в постигновении его. Познавая искусство в себе, познаешь природу, жизнь мира, смысл жизни, познаешь душу — талант. Выше этого счастья нет».

«Познавая искусство в себе» — заметь это, сын. Трудясь, работая, познавать красоту в самом себе — вот настоящий труд. Я среди тысяч трехлетних саженцев всегда найду один-единственный, выращенный руками Ефима Филипповича. Все его деревца устремлены к солнцу. Ветви расползены в кроне его дерева так, что солнце играет в каждом листочке, листья не затеняют друг друга.

— Как вы это делаете? — спросил я однажды у Ефима Филипповича.

— Мудрость человеческая — на кончиках пальцев, — ответил он. — Я начал трудиться с трех лет. И вам советую так воспитывать школьников. Каждый должен быть господином в своем деле — вот что нельзя забывать. Если бы я стал учиться на инженера, или на врача, или на учителя — ничего не вышло бы из меня. Получился бы человек, зарабатывающий на хлеб насущный... Надо, чтобы в каждом человеке разгорелась его искра божья — вот тогда и получится настоящий мастер.

Человек — творец своего призвания. Я без особенного энтузиазма отношусь к твоим восторгам: ах, какое счастье стать радиофизиком; ах, как я люблю радиофизику. Любить можно то, чему уже отдал частицу своей души. Это очень хорошо, что ты относишься с интересом к радиофизике, но помни, что это еще только интерес. Призванием же становится интерес, помноженный на труд. И множимое всегда бывает во много раз меньше, чем множитель, лишь тогда производное — солидная величина

СЫНУ

ный труд — труд как обязанность, как условие существования — великим словом «подвиг»?

Твое письмо развивает эти твои мысли. Это очень сложные, тонкие вопросы. Особенно вопрос об идеальном. Прежде всего надо помнить, что **идеальный** вовсе не значит — без сучка, без задоринки. Человек всегда из плоти и крови, а не из железобетона. Я думаю, ты не откажешь Павке Корчагину в праве называться идеальным, а помнишь, что он сам говорил о себе? Вот его слова: «Но было немало и ошибок, сделанных по дури, по молодости, а больше всего по незнанию». Сам герой видел в себе недостатки, но не недостатки определяют главное в этом замечательном человеке. Самое главное в том, что на багряном знамени революции есть и его несколько капель крови.

Вот оно — идеальное. Оно измеряется человеческой страстью, накалом его борьбы за торжество правды, за победу революции. Мне навсегда запомнились слова Эрнеста Хемингуэя: «Человек не для того создан, чтобы терпеть поражение... Человека можно уничтожить, но его нельзя победить». Но задолго до того, как сказал эти слова Эрнест Хе-

мингуэй, мир услышал их из уст Павла Корчагина. И не только услышал слова. Увидел подвиг и изумился.

Представь себе, что на нашу жизнь, на наш буднично труд посмотрели бы люди, давно ушедшие из жизни, для которых справедливый социальный строй был далеким будущим, прекрасной, пленительной мечтой, такие, как Александр Ульянов, Степан Халтурин, Софья Перовская... Их сердца затрепетали бы от изумления. Само время наше, всю жизнь нашу они увидели бы как идеальное. Любой из этих героев сказал бы: вот жизнь, за которую я пошел на смерть.

Беда в том, что мы иногда забываем о том, в какое время живем. Героическое — в нас самих, в миллионах простых тружеников, которые и не помысляют быть героями и очень удивились бы, если бы им сказали, что они — герои. Изменяются сами понятия: мне кажется, что в словах «простой человек», «рядовой труженик» есть какой-то оттенок пренебрежительного отношения к человеку. Нет простого человека! Наш современник — труженик, работающий в поле, на ферме, у станка, — ой, далеко не прост он.

Валерий ЛОКТЕВ
Фото
Владимира ЧЕЙШВИЛИ
Специальные
корреспонденты «Смены»

Ах,—сказала Золушка,—если бы можно было и завтра поехать во дворец! Принц так просил меня...

Володя Мадумаров махнул рукой, дрогнула магнитофонная бобина, и нежные звуки «Элегии» Масне заполнили сцену. Золушка плавно, запрокинув голову, закурилась, а волшебница-фея, несмотря на свой почтенный возраст, вдруг тоненьким голоском подхватила мелодию. И задорная девичья улыбка озарила лицо тихой старушки.

...В большом зале собрались ребята из трех городских школ. Сказка, написанная почти два века назад юристом, членом Французской академии Шарлем Перро, сегодня обретала новую жизнь во Дворце культуры киргизского города Джалал-Абада. Эта постановка не была похожа на десятки профессиональных инсценировок знаменитой сказки. Родилась она в одном из обычных жилых

Гуля Дедабаева ответила с обескураживающей улыбкой:

— Что вы, тетя Мариям, мы просто помогаем людям радоваться!

В местном краеведческом музее я увидел экспозицию, посвященную театру Мадумарова. Созданный три года назад, он уже стал частицей истории столетнего Джалал-Абада. Я обратил внимание на одну фотографию: изображены на ней двор — клочок изрытой, в канавах и ухабинах земли, сжатой серыми коробками зданий; на дальнем плане — одинокие фигурки ребят.

— А при чем тут «Росинка»? — удивился я.

— Такой она была в начале семьдесят шестого,—пояснила научный сотрудник музея А. Васильева.— Двор как двор... Пустырь, одним словом...

Кто знает, появился бы этот театр, эта детская площадка, не живи в одной из пятиэтажек Элеонора Алексеевна Яворская — педагог, проработавшая в школе более сорока лет и сохранившая в душе материнскую любовь к ребятам, к их нескончаемым затеям и выдумкам. Она давно заметила стройного черно-волосого подростка: он заходил к ней взять новую книгу, все больше про театр, про актеров. Был он замкнут, молчалив, но как-то в минуту откровения поведал Элеоноре Алексеевне, что давно мечтает поставить спектакль. «Я уже кое-что с сестренками репетирую,— смущаясь, добавил он.— Но это

А У НАС ВО ДВОРЕ...

кварталов, на детской площадке «Росинка», окруженной типовыми блочными пятиэтажками. А нынче дворовый театр впервые показывал свой спектакль на главной сцене города. Удивительная история, случившаяся в одном далеком королевстве много-много лет назад, а теперь вот разыгранная здесь девочками и мальчишками, трогала сердца их сверстников: зал замирал, застав дыхание, то восторженно шумел, радуясь торжеству справедливости и добра.

За несколько дней до этого я смотрел еще одну постановку «Росинки» — «Повесть о красноармейце с искрой в руке». Пьесу написал сам руководитель театра — семнадцатилетний учащийся ГПТУ Володя Мадумаров. И были тогда перед «артистами» не сцена, не свет прожекторов, не бархатный тяжелый занавес, а высокое небо над головой, да весенний луг под ногами, да яркое киргизское солнце и буйное цветение алычи, яблонь, слив. Ребята выступали в колхозе имени Ленина перед бригадой знатного животновода Героя Социалистического Труда Мариям Узденовой.

После спектакля Мариям обняла юных актеров:

— Это самый красивый спектакль, который я видела... Спасибо вам! Вы настоящие артисты!

И тогда остроглазая третьеклассница

так, не всерьез... Было бы нас побольше!»

...Так возникла идея создать во дворе свой театр.

— А ты, Володя, не хотел бы стать режиссером? — спросила Элеонора Алексеевна. И, будто не заметив, как радостно вспыхнул мальчишка, увлеченно продолжала: — Только сначала мы должны украсить наш двор. Сделать его праздничным, веселым. Чтобы и малышам было интересно. (Элеонора Алексеевна видела, с какой любовью, заботой возится Володя с самыми маленькими обитателями двора.) Организуем детскую площадку? Сами, своими силами... Хорошо?

...Сегодня те дни, когда ребята строили свою «Росинку», вспоминаются как самые радостные, самые солнечные. Название придумала Айнаша Мансурова. Она училась тогда во втором классе, и все звали ее Дюймовочкой.

— А почему «Росинка», Айнаша? — спросил я ее перед началом спектакля «Школа», где она играет главную роль.

— Когда я совсем маленькой жила в кишлаке, я впервые увидела росу на цветах. Она была разноцветная и вся переливалась красками. Очень красиво... И я вспомнила об этом — о маленькой-маленькой росинке...

Двор постепенно преобразался. По-

явились песочницы, карусели, качели и небольшие фанерные домики. Их разрисовал девятиклассник Валерий Каленов: герои любимых «мультяшек» — Чебурашка, крокодил Гена, Винни Пух, Белоснежка и забавные гномы радостно встречают нынче малышей.

— Мы тогда все очень подружались,— рассказывал мне Арак Таджикибаев, бессменный звукоформиртель «Росинки». — Узнали друг друга по-новому, хотя столько лет рядом жили. В занятии интересным делом быстрее и ближе сходишься, чем в разговорах.

А Замира Мансурова (она играет злую мачеху в «Золушке») добавила:

— Мы потом обо всем этом пьесу сочинили. Так ее и назвали — «Наш двор»...

Двор нашего детства... Сколько бы лет ни прошло, куда бы мы ни уезжали потом, он навсегда будет с нами в памяти, в душе. Здесь впервые зародилась дружба и робкая полудетская любовь, здесь складывался характер, выкристаллизовывались жизненные устои, отсюда берут начала долгие дороги человеческих судеб. Для каждого

СО СТРАНИЦ ЛЮБИМЫХ КНИГ
«ПРИХОДЯТ» ГЕРОИ В ДЖАЛАЛ-АБАДСКУЮ «РОСИНКУ».

из нас двор был не просто местом ребячьих игр, но и школой жизни, где можно было, как и в любой школе, найти своих «отличников» и «второгодников».

Послевоенное поколение помнит жаркие «бои», когда в ход шли деревянные сабли и «парабеллумы», а карманы оттягивали самые настоящие гильзы, найденные на окраинах города.

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

рывках между поездками на фронт революционный театр выступал в Петрограде в госпиталях, на фабриках и заводах, в частях гарнизона и на кораблях Балтийского флота. 22 апреля 1922 года враги столкнули юного агитатора под колеса несущегося под уклон трамвая.

В Ленинграде, на площади Жертв Революции, есть надгробие с надписью: «Юному артисту-агитатору Коте Мгеброву-Чекан, 1913—1922».

Сын актеров, Котя участвовал во всех постановках и концертах театра. В пере-

В возрасте четырнадцати лет будущий советский академик Б. М. Кедров стал помощником секретаря редакции газеты «Правда» Марии Ильиничны Ульяновой. В 15 — помощником военного следователя, в 16 — комиссаром.

Александр Косарев, который десять лет был генеральным секретарем ЦК ВЛКСМ, пятнадцатилетним юношей пошел добровольцем в Красную Армию. В шестнадцать лет он вступил в партию.

Г. И. Ломов-Ошкоков пришел в революцию тринадцатилетним мальчишкой. Он был школьником, когда его избрали в Саратовский комитет РСДРП.

Известная советская писательница Галина Серебрякова в возрасте четырнадцати лет более года провела на фронте. В

**ДАВНЯЯ СКАЗКА
ПРО ЗОЛУШКУ, ПРИНЦА
И ХРУСТАЛЬНЫЙ БАШМАЧОК
ОЖИЛА НЫНЧЕ ЗДЕСЬ,
НА ШЕДРОЙ КИРГИЗСКОЙ ЗЕМЛЕ.**

Нынче у детей иные игры, но дух товарищества и взаимовыручки ценится так же высоко, как и тридцать лет назад. Сегодня во двory пришли спортивные клубы «Кожаный мяч», «Золотая шайба». Сегодня во двory пришло искусство, и в первую очередь одна из самых демократичных форм его — театр. Не это ли тот «золотой ключик», который открывает сердца мальчишек и девчонок, помогает им понять себя и окружающий их такой непростой мир.

Об этом писал мудрый Януш Корчак. Это пока еще неосознанно понимали и энтузиасты джалал-абадской «Росинки», собравшиеся на свою первую репетицию.

Для премьеры выбрали «Золушку». Но ни у Шарля Перро, ни в десятках различных инсценировок, включая самую известную, Т. Габбе, не найдете вы тех реплик, которые встречаются в «Золушке», поставленной дворовым театром. Ребята «омолодили» двухсотлетнюю сказку, приблизив ее не только к сегодняшнему дню, но и к ситуациям их собственной жизни. Оттого персонажи стали настолько узнаваемы, что на премьере, которая состоялась здесь же, во дворе, неугомонные зрители прерывали действие восторженными криками:

— Так это же Лидка из 16-й квартиры! Ну прямо сестрица Жавота...

За «Золушкой» настала очередь «Волка и семерых козлят» — самого любимого малышами спектакля (козлята — русоголовые, чернявые и даже один рыжий, весь в веснушках — озорные первоклашки стали знаменитостями квартала!), а потом ребята инсцени-

ровали сказку Астрид Линдгрен «Пепи — Длинный-чулок». Если бы автор знаменитого «Карлсона» могла увидеть, как радостно, с какой выдумкой, с каким удовольствием играют в далекой Киргизии, у подножия горы Аюб-Тау (Медвежьей горы), приключения шведской девочки!

Театр захватил всех. И для всех в нем находилось дело. Сами строили декорации, шили костюмы, переписывали роли. Сами сочиняли новые пьесы, незамысловатые сюжеты которых брали из жизни родного двора, школы. Ребята старались рассказать друг о том, что им самим близко, хорошо знакомо. И зрителей заражала непосредственность, увлеченность юных актеров, а главное — ведь все они свои ребята: Замира, Галя, Вовка-одуванчик, Андрей, Серега, все друзья-приятели, с которыми живешь по соседству, бегаешь в одну школу. И вот оно — артисты! В ярких нарядах, невероятных прическах, а под густым слоем грима, под наклеенными усами все равно угадывается знакомая лукавая улыбка. И пьеса, которую они разыгрывают сейчас в своем дворе, — кусочек их общей жизни.

— Когда мы «Лесных жителей» писали, то каждую минуту друг к другу бегали, придумками всякими делились, — вспоминает Света Егорова.

— А помнишь, — перебивает ее Фируза Усманова, — как Сережка в маминой блузке принца на премьере играл, а братик кричит ему: «Вот скажу мамке, что блузку ее взял!» Потеха была!

Но, конечно, сегодняшний дворовый театр «Росинка» — это не только «потеха». Хотя добрый и озорной скомороший дух присутствует в каждой его постановке. Обряды и народные игрища, выступления на базарных площадях сказочников-джомокчу и скоморохов-куудулов, сатирические сценки, разыгрываемые под открытым небом, — это истоки театрального искусства в России и Киргизии. И «Росинка» интуитивно (к сожалению, никто профессионально не руководит этим самобытным коллективом) идет по этому же пути...

Дворовый театр стал для ребят тем живым делом, которое объединило, сплотило их. Детская площадка «Росинка» — своеобразный клуб по интересам (здесь, кроме драмтеатра, есть театр кукол, изостудия, фотомастерская, дворовая детская библиотека, в которую щедрые люди принесли свои самые любимые книги), где ребята чувствуют себя настоящими хозяевами. И потому слова великого реформатора театра К. С. Станиславского, что «вообще нет жизни, не заключающей в себе творчества», смело можно начертать на щите этого клуба.

Однажды сын Элеоноры Алексеевны, директор ГПТУ строителей, сказал ей: — У нас в училище теперь только о театре и разговоры. Володя Мадумаров со своими ребятами «Повесть о красноармейце...» показал. В общем, всех театром заразил! Желающих записаться в драмкружок — отбоя нет... Прямо не училище строителей, а ГИТИС. Сказано это было с улыбкой — видно, и сам Владислав Владимирович неравнодушен к «Росинке». Элеонора Алексеевна помнит, как обрадовался сын,

узнав, что Мадумаров решил в его училище поступать после восьмилетки.

...В первые же учебные дни, увидев Володю во дворе училища, Владислав Владимирович поздравил его к себе:

— Ты познакомился с нашим драмкружком? Там богатый репертуар, много разных костюмов. Можем помочь вашему театру. Так сказать, предлагаем творческое сотрудничество. Декорации мы у себя в столярном цехе делаем. Любимый дворец можем построить!

Он увидел, как мгновенно загорелись глаза мальчишки.

— Правда? Вот здорово! Это ж находка для «Росинки»!

В этом году Володя заканчивает ГПТУ. Здесь он получил не только специальность слесаря по ремонту строительных машин и механизмов и среднее образование, но и тот заряд самостоятельности, который так необходим и в жизни и в творчестве.

Летом думает поступать в театральное училище.

— Я люблю театр, хочу стать актером и мечтаю сам ставить спектакли (актер — основа театра, и режиссер, моему, должен в совершенстве владеть этой профессией). Если не поступлю? Ну что ж... Неудачником себя считать не буду. На стройплощадке найду свое место. Она и сегодня кажется мне огромной сценой. Но на этой сцене надо не играть, а жить. Притом без репетиций — сразу набело. И так, чтобы каждый день был премьерой. К тому же, — он счастливо улыбнулся, — у меня есть «Росинка»...

Дворовый театр набирал силу. Сюда уже приходили ребята из соседних дворов, некоторые ездили на репетиции с другого конца города, и никому не было отказа, наоборот — радовались каждому новому человеку.

«Росинка» требовала и большого внимания. На одном из заседаний бюро горкома комсомола было решено перенести опыт первого круглогодичного уличного отряда (именно так зовется теперь «Росинка» в официальных документах) во все жилые кварталы города. По самым скромным подсчетам, в Джалал-Абаде в ближайшее время нужно организовать не менее двенадцати подобных площадок. Комсомольцы обратились за помощью в горком партии, в горисполком. Инициатива ребят из «Росинки» нашла здесь добрую поддержку.

Конечно же, не обязательно новые площадки должны походить на «Росинку». В одном дворе — театр, в другом — изостудия, в третьем — автокружок станут тем настоящим делом, которое увлечет ребят, объединит их в дружный веселый отряд, в новую тимуровскую команду.

— Ты поговори с родителями ребят, — посоветовал мне секретарь горкома комсомола Кубанычбек Маматов. — Они нынче спокойны за детей: «Росинка» плохому не научит.

Действительно, я видел, как светлели лица матерей, когда речь заходила о дворцовом театре («Мой совсем другим стал, грубого слова от него не слышу...», «...И в школе подтянулась — вчера по письму четверку принесла. Говорят, Мадумаров двоечникам роли не дает», «Я раньше, бывало, вся издергаюсь — где Витя, с кем бегаешь? А сейчас знаю: с

**А В АНТРАКТЕ
МОЖНО
И ОТДОХНУТЬ
И ПОСПОРИТЬ.**

**ВМЕСТО
ПОДМОСТКОВ —
ЗЕЛЕНое
ПАСТБИЩЕ,
НАД ГОЛОВОЙ —
ВЫСОКОЕ НЕБО;
И НЕ ТЕАТРАЛЬНАЯ
РАМПА,
А ЯРКОЕ СОЛНЦЕ
ОСВЕЩАЕТ ЭТУ
СВОЕОБРАЗНУЮ
СЦЕНУ.**

1920 году, в пятнадцать с небольшим, была назначена комиссаром Мисхорского района. О тех днях она вспоминает: «Я чувствовала себя весьма значительной из-за браунинга, который носила за ремнем гимнастерки...»

Константин Эдуардович Циолковский веторопливо заклеил самодельный квадратный конверт из жесткой бумаги и четко написал: «Одесса, улица Ольгиевская, дом 10, кв. 20. В. Глушко».

По этому адресу в октябре 1923 года и пришло первое письмо из Калуги. Это был ответ шестидесятилетнего уче-

ного, основоположника космонавтики, на письмо пятнадцатилетнего школьника. Подросток увлекся астрономией и мечтал о межпланетных сообщениях.

На вопрос Циолковского, насколько серьезно относится юный адресат к своему увлечению, Валентин Глушко ответил: «Относительно того, насколько я интересуюсь межпланетными сообщениями, я Вам скажу только то, что это является моим идеалом и целью моей жизни, которую я хочу посвятить для этого великого дела...»

Эти взволнованные слова прозвучали как клятва. И школьник сдержал ее. За

особые заслуги в развитии ракетной техники академик Валентин Петрович Глушко дважды удостоен звания Героя Социалистического Труда. Он лауреат Ленинской и Государственной премий. Награжден Золотой медалью имени Циолковского за выдающиеся работы в области межпланетных сообщений.

Год рождения 1931-й, год вступления в комсомол — декабрь 1942-го. Разве такое возможно?

Юра Жданко, мальчишка из белорусского села, служил в разведке 332-й Ивановской имени Фрунзе стрелковой

Фото Юрия УСТИНОВА

комсомольский секретарь цеха. (Здесь, кстати, не принято ждать, когда новый человек сам соберется в комитет комсомола или в цехком.)

— Я для тебя книжку о нашем заводе достала,— сказала Оля.— Домой дать не могу, один экземпляр всего. Приходи в комитет, там почитаешь, ладно?

Несколько дней подряд, едва пообедав, Юра появлялся в тесной комнатке, где расположился комитет комсомола. Оля незаметно расспросила о работе, о школе, об увлечениях. Тут-то и выяснилось, что Юра неплохо рисует, в школе стенгазету оформлял.

— Вот здорово!— обрадовалась Тургенева.— Мы цеховую газету хотим выпускать, а художника нет. Берись ты, Юра, а? Что понадобится— бумага, кисти, краски— достанем. Считай, это твое первое комсомольское поручение.

...Словом, все складывалось как нельзя лучше, но... начал Юра подмечать: если кто-то из рабочих заболел, то его верстак пустовал— и никого конкретно это не беспокоило. Такова одна из негативных сторон индивидуальной сдельщины. Говорил Юра об этом и с Сидоровым и с другими молодыми рабочими... впрочем, не буду преувеличивать, будто по инициативе новичка все изменилось, но и Юрин голос был не лишним, когда решали создать на участке комсомольско-молодежную бригаду. Бригадиром выбрали Сашу Мартынова— по возрасту, кстати, чуть постарше Юры. Теперь они и сами недоумевают, как могли раньше работать индивидуально. Нет, что касается продукции, все осталось по-прежнему, те же пистолеты. Изменились взаимоотношения. Теперь, если кто-то из членов бригады отсутствует, его работа между всеми распределяется. Исчезли мелочные подсчеты после смены («А на сколько там я сегодня наработал?»): план, обязательства единые и будут сделаны независимо ни от чего.

Юра сам подсчитал: чтобы не подводить бригаду, чтобы она могла выполнить все то, что Мартынов обещал на открытом комсомольском собрании цеха, надо и ему каждый день норму на 130—135 процентов выполнять... В конце первого месяца работы по бригадному методу мастер подошел к Юре и сказал,

что включил его в список на премию за лучшие показатели среди подростков.

...План, проценты, показатели... Все это важно, конечно, но достаточно ли для того, чтобы у подростка появилась привязанность именно к этому заводу, к этому цеху? А если на работе ему скучно, если хитит — одиноко?!

В бригаде Саши Мартынова домашняя — в хорошем смысле — атмосфера. В свободные минуты не увидишь, чтобы каждый сам по себе, у своего верстака в одиночку сидел. Только тесным кружком. Полный набор игр имеется: шахматы, шашки, домино. Сидоров даже шашечный турнир организовал. Юра, правда, играть с ним не рискнул: хоть и пять классов всего у Дмитрия Ивановича, но что касается шашек...

«Неофициальная» обстановка в бригаде, между прочим, на Юру тоже влияние оказала. Первые месяцы стеснялся, а потом незаметно для себя начал влезать в жаркие споры, дискуссии. О чем спорят? Вопросы разные: от хоккея до международного положения. Юрин голос ребята чаще слышат, когда о каких-либо исторических событиях разговор заходит. Это его давнее увлечение — исторические романы. В тумбочке у верстака обязательно какая-нибудь новая книга лежит.

Перед праздниками администрация цеха разрешает продлить обеденный перерыв на полчаса — для концерта. Художественной самодеятельности негде репетировать — что ж, устраиваются в раздевалке; нет сцены — тоже не беда, располагаются прямо в цехе на пятке между станками; микрофон сломался — и это никого не смущает. Нет оркестра — его с успехом заменяет обычный баян. И рабочие тянутся послушать в исполнении своих товарищей немудреную песенку, басню, частушки, исполненные просто, от души. Штрих, деталь из жизни цеха, но я видел, с какими подобранными лицами расходились люди после такого концерта. Кто знает, может, именно эта веселая передышка в работе прогонит у кого-то мрачные мысли, снимет раздражение, обиду. Наконец, просто сблизит людей. Саша Мартынов мне говорил: нет цеха дружнее двенадцатого. И этому можно верить. Конечно же, они умеют не только петь

и в шашки играть — заводское переходящее Красное знамя почти каждый месяц именно в этом цехе... Весной заводская многотиражка опубликовала репортаж о комсомольском собрании в двенадцатом цехе. Нашлось в репортаже несколько строчек и о Юре Капаеве, о том, что хоть и подросток по годам, но по положению — равноправный член бригады: от старших не отстает и вообще чувствует себя уверенно. Добавить бы к этому еще несколько строчек: близкие к новичку люди — наставник, бригадир, комсомольский секретарь — сделали все, чтобы подросток быстрее утвердился на своем месте, в своем рабочем призвании. Так что уверенность его в себе — их общая заслуга.

...Недавно военкомат послал Юру в автошколу, на курсы шоферов. Изучил он дизельные двигатели, получил шоферские права, теперь может управлять любым грузовиком. В семнадцать лет две солидные специальности иметь — слесаря-сборщика и шофера — совсем неплохо. Выходит, не оправдал он школьную характеристику лентяя и нерадивого ученика. То, что рабочий коллектив на него свое влияние оказал, — конечно, без сомнения. Но на пустом месте качества настоящего рабочего человека быстро не появились бы. Нет спору, пока существуют школьные оценки, способности подростка ими и будут определяться. Но вот что, например, пишет наш выдающийся педагог В. А. Сухомлинский:

«Мы считали, что если школьник усердно выполняет трудовые задания в школьные годы, то с таким же усердием он будет относиться к труду и после окончания школы. Жизнь же убеждала, что это далеко не все: ученик может добросовестно выполнять, что от него требуется в школе, но... он морально не подготовлен к жизни, нередко даже при наличии практических умений и навыков». Бывает, значит, что школьные и жизненные оценки расходятся. Ситуация с Юрой как раз и служит подтверждением этому.

И еще одно: на заводе над Юрой уже не довлела репутация троечника. Перешагнув заводскую проходную, он оставил этот неприятный «груз» в прошлом. Однако и в цехе, хотя и не педагоги здесь работают, тоже выставляются оценки человеку. Негласный экзамен новичок держит каждый день — Саша Мартынов это мне объяснил, что называется, на пальцах:

— Видишь, ящики с заготовками стоят. Надо их разнести по рабочим местам. Одного мастер попросит помочь, а тот в ответ: «Пять рублей». От Юры не услышишь такого — без слов пойдет и сделает. Умилешься этому мы не будем, но запомним: за помощью к Юре обратиться можно. Чтобы норму не выполнил — такого не бывало с первых дней. Как договаривались — на 130 процентов. Что еще? Он может на час раньше уходить с работы, но, мне кажется, он всегда вместе со всеми нами уходит. Нарушение КЗоТа? Но чисто по-человечески это вызывает симпатию.

Главное, что дал Юре завод — это возможность почувствовать себя нужным человеком. И не только потому, что от него тоже в какой-то степени производственный план зависит.

Пришла как-то мать с работы (Юра на бюллетене был), рассказывает:

— Искал тебя секретарь парторганизации, надо для многотиражки рисунок сделать. Узнал, что ты болен, просит: может, дома сделаешь?

Рисунок был опубликован в газете, номер тот Анастасия Дмитриевна сохранила.

Ушел Юра на курсы в автошколу, бригадир Мартынов да и Сидоров не забывали поинтересоваться, как он там учится.

Мелочи, казалось бы. Но ведь из таких мелочей и складывается отношение к человеку и, в свою очередь, вызывает ответную признательность.

Скоро армия. Ну, а после... да какие могут быть после проблемы, если человек уже сейчас на работу идет с удовольствием?

дневную норму на 150—200 процентов. В 1943 году добровольцем ушел на фронт, служил командиром артиллерийской разведки.

В 1942 году его подобрали наши солдаты в лесу. Сереже Алешкову было тогда лет шесть-семь. Мать расстреляли фашисты за связь с партизанами.

Сережа становится сыном полка. Когда его во время бомбежки ранило, он наотрез отказался ехать в тыловой госпиталь. Во время другой бомбежки командир полка был засыпан землей и потерял

сознание. Мальчик, укрывшийся в щели, все видел. Он кинулся на помощь, стал разбрасывать мерзлые комья земли, растаскивать обломки бревен. Подоспевшие через несколько минут бойцы вместе с Сережей откопали командира. Юный герой был награжден медалью «За боевые заслуги».

Генерал Чуйков подарил ему маленький пистолет. Вскоре с помощью этого пистолета Сережа один сумел задержать диверсанта, который пытался отравить колодец.

Сергей окончил Суворовское училище, институт, живет и работает в Челябинской области.

Сын Героя Советского Союза Николая Петровича Каманина родился 2 ноября 1928 года. Два года подряд во время летних каникул Аркадий работал на аэродроме, затем несколько месяцев — механиком на авиационном заводе, досконально изучив все типы самолетов. В сорок третьем году Аркадий сбежал на фронт, в авиакорпус, которым командовал его отец, тогда генерал-майор авиации. Мальчика зачислили мотористом на связной самолет. Иногда летчики доверяли ему на несколько минут руль управления. Однажды во время полета пилот

пять облака! — Сероглазая девочка Люда поглядела на меня с осуждением, словно я прятал хорошую погоду в кармане. Уже который день небо над Симферополем было затянуто перламутровой слоистой пеленой, из низких туч сочился теплый дождик, капало с жестяно-зеленых кипарисов, и стояли в парном тумане пирамидальные тополя. Ночь, прославленная южная ночь, не

сичках — провели меня сквозь зацветающий сад к уютному домику. Здесь рядом с астрономическими календарями соседствовал толстенный том в кожаном переплете: «Глазенап. Астрономия». А за хрустальными витринами, окружавшими большую комнату, искрились, мерцали и переливались образцы различных минералов. — Вот именно — минералы в обсерватории, — ответил на мой немой вопрос руководитель СОЛА Василий Васильевич Мартыненко. — Ребята, надо сказать, питают особую любовь к звездным камням, метеоритам. А ведь вещества из самых дальних глубин Вселенной — родственники нашим, земным. Так что разбираться в минералогии астроному необходимо. Кроме того, ведь красиво! Теплый туф, светлый хрусталь, загадочная яшма.

сложную работу». В этом, наверное, причина взлета СОЛА от самодеятельного кружка до организации, выполняющей специальные задания Академии наук СССР. Сколько же успели сделать солапцы! Открыт новый метеорный поток в созвездии Большой Медведицы, выполнены наблюдения по программе Международного геофизического года, получены спектры метеоров, вошедшие в Мировой каталог. Юношеская обсерватория — участник Международного года спокойного Солнца. «Ваши наблюдения, — писал ребятам летчик-космонавт СССР, дважды Герой Советского Союза Виталий Севастьянов, — являются необходимым дополнением исследований околоземного космического пространства, выполняемых с борта космических аппаратов».

пению, тщательности и точности в работе. И еще они учатся заглядывать за горизонт. Обсерваторию мне не без гордости показывала восьмиклассница Наташа Заикина. Конечно, первым делом она подвела меня к «своему» гелиотелескопу: Наташа специалист по Солнцу. Потом настала очередь и спрятанного под одним из серебряных «шлемов» трехсотмиллиметрового гиганта. — Это крупнейший любительский телескоп в стране, — сказала она. — А всего у нас сейчас семь больших приборов. — Наташа, — спросил тогда я, — а ты обязательно будешь астрономом? Так возник вопрос: насколько раннее увлечение влияет на выбор будущей профессии?

Георгий БОНДАРЕНКО
Фото Сергея ПЕТРУХИНА
Специальные
корреспонденты «Смены»

ВИЖУ ЗВЕЗДУ

дарила, увы, ни одной звезды. Понурые, томимые бездельем ребята из Людиной компании искося, боясь взглянуть, поглядывали на небо, ждали, когда же откроется «бездна, звезд полна»...

САМОЛЕТ... НА СТУПЕНЯХ

На самом пороге, у двери, ведущей в таинственные недра обсерватории, лежал опрокинутый ветром маленький бумажный самолет. И вызывал удивление: какой судьбой легкомысленное сооружение из тетрадного листа попало к подножию серебристых меридиональных куполов, внутри которых притаились нацеленные в зенит дула телескопов? Впрочем, в этом соседстве было что-то символическое.

С самолета на ступенях и началось мое знакомство с СОЛА — Симферопольским обществом любителей астрономии, с «обычными ребятами, которые делают необычные открытия», как выразился один известный астроном, посетивший детскую обсерваторию. Мне же кажется, что эти ребята открывают в первую очередь себя.

Юра — мальчик в курточке с блестящими пуговицами и Наташа — девочка с большими голубыми бантами в ко-

СОЛА, тогда еще маленький клуб друзей звезд, возник тридцать три года назад... В клубе состояло несколько человек — старшеклассников симферопольских школ. В одной из витрин, которую можно было бы назвать мини-музеем СОЛА, я наткнулся на пожелтевшую от времени газетную вырезку. Вот что писала четверть века назад «Крымская правда»: «Семь лет существует общество любителей астрономии. Оно выросло из небольшого кружка ребят, которые сами построили несколько телескопов, ведут систематические наблюдения и фотографирование метеоров. Многие результаты были обработаны и опубликованы в научных изданиях. Члены общества приняли участие в работе Всесоюзной метеоритной конференции. Руководит обществом инструктор, комсомолец В. В. Мартыненко, бывший ученик 7-й средней школы, один из первых организаторов кружка».

С самого начала ребята выбрали себе тему, в которой они, шестнадцатилетние, могли заниматься настоящим, серьезным делом. И Василий Мартыненко считает: «Ответственность привлекает ребят. Дайте им понять, что от них что-то зависит, и они серьезно возьмутся за самую

РУКОВОДИТЕЛЬ ШКОЛЬНОЙ
ОБСЕРВАТОРИИ ВАСИЛИЙ
ВАСИЛЬЕВИЧ МАРТЫНЕНКО.

У КАРТЫ ЗВЕЗДНОГО НЕБА ЛЮДА МАНЖОСОВА И ЛЕНА ДУНИНА.

...Мерно скользит шлифовальный камень по мутной, пока еще незрячей линзе будущего телескопа. Зато пройдет год, и в ней загорятся триста тысяч звезд!

Я был наслышан о том, что почти все астрономические приборы в обсерватории сделаны руками ребят. Вот так же, как сейчас Миша Будниченко, шлифовали они десятки стекол в небольшой лаборатории, расположенной в вишневом саду. Потом отлаживали и настраивали готовые приборы.

— Сколько же времени уйдет у тебя, Миша?

— Год, наверное, или чуть больше. А еще говорят: молодость нетерпелива.

Юные астрономы умеют не только наблюдать за звездами и кометами, но и неплохо управляют со сверлильными и шлифовальными станками, разбираются в радио- и электросхемах, владеют паяльником и слесарным инструментом.

Создавая точную оптическую технику, солапцы учатся трудолюбию и тер-

самолета был ранен. Теряя сознание, он передал управление Аркадию и переключил на него радио. Мальчик связался с аэродромом и сумел посадить машину. После этого ему доверили одномоторный ПО-2. В четырнадцать лет Аркадий начал выполнять боевые задания. В пятнадцать он был уже опытным летчиком, имел правительственные награды.

Герой Социалистического Труда Татьяна Викторовна ФЕДОРОВА в 1933 году приехала по комсомольской путевке на Метрострой — работала землекопом, про-

ходчиком, бригадиром, начальником смены, участка, она первая женщина — начальница шахты; сейчас — заместитель начальника управления Московского метростроя. В своей книге «Наверху — Москва» она вспоминает себя подростком...

«Однажды, когда мы работали в своем школьном подвале, погас свет. Вначале, как и полагается, был дикий галдеж: девчонки дергают за косы, они визжат. Наконец все утихло, и все уселось около своего руководителя по труду Николая Ивановича Павлова. Кто-то из ребят спросил: «Николай Иванович, а как вы

думаете, кто из нас кем будет, когда вырастет?» Стало очень тихо. Он обвел нас своим добрым, ласковым взглядом и сказал: «Ты, Лида, модница, — будешь обязательно хорошей портнихой, а ты, Шура, художником. Ты, Зоя, наверное, врачом». Зоя почему-то спросила: «А кем Таня будет?» Николай Иванович посмотрел на меня, погладил по голове и сказал: «Если бы ты жила, Таня, в старое время, то обязательно была бы революционеркой, а сейчас...» Загорелся свет. Николай Иванович поднялся: «Давайте, ребята, дружно работать. Ваша судьба сейчас в ваших руках».

скую. И все же: «Знаете, как считают метеориты? Лежишь себе на спине и смотришь в темное небо. Вдруг: чирк! — звезда упала, другая, целый дождь. Называется наша работа — небесный патруль. Красиво, правда?»

Наконец, вот что рассказал человек, который тоже не стал астрономом, хотя раньше, как и Наташа, мечтал об этом.

— Все же самое яркое событие в моей жизни, конечно, открытие новой звезды. Мы возвращались домой с дежурства, шли по ночным улицам. Я посмотрел на знакомое звездное небо и вдруг — такое поймет только астроном — увидел в созвездии Лебедя «лишнюю» звезду. Мы сломя голову помчались снова в обсерваторию, глянули в атлас — новая! — открыт новый мир! И в душе родилось какое-то необыкновенное чувство, и радость, и удивление, и гордость одновременно. Сколько лет прошло, а вот это ощущение помню.

Чарли Чаплину принадлежит изречение, которое по меньшей мере странно звучит в устах того, кто с «младых ногтей» привлек к успеху у публики. «Я не люблю вундеркиндов — сказал он однажды. Но в том-то и особенность СОЛА, что здесь отнюдь не стремятся воспитать «гениев в коротких штанишках». Никто не ждет, что каждый, кто проводит сейчас ночи у телескопа, выберет на всю жизнь эту профессию. Главное, чтобы не угасал интерес к науке, чтобы, проникнув однажды в тайны Вселенной, юность никогда не смогла относиться равнодушно и к земным делам.

СОЛА помогает взрослеть. Ребята хорошо знают, что их работа нужна летчикам и геологам, астрономам и радиоинженерам. И относятся к ней со всей возможной для их возраста ответственностью.

СОЛА помогает привыкнуть к кро-

**ЛЕША ЗАНДВОРОВ И
ЮРА БЕРЛИКЕР У ТЕЛЕСКОПА
С ДИАМЕТРОМ 0,5 МЕТРА.**

ПОДГОТОВКА К НАБЛЮДЕНИЯМ.

— Нет, не обязательно, — ответила Наташа, — раньше я вот так же серьезно увлекалась живописью, ходила в студию. Но СОЛА в особом ряду. Я ведь даже точно запомнила день, когда пришла сюда, — восемнадцатого сентября. Запомнила, словно день рождения. Мама сначала против была — я ведь часто на всю ночь пропадала: «Какое учение, если ты не выспалась?!» Но когда я пригласила ее однажды в гости, она сама заразилась «звездной болезнью». Я хочу сказать, что есть вещи, о которых можно не подозревать всю жизнь. И, наверное, очень хорошо, когда о них узнаешь в юности. Я говорю о звездах, о том притяжении, которое они вызывают в душе. Кто его познал, тот, конечно, уже никогда не откажется от неба.

Товарищ Наташи по кружку Юра Берликер не собирает статью, как он выразился, «настоящим астрономом», профессию мечтает выбрать самую земную, точнее, подземную — шахтер-

Очнулся Ленья Картаузов в госпитале. Когда ему сказали про ампутацию обеих ступней, он не заплакал, а только отвернулся к стенке. Было ему тогда 12 лет. Прошло время, и Леонид в числе первых отправился на целину, работал трактористом. Стал Героем Социалистического Труда. Однажды, когда переезжал в новый совхоз, директор спросил: «Что это вы прихрамываете?» «Да так, — ответил Леонид, — ботинки новые, жмут».

Первое стихотворение Александра Твардовского, напечатанное в га-

зете «Смоленская деревня» летом 1925 года, называлось «Новая изба». Автору в это время было 15 лет. Сам Твардовский в своей автобиографии впоследствии вспоминал: «Стихи писать я начал до овладения первоначальной грамотой».

Юрий ГАГАРИН:
«Цех мне полюбился... Работа спорилась и с каждым днем становилась все интереснее. Мне нравилось просыпаться с первым заводским гудком и, умывшись холодной водой, выходить на улицу, вливаться в поток рабочих, спешащих к проходной завода. На работу я всегда

шел с гордостью. С каждым днем эта гордость укреплялась: взрослые, квалифицированные рабочие разговаривали с нами, ремесленниками, как с равными. А тут подошла и первая получка. Небольшая, конечно, — всего тридцать рублей. Но это были первые заработанные мною деньги. Половину из них я послал матери в Гжатск, на хозяйство.

В ремесленном училище мы одновременно проходили теоретическую подготовку и практику... И хотя я учился, мне хотелось учиться еще больше. В библиотеке брал технические книги и злился, что в сутках всего 24 часа... Вместе со

потливости научного поиска, ведь, чтобы сфотографировать один метеор, необходимы порой десятки бессонных ночей, заполненных напряженным ожиданием.

И, наконец, СОЛА — это миг, когда ты остаешься наедине с блеском далекой звезды...

— Мы отвечаем за звезды, — просто, как о чем-то очень будничном, сказала Наташа Заикина.

ВИЗИТ К ПРЕЗИДЕНТУ

Президент МАН назначил мне встречу в перерыве между лекциями. Мы присели на скамью в пустой аудитории, и Валентин Николаевич Касаткин, не ожидая моих вопросов, протянул бланк телеграммы. «Надеюсь, что и впредь советская наука будет пополняться учеными, начавшими свой путь в науку в МАН. Президент АН СССР А. П. Александров».

Так что же такое МАН, если виднейший деятель нашей науки обратился к ней с такими лестными словами? Это Малая академия наук Крыма. А СОЛА, общество юных астрономов, было тем зернышком, из которого и выросло огромное древо академии школьников.

В самом деле, почему только астрономия? Сколько ребят, увлекающихся химией и физикой, математикой и биологией, готовы пойти в «помощники» к ученым. Вот и создали на базе СОЛА и различных кружков Малую академию. Здесь все всерьез: есть президент, два вице-президента, 332 действительных члена, 1455 кандидатов и более 14 тысяч крымских школьников, составляющих актив академии. Ее филиалы расположены буквально во всех городах и районах Крыма, а работы членов Малой академии известны далеко за пределами полуострова. На статьи школьников; опубликованные в журнале «Земля и Вселенная» и в «Астрономическом вестнике», ссылаются теперь астрономы всего мира. За теоретическую статью «Изучение структуры радиантов метеорного потока «Персеид» Академия наук СССР в качестве своеобразной награды преподнесла крымским школьникам редкостный звездный камень — Сихотэ-алинский метеорит.

Шефство над различными секциями Малой академии взяли известные всему миру научные учреждения. Среди них — Институт кибернетики АН УССР, Крымская астрофизическая обсерватория, Институт атомной энергии имени И. В. Курчатова...

— И не надо удивляться, что небольшая группа астрономов-любителей вызвала к жизни такое необычное явление, как наша академия, — сказал Касаткин. — Всему «виной» наше необычное время. Ребята с юных лет учатся искать, творить. Побывайте хотя бы на одном заседании и сами убедитесь.

В большой аудитории Дворца пионеров воцарилась заинтересованная тишина. Уже второй час ее нарушает только тихий голос докладчика. Тема доклада непростая: речь идет о возможности прерывания гравитацион-

шел с гордостью. С каждым днем эта гордость укреплялась: взрослые, квалифицированные рабочие разговаривали с нами, ремесленниками, как с равными. А тут подошла и первая получка. Небольшая, конечно, — всего тридцать рублей. Но это были первые заработанные мною деньги. Половину из них я послал матери в Гжатск, на хозяйство.

В ремесленном училище мы одновременно проходили теоретическую подготовку и практику... И хотя я учился, мне хотелось учиться еще больше. В библиотеке брал технические книги и злился, что в сутках всего 24 часа... Вместе со

СОЧИ

ных волн, на белесой от торопливо стертых записей доске появляются все новые и новые формулы...

Очередное заседание физической секции МАН ведет вице-президент академии десятиклассник Владимир Дождев. Наконец Володя выводит на доске последнее изящное равенство, и скрип отодвигаемых стульев дает понять, что можно свободно поговорить с юным «академиком». Но он еще долго находится в кольце своих коллег, отвечает на многочисленные вопросы, спорит, что-то доказывает.

— Володя — человек серьезный, — сказал накануне «взрослый» президент академии, кандидат физико-математических наук доцент Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе В. Н. Касаткин, — что подтверждается не только его работами, в которых я, например, не всегда все понимаю, но и отношением к своему посту.

Сосредоточенно потирая ладони, чтобы стряхнуть въевшийся мел, Володя долго перечисляет, что сделано мановцами только за последний год. «Каштанка» охотно принимает «лакомые куски», виляет хвостом. Но вот ее приучают к новому имени, теперь она охотно отзывается на кличку «Жучка»...

Не удивляйтесь, что имена поставлены в кавычки. Ведь это всего лишь автомат, имитирующий возникновение условного рефлекса. А сработали кибернетическую собаку действительные члены МАН — школьники Юрий Дерюгин и Сергей Шестаков.

— Серьезная игрушка, — подводит итог Володя. Потом он рассказывает о новой установке цветомузыки, что сопровождает каждый аккорд «звучным» цветным всполохом. Немало оказалось конструкторов, заинтересовавшихся этим изобретением десятиклассника Юрия Кимбаровича. И об игровом автомате «Стыковка в космосе», от которого невозможно было оторвать американских мальчишек в те дни, когда детище мановцев демонстрировалось в США, и об удивительных счетах, которые изобрела пятнадцатилетняя Аня Шаховская, — о счетах для операций с числами в уравновешенной троичной системе.

— Изобретения ребят, — сказал вице-президент, — удостоены многих медалей ВДНХ СССР. А общая научная деятельность МАН отмечена премией комсомола Украины.

Вопроса, нужна ли не нужна Малая академия, сейчас уже не существует. Пятнадцать лет ее активной деятельности доказали — нужна. Как нужны детские спортивные школы, детские железные дороги, детские паркоходы. Некоторым, правда, и сейчас кажется, что ребята только играют в науку. Но ведь потому и играют, что «умное» время настало.

По радио передают прогноз погоды. В Крыму безоблачно. Значит, будет над Симферополем небо черного бархата. И крупные и чистые южные звезды. И снова прикиннут к телескопам те, кому еще надлежит найти среди их россыпи свою звезду...

В сознании большинства людей Тольятти связывается прежде всего с Волжским автомобильным заводом, яркая и юркая продукция которого заполонила в последние годы наши улицы и шоссе. Между тем в Тольятти существует еще целое семейство заводо-гигантов большой химии и других, может быть, менее эффективных, но не менее необходимых отраслей народного хозяйства.

Наш герой, Володя Нагорнов, учится в среднем городском профессионально-техническом училище № 58 по специальности «аппаратчик химических процессов с умением выполнять обязанности слесаря по контрольно-измерительным приборам и автоматике». То есть приобретает сразу две профессии.

В прошлом году ППТУ-58 было участником ВДНХ СССР и награждено главной выставкой страны почетным дипломом — «За внедрение в учебный процесс прогрессивных форм». Под этими прогрессивными формами подразумевались учебная установка по производству отбеливателя «Персоль» и тренажер «Технолог-1», в создании которых Володя Нагорнов и другие учащиеся принимали самое непосредственное участие. Володя сконструировал приспособление для перемешивания персоли в процессе сушки, и это рационализаторское предложение было отмечено второй премией на специальном смотре-конкурсе, организованном Куйбышевским областным управлением профессионально-технического образования.

В училище Володю теперь в шутку

называют Эдисоном. Но ведь в каждой шутке, как гласит народная поговорка, всегда есть доля правды.

Гулко хлопает дверь, и на улицу вываливаются мальчишки. Похоже, что-то внутри придает им дополнительное ускорение. В коридорах училища звучит разноголосый гул: у большинства групп окончилась занятия. Над дверью вестибюля висит самодельный плакатик: «Культура — это речь, прическа, платочек чистый и расческа». Уместность его сомнений не вызывает.

Директор училища Василий Гаврилович Литвиненко, кражистый человек в очках с толстыми стеклами, тяжело вздохнул, прислушиваясь к гудевшему коридору. Но, видно, к шуму этому он давно привык. Непривычен ему только интерес, с которым коллеги из разных городов страны рассматривают учебную установку «Персоль». Так просто вроде бы то, что они придумали, а у других этого нет.

Василий Гаврилович воевал, был на партийной работе, возглавлял отдел технического обучения в производственном объединении «Куйбышевфосфор», а когда в 1972 году при предприятии стали создавать училище для подготовки квалифицированных кадров, решил перейти сюда. Чувствует он себя вполне уверенно: и проблемы подготовки молодых рабочих ему хорошо знакомы, и технологию сложного химического производства он знает, и на базовом предприятии все вопросы решает без труда.

Володя в этот момент в училище не было. Вместе со всем курсом он проходил преддипломную практику в цехе

своими товарищами — Тимофеем Чугуновым, тоже нашим, смоленским, и Александром Петушковым из Калужской области — мы поступили в седьмой класс люберецкой вечерней школы № 1. Мы поддерживали друг друга, помогали друг другу, всегда держались втроем».

В Институте проблем управления проходила очередная научно-техническая конференция школьников. На семи секциях было сделано 140 докладов. Самым молодым участником конференции оказался шестиклассник из 103-й московской школы Антон Тамарин. Он занял

первое место на секции биологии. Тема его работы: «Язык животных».

Срочный заказ строителей Сургутской ГРЭС выполнили... школьники. Учащиеся первого в Сургуте учебно-производственного комбината смонтировали электропроводку и подключили двести светильников.

Тираж этой книги невелик — всего пятьсот экземпляров, однако в Библиотеке имени В. И. Ленина и такие книжки хранятся вечно. Самое интересное, что «Сборник фантастических проектов и

научных гипотез» составлен старшеклассниками школы-интерната № 12 имени А. С. Макаренки города Баку. Сборник вышел в издательстве «Гянджлик» в 1979 году.

Книжка стихов «Белый конь» выпущена издательством «Малыш» тиражом в 300 000 экземпляров. Автор ее — школьник Володя Иванов. Стихи он начал писать в десятилетнем возрасте.

Журнал «Юный техник» выдал в 1977 году диплом за конструкцию нового зеркала для фотонных звездолетов московскому восьмикласснику Диме Колосову.

Константин МАКСИМОВ,
заслуженный деятель
искусств РСФСР,
лауреат Государственных
премий СССР, профессор

КАК ПРЕКРАСЕ

«...без зачатков
положительного
и прекрасного
нельзя пускать
поколение в путь».
Ф. М. Достоевский

Раньше никогда не задумывался, почему я рисую. Просто нравилось. Теперь же понял, что стал внимательнее относиться к людям, к природе,—говорит Алеша Куколев, — Как это здорово, когда белый лист бумаги начинает словно оживать,—считает Костя Бесмертный,—когда на нем появляются люди, до этого жившие только в моем воображении.

Они не знакомы друг с другом—эти двое ребят из поколения, которому завтра предстоит начать самостоятельную жизнь. Таких, как они, у нас в стране—десятки тысяч. Эти, отправляясь в путь, взяли в попутчики красоту. И, пожалуй, не жалеют об этом.

Он стоял и смущенно улыбался, вслушиваясь в обращенные к нему слова. А

председательствующий на торжественном закрытии выставки детского художественного творчества «Юность Страны Советов» говорил, что ему, Алексею Куколеву, учащемуся 372-й московской школы, присуждена первая премия за цикл акварелей на военно-патриотическую тему.

Помню, как полгода назад впервые увидел работы Алеши Куколева. Жюри во главе с народным художником СССР А. М. Грицаем рассматривало конкурсные произведения ребят. Их было около трех тысяч, присланных со всех концов страны. Рисунки висели на стенах, лежали на столах и стульях, были разложены стопками на полу выставочного зала. В глазах рябило от обилия ярких, полных экспрессии красок. Алешины листы лежали отдельно, в сторонке. Я сразу обратил на них внимание. И потом много раз приходил в зал и подолгу разглядывал сложные многофигурные картины 16-летнего художника.

Трудно сказать, что привлекает в творчестве Алеши. Скорее всего—маштабность. Поражает старание и трудолюбие юного автора. На некоторых рисунках изображены десятки, а то и

сотни персонажей. И каждый показан в движении, во взаимодействии с другими. В рисунках много старательно выписанных подробностей. Чувствуется, что подросток тщательно изучал материал для будущей картины, что к теме подходил серьезно и увлеченно. Разумеется, рисунки Алеши далеко не совершенны. Он еще многого не умеет. Например, точно передать характер героев—они часто показаны прямолинейно, да и краски порой неоправданно ярковы. Но это—если судить строго, то есть по установленным взрослыми канонам. А ведь в юношеском возрасте все действительно кажется ярче, детская непосредственность позволяет пусть неумело, но открыто и безбоязненно выражать свое видение мира.

Во многих детях существует бессознательная тяга к рисованию. Сначала они чертят замысловатые линии на обоях, полах, мебели, приводя в ужас родителей, затем, чуть подрастая, начинают рисовать уже в альбомах. Переносят на бумагу все, что видят вокруг себя: цветы, деревья, любимую собаку, которая вовсе даже непохожа пока на собаку, но ребенок с такой любовью и старанием

изображает верного друга, что редкий взрослый возьмется судить о достоинствах рисунка по схожести и достоверности изображения. Ведь не в них суть детского творчества. Главное, что ребенок почувствовал красоту. Ту, порой незаметную, обыденную красоту, которая окружает нас, которая живет внутри нас и мимо которой мы, взрослые, часто проходим равнодушно. Ребенок воспринимает мир по-своему: наивно и прямодушно. Но всегда заинтересованно. И, естественно, все, что видит, старается запечатлеть на бумаге. Рисует как умеет. Иногда похоже, чаще—не очень. И вот здесь важно не помешать его стараниям, важно поддержать стремление к творчеству даже тогда, когда, на наш взрослый взгляд, в ребенке недостаточного таланта.

Алеше повезло. Его воспитанием занималась бабушка, которая когда-то была художником-муляжистом. Она старалась с малых лет разбудить в мальчике интерес к рисованию. И уже в первых классах школы, когда дети только пробовали рисовать цветными карандашами, Алеша умел обращаться с акварельными красками. А с третьего класса стал посещать изокружок, который вел учитель рисования Алексей Алексеевич Клейдинс. С ним Алеша постигал граммоту изобразительного искусства.

Взаимная привязанность их сохранилась и после того, как, по совету Алексея Алексеевича, семиклассник Куколев начал учиться в Московской детской художественной школе № 1. И по-прежнему приходит он к своему первому учителю за советом, делится планами, работает под его наблюдением.

Мягкий и скромный, восприимчивый по натуре, Алеша с детства увлекается историей, любит фантастику. Алексей Алексеевич вспоминает, как однажды он дал своему ученику «Историю крестовых походов» с иллюстрациями Гюстава Доре. Рисунки знаменитого французского рисовальщика буквально потрясли мальчика. Для него словно бы открылся новый мир: страстный и бесконечно волнующий. Подолгу разглядывал он рисунки Доре... А несколько лет спустя сам взялся за иллюстрирование исторической книги—«Кольцо великого магистра» К. Бадигина.

Многие его рисунки сделаны под впечатлением от прочитанных книг или увиденных кинофильмов. Алеша словно бы живет жизнью полюбившихся персонажей, переносит на бумагу и симпатии, и переживания, и отношение к происходящему. Так рождаются в рисунках герои любимых книг—солдаты гражданской и Великой Отечественной войн.

Самая большая картина—«Штурм Артедая»—написана по мотивам фильма «Даки». Пять раз смотрел мальчик этот фильм. Познакомился с множеством книг: изучал планировку крепостей и устройство осадных орудий, одежду того времени, воинское снаря-

Рисунки
Алеши
КУКОЛЕВА.

СТРОЙКА.

ЭСКИЗЫ
К ПОРТРЕТУ
БАБУШКИ.

НАТЮРМОРТ.

ШТУРМ АРТЕДАЯ.

«ВЛКСМ, в Новосибирске...» Так вспоминает о своих юношеских годах Георгий Марков—первый секретарь правления Союза писателей СССР, член ЦК КПСС, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Три года строил свой планер десятиклассник Высокобайракской школы Николай Крикуненко. 27 мая 1978 года он поднялся на нем в воздух. В «Комсомольскую правду», которая рассказала о его работе, тогда пришла телеграмма: «Полеты прошли успешно, все системы функционируют нормально. Николай».

Шестнадцатилетняя комсомолка Улбосын Оспанова погибла, спасая общественное стадо. Это случилось в 1978 году. Проститься с Улбосын пришли все жители Таласской долины—от аксакалов до первоклассников.

«Осенью 41-го поступила я на станко-строительный завод имени Серго Орджоникидзе. Когда писала заявление, прибавила себе два года, иначе бы не взяли. Ведь тогда мне было всего 12 лет. Чтобы дотянуться до станка, подставляла скамеечку. Работать было интересно... Нор-

му перевыполняла, и вручили мне четыре красных фляжки как ударнице. А за досрочное освоение станка выдали премию... Скоро присвоили пятый производственный разряд.

И сейчас, объездив полсвета, прихожу я на свой завод по самой искренней душевной потребности,—вспоминает народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии Людмила Зыкина о начале своей трудовой деятельности.

При поливном земледелии надо прокладывать в полях трубопроводы для подвода воды к дождевальным установкам.

И ЭТОТ МИР!

жение. Около полугода трудился над этой картиной юный художник.

Многих ребят в возрасте Алеша увлекает космос. Далекие и загадочные, пока еще не изведенные планеты. И, наверное, в своих ребячьих мечтах они видят себя отважными космонавтами—разведчиками чужих галактик. Алеше Куколеву удалось осуществить эту мечту. Тема картины «Космодром»—освоение человеком чужой планеты. Тут и звездолет, и гигантская электромагнитная пушка-ускоритель, и космоград, а в бездонной, холодной черноте неба—даже города-спутники.

На вид Алеша спокойный и уравновешенный, но в работах его прорывается какая-то внутренняя стремительность. Учитель рисования Алексей Алексеевич иногда сознательно сдерживает желание мальчика «двигаться» в рисунке галопом. Юный художник должен постепенно усваивать законы живописи, чтобы не возникли провалы, которые затем трудно будет восполнить.

Сейчас Алеша много сил и времени отдает работе на натуре, стремится достичь большей точности и выразительности в передаче пластики человеческого тела. И мечтает о том дне, когда станет настоящим художником и сможет иллюстрировать книги. Чтобы любимые его герои стали добрыми знакомыми для всех нас.

Далеко от Москвы, там, где своенравная Зeya сливается с могучим Амуром, живет Костя Бессмертный. Ему, коренному жителю Благовещенска, 14 лет. Он учится в городской детской художественной школе. Школа занимает несколько комнат во Дворце пионеров, окна которого выходят на набережную Амура—реки-границы. Здание построено в конце прошлого века по проекту венских архитекторов в стиле итальянского ренессанса и барокко.

Сказать, что Костя с малых лет выделялся необыкновенными способностями среди сверстников, нельзя. Рос, как большинство детей, как все, рисовал—не лучше, не хуже других.

— Когда мне было года четыре, — рассказывает он, — мы жили в старом деревянном доме. Каждый вечер с двоюродным братом забирались на большущий бабушкин сундук, устраивались поудобнее и рисовали...

Они изображали на бумаге то, что волнует в этом возрасте мальчишек, — самолеты и корабли, солдат и пограничников с собакой, море, горы, города. Брат рисовал хорошо, хотя нигде этому не учился. И Косте очень хотелось не отстать от него: брал сделанные братом картинку и по несколько раз старательно их перерисовывал.

А в детском саду ему понравилась лепить из пластилина. Сначала «работал» в одиночку, но вскоре так «заразил» всю группу, что даже воспитательница увлеклась этим занятием.

В художественную школу Костя пошел неохотно. Считал, что рисовать уже может, а изображать целыми днями кувшинчики да цветочки совсем неинтересно. Отвела его в школу мама, учитель истории. На первом же занятии мальчик понял, что правильно рисовать даже простую стеклянную баночку не умеет.

Давно ли переступил он, маленький, худенький мальчуган, порог детской художественной школы, принесся беспомощный, но старательно выполненный рисуночек эмалированной кружки! Теперь, когда смотришь на его работы, даже не верится, что Костя, имевший самые смутные представления о законах рисования, смог так быстро научиться свободно и уверенно владеть красками, логично и точно выстраивать композицию рисунка. А ведь прошло всего четыре года учебы. Правда, наполненных самоотверженным трудом. Он привык к дисциплине, к жесткому распорядку. И если порой его прямо-таки подмывало на уроке нарисовать вместо какого-нибудь заданного кувшина сидящего рядом приятеля или самого учителя, он сдерживал себя и терпеливо

корпел над заданием. Но уж дома «выливал» на бумагу накопившиеся за день впечатления...

Класс, в котором учится Костя, очень дружный. И эта дружба играет немаловажную роль в развитии творческих способностей Кости. Ведь одноклассники первыми видят, обсуждают его работы, а уж они-то самые строгие и беспристрастные критики.

Костя особенно любит рисовать многофигурные картины на исторические темы—в этом они близки с Алешей Куколевым. Однажды Костя услышал рассказ своей бабушки о гражданской войне, о том, как хозяйничали на Дальнем Востоке японцы. Костя тут же сделал несколько набросков. А позже родилась и сама картина «Интервенция».

Название другой его работы—«Первопроходцы»—говорит само за себя. Костя посвятил ее тем, кто первыми обживал, осваивал богатый суровый край. С детским неумным восторгом и любовью изобразил он казаков-зайкальцев, которые бесстрашно преодолевают бурные реки, чащи векового леса, уверенно и смело продвигаясь в глубь тайги.

Два года назад школа наградила Костю путевкой во Всесоюзный пионерский лагерь «Орленок».

— Когда в лагере объявили, что будет проходить конкурс поделок из природных материалов,—вспоминает Костя,—я сразу же помчался на побережье. Под песком нашел подходящую

для работы глину и стал лепить джинна. Джинн оказался добрым и смешным и так понравился ребятам и жюри, что Косте присудили первое место. А еще он привез домой медаль за участие в выставке рисунка.

Много и упорно рисует Костя на натуре. Это и понятно: именно в общении с природой, с окружающим миром тренирует художник наблюдательность, развивает пространственное мышление, ищет вдохновение. Летом, во время каникул, он отдыхал в деревне, помогал косить траву, метать стога. И ни на минуту не расставался с этюдником. Сделал множество набросков, которые использовал во время работы над акварелью «Сенокос», где передал впечатление от увиденного.

Не беда, что резок порой цвет в акварелях, пестроват колорит, не хватает организованности в композиции. Что ж, наверное, именно так—насыщенно, остро и ярко—воспринимает его глаз краски окружающего мира. Со временем восторги детства обретут гармонию и уравновешенность. Но художнику очень важно при этом сохранить в душе свежесть и чистоту мироощущения юности, без чего любой талант быстро блекнет и иссыкает.

Ребята рисуют... Это способ самовыражения. Другие пишут стихи или увлекаются музыкой. Но все они приближаются к прекрасному. И это главное. Иначе не создать гармонически развитой личности, человека будущего...

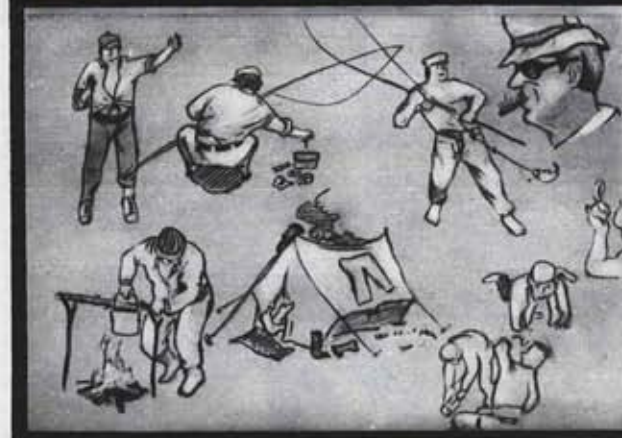
ПЕЙЗАЖ.

МУЖСКОЙ ПОРТРЕТ.

ПЕРВОПРОХОДЦЫ.

Рисунки Кости Бессмертного.

РАСЧЕТЫ.

Семиклассник из г. Хмельницкого Юрий Онышко предложил конструкцию машины для быстрой и экономичной прокладки таких трубопроводов. Реализация этого предложения позволит значительно сократить расходы на сооружение временных трубопроводов.

Существующие высотные краны не лишены недостатков: большой вес, сложный и долгий процесс сборки, необходимость проводить подготовительные работы по укладке полотна для колес.

Конструкцию, разработанную восьмиклассником из Калуги Сашей Бороди-

ным, можно, пожалуй, назвать «краном-альпинистом». После окончания перекрытия нижнего этажа кран сам взбирается на него и возводит следующий этаж. Предложение школьника заинтересовало домостроителей. Такой кран-альпинист позволит сэкономить много металла, электроэнергии и ускорит строительство зданий.

Использование солнечной энергии считается сейчас одной из самых перспективных отраслей энергетики. Многие солнечные энергетические установки используют параболические зеркала, кото-

рые необходимо довольно точно ориентировать по положению солнца на небосводе. Восьмиклассник из Ворошиловграда Игорь Шакулов предложил конструкцию автомата для наведения зеркал гелиостанций, отмеченную авторским свидетельством на Всесоюзном конкурсе юных изобретателей.

В ШЕСТНАДЦАТЬ МАЛЬЧИШЕСКИХ ЛЕТ

На этих страницах—высказывания, мысли, поэтические строки выдающихся людей, относящиеся к тому периоду их жизни, когда им было от 14 до 18. Вчитайтесь в эти строки. Вчитайтесь и проверьте себя: сможете ли вы так же, как они, думать, хотеть, смель?

Попробуйте свои силы, попробуйте подтянуться до их политического, гражданского, интеллектуального и нравственного уровня. Это совсем не так недостижимо, как может показаться поначалу: мол, они-то гении... Но ведь и им было тогда столько же лет, сколько вам сейчас. Только, может быть, они больше читали, чаще задумывались о прочитанном и увиденном, меньше тратили времени на ничегонеделание.

Наука установила, что каждый ребенок—великий труженик планеты: до 6 лет он узнает о мире столько же, сколько получит информации за последующие 20 лет. Разве это не чудо—ваши нынешние способности? Человек использует в своей жизни лишь незначительную долю своих интеллектуальных и физических возможностей, данных ему природой. Человек—биологический лазер. Однако многие попросту не научились использовать эту заложенную в нас энергию.

В каждом из нас спит Моцарт, утверждал Антуан де Сент-Экзюпери. Разбудите в себе Музыканта, Поэта, Художника, Гражданина—Человека! И не откладывайте это на будущее, ведь вы человек сегодняшнего дня, его живой, активный участник.

...Главным руководителем, который должен нас направлять при выборе профессии, является благо человечества, наше собственное совершенствование. Не следует думать, что оба эти интереса могут стать враждебными, вступить в борьбу друг с другом, что один из них должен уничтожить другой; человеческая природа устроена так, что человек может достичь своего совершенствования, только работая для совершенствования своих современников, во имя их блага.

Если человек трудится только для себя, он может, пожалуй, стать знаменитым ученым, великим мудрецом, превосходным поэтом, но никогда не сможет стать истинно совершенным и великим человеком.

История признает тех людей великими, которые, трудясь для общей цели, сами становились благороднее; опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей...

Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для блага человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что оно—жертва во имя всех; тогда мы испытаем не жалкую, ограниченную радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам, наши дела будут жить тогда тихой, но вечно действенной жизнью, а над нашим прахом прольются горячие слезы благородных людей.

Карл МАРКС, 16 лет.

(Из сочинения на выпускном экзамене в Трирской гимназии. 1835 г.)

...Я знаю свет только по одним книгам, и он представляется уму моему страшным чудовищем, но сердце видит в нем тысячи питательных для себя надежд. Там рассудку моему представляется бедность во всей ее нагоде, во всей ее обширности и горестном ее состоянии: но сердце показывает эту же самую бедность в златых цепях волюности и дружбы, и она кажется мне не в бедной хижине и не на соломенном одре, но в златенных чертогах, возлежащею на мягких пуховиках, в неге и удовольствии. Там, в свете, ум мой видит ряд непрерывных бедствий—и ужасается. Несчастья занимают первое место, за ними следуют обманы, грабительства, вероломства, разврат и так далее. Устрашенное мое воображение и рассудок мой с трепетом гласят мне: «Заблужденный молодой человек! разве ты не видишь, чего желаешь с таким безмерием. Ты стремишься в свет—но посмотри, там гибель ожидает тебя. Посмотри, там бездны изрыты на каждом шагу твоим, берегись низринуться в них.—Безрассудный! в свете каждая минута твоя будет отравляема горьким страхом, и ты не насладишься жизнью. Хотя бы ты проходил свет оцупью, но не избежешь несчастья—скрытые сети вовлекут тебя в оные, и ты погибнешь». Так говорит мне ум, но сердце, вечно с ним соперничающее, учит меня противному: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинной твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец и вознесешься выше человечества! Какие сладостные мечты! О! повинюсь я сердцу». Разберем теперь, кому истинно должно повиноваться, уму или сердцу?—Первый всегда бывает важен, разбирателен, строг, осудителен, все почти человеческие страсти и предприятия осуждает безжалостно: свет для него есть обиталище разврата и пустыня необозримая, где не находит он ни единого человека, между тем, как он с избытком наполнен ими.—Сердце же, напротив того, видит в нем одни радости и всегда готово ими наслаждаться, не утомляя себя скучными разбирательствами; строгость его непричастна; оно снисходительно ко всем, много хвалит и никого не осуждает; для него свет—прелесть, в коем везде видна добродетель, и порок изредка показывается в нем так, как туманное облако в ясный день. И люди кажутся сердцу любезными существами.—Вот как судит о свете сердце и как судит о нем ум. Или лучше сказать, что так судят о нем мудрец и светский человек. Следовать первому—есть быть человеком-ненавидцем, людей не считать людьми и искать их: при свете ясного дня с фонарем. Но поступай так, и ты будешь счастлив: бедствие никогда, никогда не

“Я каждый сделал бы”

И снова вокруг меня угрюмой скуки тень!..

Я счастлив был!.. нет, я вчера не был счастлив: поутру я мучился ожиданием, с неописанным волнением стоя под окошком, смотрел на снежную дорожку—ее не видно было! Наконец я потерял надежду, вдруг нечаянно встречаюсь с ней на лестнице,—сладкая минута!..

Он пел любовь, но был печален глас.
Увы! он знал любви одну лишь муку!
Жуковский.

Как она мила была! как черное платье пристало к милой Бакуниной!
Но я не видел ее 18 часов—ах! какое положение, какая мука!
Но я был счастлив 5 минут.

Александр ПУШКИН, 16 лет.
(Из дневника. 1815 г.)

постигнет тебя.—Но соразмерно ли силам человеческим принять методу мудрецов? не лучше ли любить своего ближнего с нежною дружбой, не раздражать его самолюбия, не хулить чужих поступков, и злоба их никогда не коснется тебя, ты будешь также счастлив, хотя счастье будет и зыблемо, хотя ты падешь в бедствие, но друг утешит тебя в твоей горести, ты найдешь отраду в его сострадании, и возвращение твое к счастью будет неизъяснимо-приятно и с рукоплесканиями твоих друзей.

Вот, любезный родитель, мои мысли, вот мои правила, плоды наставлений и размышлений собственного разума, ком и следовать я намерен...

Кондратий РЫЛЕЕВ, 17 лет.
(Из письма к отцу. 1812 г.)

29 ноября.
Итак я счастлив был, итак я наслаждался,
Отрадой тихою, восторгом упивался...
И где веселья быстрый день?
Промчался лётom сновиденья,
Увяла прелесть наслажденья,

тало, ноги подкосились. Я тогда ни об чем еще не имел понятия, тем не менее это была страсть, сильная, хотя ребяческая: это была истинная любовь: с тех пор я еще не любил так. О! сия минута первого беспокойства страстей до могилы будет терзать мой ум! И так рано!.. Надо мной смеялись и дразнили, ибо примечали волнение в лице. Я плакал потихоньку без причины, желал ее видеть; а когда она приходила, я не хотел или стыдился войти в комнату. Я не хотел говорить об ней и убежал, слыша ее название (теперь я забыл его), как бы страшась, чтоб биение сердца и дрожащий голос не объяснил другим тайну, не понятную для меня

ДЕНЬ БЕССМЕРТНЫМ ЖЕЛАЛ'

М. Лермонтов

самого. Я не знаю, кто была она, откуда, и поныне, мне неловко как-то спросить об этом: может быть, спросят и меня, как я помню, когда они позабыли, или тогда эти люди, внимая мой рассказ, подумают, что я брежу, не поверят ее существованию—это было бы мне больно!.. Белокурые волосы, голубые глаза, быстрые, непринужденность—нет, с тех пор я ничего подобного не видел или мне это кажется, потому что я никогда так не любил, как в тот раз. Горы Кавказские для меня священны... И так рано! в десять лет! о, эта загадка, этот потерянный рай до могилы будут терзать мой ум!.. иногда мне странно, и я готов смеяться над этой страстью! Но чаще—плакать...

Михаил ЛЕРМОНТОВ, 15 лет.
(Записка. 1830 г.)

...Человек, чтобы достигнуть ВОЗМОЖНОГО СОВЕРШЕНСТВА, должен просветить свою душу науками и возвысить оную теми благородными, возвышенными впечатлениями, которые доставляются изящными искусствами. Чтобы дать страстям доброе направление, образовать сердце, просветить ум, нужно ХОРОШЕЕ ВОСПИТАНИЕ. Впрочем, человеку для достижения ВОЗМОЖНОГО СОВЕРШЕНСТВА сего еще мало: он должен знать общие обычаи своего отечества и частные условия общества, среди которого находится. Кто живет в оном, кто имеет с людьми сношения, в груди кого горит чистое, святое пламя любви к подобным себе, тот и сам желает, чтобы его любили. Часто случается, что и самый просвещенный и даже добродетельный человек, но не знающий сих условий света, не имеющий сей утонченности в обращении, которые отличают человека ИСТИННО ВОСПИТАННОГО от других, при всей своей любви к людям нередко отвергает их от себя; часто самые добрые его поступки принимаются за худые и желание сделать добро за намерение причинить зло. Все это может произойти от недостатка воспитания. Впрочем, под словом: ВОСПИТАНИЕ я разумею не одно пустое знание

светских приличий; нет: просвещение ума, образование сердца и соединенная с оными утонченность обращения— вот что составляет истинно ДОБРОЕ ВОСПИТАНИЕ.

Виссарион БЕЛИНСКИЙ, 18 лет.
(Предположительно: из сочинения при поступлении в Московский университет. 1829 г.)

...Посмотри на дерево летом: есть ли хоть одна минута, в которую не произошло в нем перемены к лучшему или худшему?

Останавливается ли хоть на миг его развитие? Так и душа человеческая, особенно в наших летах с тобою: не проходит дня, чтобы не развилась насколько-нибудь наша душа; с каждым новым днем в наши лета или начинаешь понимать и постигать что-нибудь, что прежде было для тебя непостижимо, или начинаешь задумываться над тем, что прежде и не приходило в голову, или начинаешь не понимать того, что казалось простым до того, что не над чем и голову ломать. Все равно теперь умственные очи наши теперь ежедневно постепенно делаются сильнее и зорче, как изодрялось бы зрение, если стал смотреть в зрительные трубы и микро-

скопы... Так с каждым днем теперь, при развитии души нашей, становится понятнее, ближе то, что прежде было непонятно...; так знание возбуждает любовь: чем больше знакомишься с наукою, тем больше любишь ее. Теперь наоборот: смотришь на каплю воды, на листок зелени, простым глазом; над чем тут задуматься? без цвета, без вкуса, без запаха: берешь микроскоп, и эта капля бесцветная, мертвая, оживает под ним: в ней видишь ты целый мир, миллионы существ, наслаждающихся и дорожащих бытием своим... Так ясное и потому не интересовавшее нас прежде почти всегда становится темным и, по тому самому, интересным для нас при развитии сил души нашей...

Николай ЧЕРНЫШЕВСКИЙ, 18 лет.
(Из письма к А. Н. Пытину. 1846 г.)

Рано овладела мной благородная решимость посвятить себя на служение отечеству моему. Долго странные мечты волновали неопытный ум, но наконец остановился я на звании педагога. Размышляя об этом звании, я почувствовал в себе и способность, и желание, и терпение—все, что нужно для этого трудного дела...

...Одно смущает меня: я слаб, молод, неопытен. Как я могу передавать новые истины новому поколению, когда я сам только еще вступаю в жизнь, только еще жажду просвещения? Но для того-то и прихожу я в это святилище науки, чтобы в нем приготовить себя к совершенному прохождению своей должности; чтобы здесь в продолжение нескольких лет приучить себя к мысли быть наставником юношества—мне, юноше.

Николай ДОБРОЛЮБОВ, 17 лет.
(Мое призвание к педагогическому званию. 1853 г.)

Чтение, если оно хорошо направлено, сразу же увлечет тебя, заставит страстно полюбить это занятие и приобщит к истинной философии, а она неиссякаемый источник высшего наслаждения, сообщающий нам душевную силу и способность понимать гениальные творения и восторгаться ими. Истинная философия все проясняет: трудности исчезают, душа расширяется, начинает больше постигать и сильнее любить. Но я говорю с тобой на незнакомом тебе языке; я бы желал, чтобы ты в состоянии была его понять.

...Меня бы порадовало, если бы он (отец) смог проникнуться моими доводами. Я поговорю с ним об этом, когда буду в Гренобле. Советую тебе также прочесть «Жизнь великих людей Греции» Плутарха. Когда ты начнешь лучше разбираться в литературе, то сама убедишься, что подобного рода чтение сформировало характер человека, ко-

торый из всех когда-либо существовавших людей обладал самым великим гением и самой благородной душой—я говорю о Жан-Жаке РУССО. Можешь также, если тебе разрешат, читать Расина и трагедии Вольтера. Попроси дедушку прочесть тебе «Задига» таким же образом, как он мне его читал в позапрошлом году. Пожалуй, неплохо было бы тебе прочесть «Век Людовика XIV», если тебе позволят. Ты, возможно, скажешь: «Не слишком ли это много?» Но, мой дружок, только читая произведения, полные глубокого смысла, по-настоящему сам научаешься мыслить и понимать.

Апри СТЕНДАЛЬ, 17 лет.
(Из письма к сестре Полине. 1800 г.)

Человек испытывает потребность в немалом—в бесконечности и чуде—и правильно поступает, когда не довольствуется меньшим и не чувствует себя в мире как дома, пока эта потребность не будет удовлетворена.

Ван ГОГ, 16 лет.
(Из письма к брату Тео. 1869 г.)

Ученик девятого класса Володя Рябинкин уже привык, что незнакомые взрослые обращаются к нему на «вы». В двенадцать лет его еще развлекало, в шестнадцать, когда он достиг ста восьмидесяти восьми сантиметров, вдруг перестало интересовать. В отличие от многих своих сверстников школьной формой он не тяготился и являлся на уроки со стареньким, выдавшим виды портфелем, тогда как большинство в классе обзавелись модными спортивными сумками.

На Новый год он получил в подарок от мамы электрическую бритву «Харьков». Голос его перестал срываться то вверх, то вниз и выравнивался в баритональном регистре.

Серыми продолговатыми глазами и тонко очерченным носом он походил на мать, а рот и подбородок у него были отцовские. С новым маминым мужем у него, естественно, не было общих черт, тем не менее отношения между ними сложились вполне дружеские. Впрочем, к новой палиной жене он тоже относился вполне благожелательно.

Чтобы никого не обидеть и во избежание путаницы, Володя всех называл по именам: маму — Мариной, папу — Игорем, маминго мужа — Колей, а палину жену — Валентиной.

Мама родила Володю рано, в девятнадцать лет, а в тридцать два у нее родился Антошка. Володя слышал, как мама говорила своим приятельницам, что только в зрелом возрасте можно по-настоящему оценить материнство и что не надо было бы ей спешить Володю рожать: все его воспитание свелось к тому, что она постоянно выискивала, куда бы и кому бы его подбросить.

Володя не смог бы сказать, в какой момент он вдруг увидел маму по-новому — не такой, чья власть безгранична и кого нельзя слушаться, а той, которую можно легко обидеть, нечаянно причинить боль.

Мамин голос, очень высокий и звонкий, однажды

— На прошлой неделе я сам вызвался с Антошкой посидеть. Мне нравится с ним играть, он такой смешной...

Бабушка молча, печально на него глядела, а у Володи, как обычно, когда он замечал поражение взрослых, начинало щемить в груди: ему противно делалось от собственной правильности, от своих разумных слов.

Но ведь он не врал — он в самом деле с удовольствием возился с младшим братишкой, и если мама просила с Антошкой посидеть, он не отказывался: не столько потому, что был примерным сыном, сколько оттого, что не видел в этом никаких особенных со своей стороны жертв.

Володя понимал бабушку — она переживала мамин и папин разлад и винила во всем невестку. Он понимал папу — с каким ревнивым вниманием он выслушивал все, что касалось нынешнего Володино житей-бытья. Он понимал маму — ей хотелось доказать, что она достойна любви, счастья и что у нее это наконец получилось, да! Он понимал даже младшего своего братишку, возился, играл с ним как равный — ни мама, никто вообще не умел так.

Все он понимал, только когда пытался выразить свои мысли, чувства словами, выходило не то, не так. Он усвоил выражения взрослых, но когда ими пользовался, получалось как на маскараде — не по росту, чужой, нелепый костюм.

Он сам однажды это обнаружил, и казаться старше своих лет вдруг перестало быть интересным.

Раньше он всегда стремился к обществу взрослых, с жадностью вслушивался в их разговоры. А теперь, сам не зная почему, стал опасаться услышать, узнать то, что для него не предназначалось. Бывало, ему уши хотелось заткнуть: мама была такой доверчивой, такой беспечной — говоря по телефону, она не закрывала дверь в комнату.

Ему вдруг стало казаться, что какой-то из разговоров принесет нехорошие новости, а с ними перемены жизни... Нехорошие.

Володей как с маленьким, то вдруг как со взрослым — будто не помнила, сколько ему на самом деле лет.

Володя знал, что некоторые его друзья-приятели неустанно и даже, можно сказать, с азартом высматривают недостатки в собственных родителях, вероятно, рассчитывая, что, опровергнув авторитеты, добьются вольности, свободы. Не подчиняемся, мол, никому... Володя не разделял подобные устремления. Ему хотелось порядка. Он ставил в передней свои ботинки очень ровно, пятка к пятке, носок к носку, но ему хотелось, чтобы порядок распространялся и дальше — на взаимоотношения в семье. И он не стал бы доискиваться до скрытых пружин, не стал бы ломать себе голову, разгадывая тайные чьи-то побуждения — пусть бы все было просто, ясно, по правилам, к которым с детства приучили его.

Зачем мама из всеяильно, всезнающей превратилась в ту, что постоянно нуждается в снисхождении? Ей некогда, она спешит, она постоянно опаздывает. Глядит на сына рассеянным взглядом и, кажется, не видит его: «Володя, за хлебом сбегаешь?» Он в это время сидит, делает уроки. Но встает. Потому что уж очень неуверенный тон у мамы, точно она сама не знает, можно ли, нужно ли его о чем-то просить. И выражение лица растерянное. Володе не нужно гадать, он и так знает: мама с Колей поссорились. Что ж, он встает...

Какой смысл подсматривать, подглядывать, изучать недостатки родителей, когда они так очевидны, можно сказать, на поверхности? Ведь сами родители ничего не скрывают, не хотят, не умеют скрывать — и их жалко.

Но это не та жалость, что испытываешь, когда, к примеру, Антошка упадет, расшибется, заплачет — жалость, от которой теплеет в груди. Нет, тут будто внутри у тебя что-то защемило и ноет, и саднит, и очень нехорошо, тошно. Жалеешь... Но при этом почему-то обидно за себя. Не хочешь их винить, и все же протест какой-то — ну что это, зачем? Странное

Надежда КОЖЕВНИКОВА

РАССКАЗ

ВЗРОСЛЫЕ МЫСЛИ ДЕ

показался немного несоответствующим ее тридцати с небольшим — мог быть и посидливее.

Мама чего-то не понимала: что, наверное, не надо бы называть мужа всегда, и при посторонних тоже. Колькой и, выражая радость, шлепать его по плечу, а рассердившись, швырять на пол тарелку — хотя и не сервизную, простенькую.

Мама по натуре была очень общительной, Коля, напротив, домоседом: он любил сидеть вечерами в кресле-качалке перед телевизором, но на экран не глядел. Когда мама его будила, он улыбался смущенно, но Володя замечал не раз, что под улыбкой его — скрытое недовольство.

Когда мама вышла за Колю замуж, она перестала носить каблуки, но часто, глядя на мужа, как бы удивленно восклицала: «Смотри-ка, а Володька выше тебя на полторы головы».

Володин папа был необычайно высокий, заразительно веселый и общительный, как мама. Но вот ведь ничего-то у них не получилось... Володе, когда они расстались, исполнилось четыре года.

Зато с Колей мама жила счастливо. Когда Володя отправлялся к бабушке со стороны папы, мама, с ревнивой требовательностью глядя ему в глаза, говорила: «Что бы там тебе ни плели, имей в виду — я счастлива, счастлива! У нас прекрасная семья. Коля — настоящий человек. Так что пусть там не беспокоятся».

Бабушка вкусно готовила, а уж приехал внук — все на стол. Он ел и старался не замечать пристального ее, сочувствующего взгляда. Неужели непонятно, что у него сейчас период интенсивного роста: поэтому и ест с такой жадностью, а вовсе не оттого, что мама впроголодь его держит, что, мол, ей недосуг.

Уж что-то, а мама прекрасная хозяйка. Но с рождением Антошки ей приходится тяжело: на будущий год пойдет мальчик в сад, тогда легче будет, а пока мама как белка крутится, хотя в школе ей оставили только семь часов в неделю.

— А почему ты вчера вечером не смог прийти? — всякий раз, на тот или иной лад, спрашивала бабушка.

Володя, понимая прекрасно, что вопрос задан неспроста, отвечал сдержанно:

— Вчера я оставался с Антошкой.

— Скоро совсем в няньки заделаешься. А учиться когда?

— У меня пока что одна тройка — по физике. А мама в кои-то веки из дома выбралась...

— А на прошлой неделе?

Он выходил с Антошкой гулять. Братишка еще не научился говорить, а Володя не ощущал в разговоре никакой потребности. Они шли, держась за руки, молча, и молчание их было серьезным, наполненным, без какого-либо следа скуки или неловкости, как это случается у взрослых.

Володя не делал вид, что с братишкой он на равных: ему действительно нравилось лепить снежную бабу, нравилось бросать крошки хлеба воробьям — он целиком на этом сосредоточивался, и ничто его не отвлекало.

По бульвару шли двое: ясельный возраст одного угадывался сразу, другой, в меховой шапке, в пальто, перебитом из тулупа, мог показаться уже взрослым — мог показаться даже молодым отцом. Володя забавлялся такими мыслями. Но тут же отвлекался от них, потому что Антошка норовил ступить в лужу, а в валенках без галош простуда была бы ему обеспечена. Володя сурово отчитывал младшего брата: ведь он нес за него ответственность. Ответственность, пожалуй, это теперь было для него наиболее ясное чувство.

Но можно ли сказать, что, именно осознав ответственность, он почувствовал себя взрослее? Ну, не совсем...

Никогда раньше Володя не цеплялся так за сыновние свои обязанности: безропотно отправлялся в магазин за продуктами, или в химчистку, или в прачечную. Он выказывал невиданное послушание, и взрослые дивились на него. «Как же тебе повезло! — восклицали подруги мамы. — Ведь обычно в их возрасте ничего не допросишься. А тут...» Мама гордо, но в то же время с заметным недоумением отвечала: «Вот, говорят, воспитание, воспитание... Пожалуй, никто не воспитывал — сам вырос, можно сказать...»

А Володя в булочной, в прачечной просто чувствовал себя куда уверенней, безопасней, чем в родном доме, где не спрячешься, где повсюду звенел высокий голос мамы.

Однажды он услышал ее разговор с подругой. Та сказала: «Пойми наконец, это главная твоя ценность — дети. И может быть, единственная». — «Единственная?» — переспросила мама. И по тону ее легко было догадаться, что она не готова, не хочет поверить: мол, только дети, и все.

Володя носил сорок третий размер обуви, тогда как муж мамы Коля — тридцать девятый. Когда они шли всей семьей по улице, Володя был самым большим и будто бы самым главным. Он усмехался этой мысли про себя. А мама все время путалась: то обращалась с

вообще ощущение — любишь, но как бы слабее от этой любви. Все про каждого понимаешь, а вместе выходит, будто разламывает тебя на куски. Все вместе родные, и все по отдельности. И ты один...

Самая любимая, наверно, — конечно! — мама. У нее глаза всегда либо удивленно-испуганные, либо радостно-удивленные. И она все говорит, говорит... Потом вдруг: «А ты чего молчишь, Володька?» Улыбнешься — что отвечать-то? А она подозрительно: «Трудно с тобой. Все что-то скрываешь».

А что скрывать-то? Придешь из школы, ботинки снимешь, поставишь в передней под вешалкой, ровненько, пятка к пятке, носок к носку, войдешь в комнату, взглянешь — все ясно. У них лица такие, все написано. Уйдешь к себе, дверь прикроешь. Но ведь мамин голос...

— Он две ночи не ночевал! — кричит она в телефон подруге. — Подробней? Подробней не могу, дети рядом. Думает, если на мне два пацана, так я куда не денусь. Посмотрим! Да господа, все такие... Нет, это только при личной встрече. Сейчас не могу. Но ты понимаешь... Если бы не дети, я бы ему показала! Но ведь я прежде всего мать...

Володя подходит к братишке и заводит волчок: его гудение все же как-то заглушает мамин голос. Братишка смеется. Володя еще раз с силой выжимает красную металлическую ручку, вниз-вверх, вниз-вверх... Поднимает голову — мама стоит рядом.

— А если в кафе-мороженое нам смотаться, а? Что-то ужасно захотелось...

Володя — кому-то же надо проявить рассудительность — спрашивает:

— А Антошке можно?

— А мы ему сок дадим. Сок можно.

В кафе холодно, они сидят за столиком в пальто. Антошка тарачится во все стороны. Володя ковыряет ложечкой пломбир.

— Ну вот, — произносит с раздражением мама. — В кои-то веки хочешь устроить праздник, так куда там! Ни тебе поддержки, ни благодарности. Прекрасное было настроение, так испортили вконец!

Володя недоуменно поднимает глаза — хорошее настроение? Когда? Когда она по телефону говорила?

Он облизывает ложечку. Он занят одним — изо всех сил старается отвлечься от мысли, которая так и лезет в голову: мама лжет. Настроение ей никто не портит. Ей не праздник был нужен, а нужно было только чем-нибудь заняться, спастись от своих обид.

Володя улыбается: ему стыдно за маму. А мама, неожиданно расчувствовавшись, почти слезно, сжи-

мая его руки в своих, говорит: «Какой же ты у меня хороший. Милый, добрый мой сын...»

Володя, сгорая от неловкости, продолжает улыбаться. Ему кажется, что его губы прилипли к деснам.

Мама вздыхает: «Бедные вы мои... Детишки. Вот только вы у меня и есть».

Расплачивается с официанткой, встает, идет между столиками, скашивает глаза в зеркало, подходит ближе и озабоченно пудрит нос.

...Учится Володя, в общем, прилично. И ему очень приятно, что на родительские собрания в школу приходит папа. Папа подъезжает к школе на служебной машине. Володе очень хочется, чтобы этот факт был замечен кем-нибудь из учителей либо ребятами из класса, которые в школьном дворе гоняют мяч. Володя гордится папой, его положением.

Почему-то так получилось, что, когда они с мамой разошлись, папа и пошел в гору. Коля, мамин муж, к успехам папы относится спокойно. Мама — нет. Она уверяет, что дело не в папиных способностях, а в связях. Коля обрывает ее: «Перестань. Работящий мужик. И — везучий». Тогда мама обращает внимание уже на Колино положение, отнюдь не самое блестящее. Он отвечает ей в тон: «Да просто связи не те...»

Володе нравится идти по школьным коридорам рядом с папой. Тогда все преобразуется: привычное, будничное, надоевшее кажется праздничным. Весело, гулко, веско разносятся по опустевшему зданию школы их шаги: родительские собрания проходят после уроков. Папа — Володина классная беседует с ним отдельно — очень серьезно, с вниманием расспрашивает об успеваемости сына. Володя ждет в стороне. Ему не надо вслушиваться, он все читает по лицам. Выражения лиц очень откровенны: считается, что это дети не умеют притворяться; взрослые, может, и умеют, но то ли забывают, то ли думают, что им дозволено все.

Папа и классная смеются. Володя без труда угадывает, что этот их смех уже к нему не имеет отношения. Это — ничего. Тут ничего нет особенного. Просто в

Рисунок Марины ПИНКИСЕВИЧ

ВАЛЕНТИНА КЛАССНИКА РЯБИНИКИНА

обычаях взрослых вдруг отвлекаться от важного, нужного на пустяки. Володя ждет. Папа оборачивается, в выражении его глаз мелькает что-то виноватое — Володя замечает, но не позволяет себе на этом сосредоточиться.

Наконец разговор исчерпан, папа подходит, кладет на плечо сына руку, и Володя сжимает губы, чтобы не заскуливать восторженно, по-щенячьи, согреваясь до самого сердца теплом этой руки.

Они одеваются и едут домой к папе. Папа принимает сына по-холостачки, потому что жена его, Валентина, как обычно, в командировке. Но папа уже, видно, привык обходиться один. Володе смешно наблюдать, как он хозяйничает, обвязавшись пестрым, в оборочку, фартуком. Валентина с висящей на стене, увеличенной в размер плаката фотографии строго следит за ним.

Валентина умная, самостоятельная, доктор наук. К Володе она хорошо относится, но он рад бы, да не может не заметить, что улыбается она ему часто через силу. Мама так определила ситуацию: «Когда у женщины нет детей, существование ее не может быть полноценно!» Володя, правда, догадывается: ну не совсем так...

Валентина очень любит папу. Так любит, что старается сдерживаться, старается поглубже укрыть свою любовь. Ей это удается, и посторонние видят в ней одну строгость, одну властность и говорят, что папа у нее под каблуком. А она любит в папе не только то, что в нем сейчас есть, но и то, что может появиться, что когда-нибудь раскроется. Она вообще из тех, кто все старается довести до высокого уровня — упрямо, увлеченно, пусть даже на это уйдет жизнь. Она, верно, хотела бы и Володю до уровня довести, но только прав у нее тут нет, нет возможности — и она не то, что злится, она сама себе не нравится за то, что по отношению к нему бессильна, беспомощна.

Кое-какие попытки она, правда, делала. В консерваторию Володю с собой брала на концерты, а там вроде никакого на него внимания не обращала, но когда он переставал слушать и начинал разглядывать портреты великих композиторов, люстру, потолок, вдруг чувствовал на себе ее взгляд, очень строгий, осуждающий.

«Наверно, — размышлял Володя, — Валентина была бы хорошей мамой...» Но дальше запрещал себе думать.

...Стыдно признаться, но в последнее время Володя почему-то начал ужасно уставать, буквально с ног к концу дня валиться. И даже не физически. Голова

гудит, мысли, как лягушки из пруда, выскакивают, и он боится, что чересчур далеко они запрыгнут — не поймать уже никогда...

Они сидели с папой на кухне. Володя с силой, до боли притиснул к краю стола колени, вцепился взглядом в папино лицо, изо всей мочи изображая внимание — только бы папа не догадался, что он понимает больше, чем ему следует понимать.

Папа задавал вопросы, но что отвечал Володя, не очень слушал, потому что в самих его вопросах уже был ответ.

— Как Коля, когда собирается защищаться? — И без паузы: — В их-то институте работенка не бей лежачего, только и дел, что свой личный уровень повышать, уж академиком стать можно было... Хороший парень, бездельник только. Да и хороший парень не профессия.

Володя слушал. Папа заваривал чай. Володя следил за ним во все глаза, чтобы только не думать.

— Ну, конечно, время свободное есть. В кино можно сходить, в гости: общение, общение — как без него жить?! А кто в первую очередь о своей работе думает, тот згоист. В раю зато хорошо было: там Адам и Ева всегда вместе... Только Еве тряпок модных не нужно было, и Адаму никаких забот... Да, кстати, мама говорила, шапка тебе зимняя нужна. Померь мою, чтобы я размер знал...

Володя вышел в прихожую, надел шапку и вернулся к папе, не взглянув в зеркало.

Конечно, это его, Володин папа, но почему-то в папиной шапке ему нехорошо, будто чужое он взял и будто все время он просит что-то, просит... Он знает, папе нравится делать подарки, но что-то Володе мешает их принимать. Он старается не вникать в причины, но новую, подаренную папой курточку не любит надевать. Курточка красивая, нарядная — а вот Коля и зимой, и весной, и осенью шестой год носит одно пальто.

Папа Володю никогда не ругает, они ведь вообще редко видятся. Папа — это воскресенья, и для него Володя — тоже воскресенья. А будни — это Коля.

Коля в Володино воспитание не вмешивается. И Володя в их отношения с мамой тоже, конечно, не лезет. Но, бывает, только обмениваются они взглядом, Володя с Колей, и оба все поняли, и как-то хорошо...

Странно, но вот с ним Володя радуется своей догадливости. Потому что, наверно, то, что он без слов понимает, ясно, просто, без подвохов каких бы то ни было. Коля как бы поддерживает его взглядом: мол, что тут такого, гляди...

А другие взрослые точно нечаянно проговаривают-

ся и будто хотят заслонить от него что-то темное, мутное — и вдруг отступают, и он это видит, и страшно, потому что нельзя же было смотреть...

Папа спрашивает: «А на кого похож Антошка?» Володя хочет ответить: «На меня» — но словатывается, понимая, что папе будет это неприятно. Не умом понимает, а как бы кожей чувствует. Взрослые очень ревнивы. Иной раз трудно предугадать, что вызовет их ревность.

«Взрослые большие, чем мы, дети», — сказал однажды Володя маме, и мама расхохоталась. Сказал потому, что для него это было открытие, и оно его переполняло. Много ввел Володя в эту фразу: недоумение перед странностью поступков взрослых, и свою к ним жалость, и страх перед неожиданностями, которые в любой момент они могут ему преподнести, зависимость от них и их собственную зависимость, неумение разобраться в том, что даже дети видят ясным, простым.

Когда он произнес эту фразу, ему было четырнадцать. В шестнадцать он уже не мог бы сказать «мы дети». Но и «мы взрослые» — тоже не мог. И страшно делалось оттого, что, казалось, еще год пройдет, и он только больше запутается. Получалось, будто его тащат вперед, как на аркане, а он изо всех сил упирается, пятится назад.

...Учреждение, где работала Валентина, находилось в центре города. Небольшой особняк, со всех сторон заставленный автомобилями. Тяжелая парадная дверь с трудом открывалась и выпускала людей как бы порциями. Володя глядел на эту дверь, ждал.

Валентина вышла одна. Руки засунуты в карманы пальто, воротник поднят, выражение лица хмурое. Погода паршивая, она устала — улыбаться с чего? Он подошел. Она сказала: «Привет». И зашагала рядом. «Тут на троллейбусе три остановки — может, пешком?» — Он кивнул. Тогда она улыбнулась.

Она была старше мамы, ей было уже сорок два. Шла с непокрытой головой, волосы вскоре намокли от дождя и слиплись. Нос заострился и покраснел.

Она молчала. Но Володе было с нею интересно, даже вот так молча идти. Странно.

Он вдруг почувствовал, как будет хорошо, когда он поймет эту странность, эту сложность взрослого мира, где некрасивые, немолодые женщины оказываются вдруг интересны, и так вдруг легко, приятно бывает молчать, и самая паршивая погода оказывается неожиданно самой подходящей...

А пока они идут с Валентиной по пути длиною в три троллейбусные остановки. И Володе покойно на душе.

ПРЕДАТЕЛЬ

РАССКАЗ

Он был маленьким пушистым комком. Он не знал, да и не мог знать, что зовут его Дэном, что он является представителем породы немецких овчарок и имеет длинную родословную. Дэн знал только теплый бок матери и приторный вкус молока. Но вдруг все перевернулось в его жизни. Он остался один — без сестер и братьев. Дэн плакал и скулил в неуютной коробке всю ночь, но чьи-то большие сильные руки гладили его, и он успокаивался.

Скоро сознание его прояснилось. Он узнал свое имя, понял, что владелец больших сильных рук — его хозяин. И он преданно полюбил хозяина.

Шли месяцы. Дэн превратился в рослого толстолапного подростка. Однажды хозяин повел его куда-то очень далеко. Услышав разноголосый лай, Дэн заволновался. То, что он увидел, ошеломило его. Вокруг было множество собак. Он еле увернулся от оскаленной морды большой овчарки. Дэна обступили люди, они что-то говорили о нем, щупали грудь, смотрели зубы. Потом началось первое занятие.

Прошло немало времени, прежде чем Дэн понял, чего от него хотят. Он любил тренировки. Любил, когда после них ноют уставшие мышцы и подводит от легкого голода живот. Длинные мускулистые ноги, густая серая шерсть, острые уши и яркие глаза — Дэн стал красивым псом.

Дэн был счастлив: он любил своего друга-хозяина и ради него был готов на все.

Это воскресенье началось, как обычно. Дэн радовался: сегодня тренировка. Но с хозяином творилось что-то неладное. Дэн заметил, как дрожали его

руки, запиравшие дверь. Голос его был тревожен. Но Дэн верил хозяину — он ласково ткнулся в ладонь мокрым носом.

Когда они подошли к незнакомой площадке, Дэна буквально оглушил лай. Нет, это был не тот лай, который он привык слышать на тренировках. Это была отчаянная тоскливая моляба. Почуввав недоброе, дрогнуло сердце Дэна. Он взглянул в лицо хозяина и не увидел его глаз.

На площадке — множество овчарок. Среди незнакомых собак Дэн узнал подругу по тренировкам — Вегу. Дэн дружески ткнул ее носом, но вдруг понял, что ей не до него. Вега дрожала, ее взгляд, полный тоски, был устремлен куда-то мимо него.

Дэн смотрел на метавшихся и скуливших собак. Ему стало страшно. Он почувал беду. Тихое рычание заклокотало в горле, шерсть встопорчилась на загривке. Хозяин вел его мимо собак. Дэн снова оказался около Веги. Хозяин сказал «ждать» и исчез в толпе людей. Теперь, когда Дэн был привязан, смутное подозрение закралось в его душу. Но хозяин сказал «ждать» — значит, он вернется и заберет его! Дэн оглянулся на других собак. Крупный черно-рыжий кобель яростно и откровенно лаял. Другая овчарка лежала, не двигаясь. Дэн видел ее темные, полные ужаса глаза. Дэн взглянул на людей. Они привели своих собак для того, чтобы продать их. За выученную овчарку платят много. Но ни Дэн, ни остальные собаки не знали этого. Они просто чували беду. А люди чего-то ждали.

За забором остановилась машина. На площадке один за другим появились люди в одинаковой одежде. От них неприятно пахло кожей и железом.

Дэн видел, как они подошли к первой собаке. Они надели на нее ошейник и намордник. Дэн понял, что сейчас подойдут и к нему. Он рванулся на поводке и заскулил. «Цыц, ты!» — голос хозяина был сух и равнодушен. Дэн замолк. Злобные огоньки заиграли в его глазах. Потом он увидел, что на Вегу уже надет чужой ошейник. В огромном неуклюжем наморднике Вега показалась ему маленькой и жалкой.

Дэн вдруг ослабел. Земля уходила из-под лап. Только сердце бешено колотилось в груди. Сквозь затуманившиеся глаза он смотрел на хозяина. Дэн не замечал, как на него надевают колючий ошейник. Дэн все еще верил хозяину, и когда тот ответил высокому человеку в форме: «Да, кобель, полтора года, Дэн», — он завил хвостом. Главный человек сказал: «Можете идти домой!» «Домой, домой!» — понял Дэн и радостно заскулил: лаять не давал намордник.

Острые колючки ошейника мертвой хваткой стиснули горло. Рука хозяина коснулась его головы: «Прощай, Дэн, домой — фу!» Дэн понял, что значит — «Домой — фу!», он понял, что у него нет больше хозяина...

Собаки рвались с поводков, лаяли и выли. Люди, как-то сжавшись, не глядя друг другу в глаза, уходили.

Дэн стоял, вытянувшись в струнку и наострив уши. Лапы мелко дрожали. Он молчал. Взгляды человека и собаки встретились. Человеческий не выдержал первым. Глаза хозяина жалко заморгали и опустились.

Люди уходили. Вега завывала, протяжно и тонко. Разномастные овчарки лаяли и метались, только большой серый пес стоял молча. Темные глаза его были сухи, в них незаметно гасла любовь и уже затаивалась тоска и ненависть.

Потом их долго везли в темном, обитом железом кузове. Кругом выли, лаяли и скреблись его товарищи по несчастью. Дэн лежал, безучастный ко всему. Машина иногда останавливалась, входили люди и уводили по несколько собак. И машина шла дальше. Дэн лежал на холодном полу и все еще не мог поверить в происходящее. Он не мог поверить и понять, почему его любимый прекрасный хозяин предал его. Любовь и ненависть к нему клокотали в Дэне одновременно.

...Отстегнув поводок, Дэна подтолкнули к клетке. Она была вонючая и тесная. Дэн тоскливо смотрел на клетчатое голубое небо. Случайно в соседнюю клетку поместили Вегу. Она узнала Дэна и, жалобно заскулив, просунула нос сквозь решетку. Собаки хорошо понимали друг друга.

Стемнело. Дэн даже не взглянул на принесенную еду, он неподвижно лежал в углу.

Ночью с отчаянием и тоской выли новички, яростным лаем отвечали на их вой собаки-старожилы. Вега тонко подвывала и повизгивала, а Дэн молчал. Иногда он впадал в дремоту, и ему снилось его теплое и родное место, хозяин... Но видение исчезало, и он снова ощущал чужие стены и холодный пол. Не проходила тоска по хозяину, по его голосу и ласковым рукам.

Утром пришел приземистый, пахнущий собаками человек. Он ткнул себя в грудь и сказал: «Дэн, я твой хозяин. Хо-зя-ин!» Дэн отвернулся. Он смотрел, как Вегу выводят из клетки. Ему стало горько-прегорько: в это время он провожал хозяина на работу и мог заниматься своими делами — грызть кость, например.

Во время прогулки его спустили с поводка. Но бегать ему не захотелось, и он понуро, медленным шагом, как бы нехотя обошел дворик. Потом началась тренировка. Она была куда сложнее, чем раньше, но Дэн привык выполнять команды, привык напрягать все свои собачьи силы.

Вега не слушалась нового хозяина. Она нервничала и скулила. И тут ее ударили. Вега в ярости бросилась на обидчика, но была сбита с ног метким

Рисунок Александра ГАНЕЛИНА

СТВО

и сильным ударом. Она смирилась. Шерсть на загривке Дэна поднялась — в руке его нового хозяина тоже был хлыст. Но человек им не воспользовался.

Вечером, в клетке, Дэн забеспокоился. Сам не зная почему, он был уверен, что там, за деревянной стеной клетки, — свобода. Земляной пол был хорошо утоптан и тверд, как камень. Но сильные лапы Дэна пробили жесткую поверхность.

Светлело. От непрестанной работы лапы онемели. Из когтей сочилась кровь, но Дэн почувал свободу! Весь обсыпанный землей, он продвигался все дальше и дальше. Он слышал, как беспокойно мечется Вега, но теперь уже ничто не могло остановить его.

Когда он вылез, от слабости тряслись лапы, язык вывалился из открытой пасти, но Дэн нашел в себе силы и затрусил: сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее. Вдогонку ему раздавался тоскливый вой Веги.

По широким многолюдным улицам города бежала красивая серая собака. Люди смотрели на нее с изумлением и беспокойством.

Дэн впервые был в этих местах. Но могучий инстинкт указывал ему дорогу. Дэн устал. Два дня голода давали о себе знать. Живот изрядно подвело, длинная шерсть свалилась. Но в глазах теплилась надежда. Дэн прощал хозяина, он шел к нему, чтобы снова любить его, верно и преданно.

Выбившись из сил и потеряв потому дорогу, Дэн заночевал в небольшой яме, лежа бок о бок с крупной рыжей дворнягой. Раньше он — аристократ собачьего племени — и близко не подпустил бы к себе бродячего пса. Но теперь Дэн хорошо знал, что такое одиночество, тоска, неприкаянность...

Утром, при свете солнца, Дэн узнал местность и уже уверенно побежал к своему дому. Слова хозяина «домой — фу!» исчезли из его памяти. Радость и волнение охватили его, когда он ступил на порог своего подъезда. Дэн бросился вверх по лестнице. Вот она, родная дверь! От волнения ослабли лапы. Дэн смотрел на знакомую до мелочей дверь, и восторг светился в его глазах. Он простил хозяину все.

Дэн зацарапался в дверь — громко и требовательно. Ведь он был уверен, что нужен своему другу! Сердце стучало так сильно, что отдавало в висках.

Заскрипела дверь, и Дэн очутился в своей квартире. Перед ним стоял хозяин. Лапы Дэна уже готовы были опуститься ему на плечи, но вдруг... Вдруг Дэн увидел другую собаку. Пушистый черномазый месячный овчаренок доверчиво смотрел на него глазами.

Друг стал врагом. Дэн попятился назад. Хозяин, очнувшись от неожиданности, заговорил: «Это ты, Дэн?! Ты пришел?! Дэн, иди ко мне, ко мне!» Дэн уловил в его голосе фальшь.

Человек и собака смотрели друг другу в глаза. Собака поняла, что больше не нужна человеку. Но она не поняла, что человеку нужны деньги за каждую выученную собаку, а не преданность и любовь. Деньги были дороже Любви.

Смятение и злоба охватили Дэна. Он увернулся от протянутой руки — скорее, скорее подальше отсюда! Он слышал, как за ним тяжело бежит хозяин. Но теперь ему не догнать Дэна. На улице Дэн остановился. Мелкими шажками к нему подходил хозяин. Сейчас его рука коснется загривка. Дэн оскалил клыки и зарычал. Он рычал, а в глазах не было злобы. Была только бесконечная тоска...

И Дэн пошел медленно, опустив голову. Веры и Любви больше не было.

Через год на площадке клуба служебного собаководства с ужасом и тоской смотрела на уходящего хозяина красивая черная овчарка...

НОВОЕ ИМЯ

Александр
АРХАНГЕЛЬСКИЙ

Саше Архангельскому только шестнадцать лет. Поэтому слишком хвалить его рано. Как говорится, время покажет, каким он станет впоследствии и человеком и поэтом. Но, во всяком случае, много искренности в строчках, написанных Сашей сейчас.

Зеленые листья деревьев —
Как чистые листья бумаги,
И дождь набросал на них капли,
Как лучшие мысли свои.

Верится, что здесь сказался не только возраст, соответствующий поэзии, но и сама поэзия.

Когда юные поэты пишут претенциозно, кажется, что у них нет молодости, что это не юноши и девушки, а напыщенные старички. К счастью, Саша пишет без претензий, просто, и этим уславливается впечатление свежести, исходящее от его стихов.

В будущем его лирика, должно быть, формально усложнится, приемы станут богаче, но это хорошо, когда сложность вырастает из простоты. А останется ли Саша лириком или сделается философом — опять-таки покажет время.

А мы пожелаем Саше Архангельскому всякой радости и удачи.

Новелла МАТВЕЕВА

После дождя

Деревья свежи и красивы
В оправе из брызжущей влаги,
Упряталось солнце за тучей,
Но туча исчезнет вдали.

Зеленые листья деревьев —
Как чистые листья бумаги,
И дождь набросал на них капли,
Как лучшие мысли свои.

Поездка

Далекий лес походит на забор,
И головы домов видны из-за него.
Он приближается, как тихий разговор,
Где только издали не слышно ничего.

За нами мчится сизый дымный хвост,
Косматый лес торчит по сторонам,
Становится виднее Сетунь нам,
И мы уже переезжаем мост...

Вот речкино зеленое лицо.
Деревья опрокидывают гладь
И вместе сводит множество концов,
Чтобы одно начало отражать.

Одуванчики

Летом ночи синие без края,
Как чисты их краски и густы!
Одуванчики, как заячьих хвосты,
Над травой белеют, отцветая.

Но они какой-то силою живого,
Словно соком, до краев полны,
Не сливаются, как листья, с темнотою,
Даже лучше прежнего видны.

Ветра нет. Не то бы растворились
Эти шарики объемные во мгле,
Словно их полупрозрачной силе
Нужно быть повсюду на земле.

Заоконная буря

От ветра стекла дребезжат,
А за окном полет свистящий,
А за окном шумит ненастье,
Деревья и трава дрожат.

Мне хорошо — я забетонен,
Мне весело — я застеклен.
Моя береза не утонет,
И лишь едва промокнет клен...

Но вот и гром отрохотал —
Устали мышцы у ненастья.
Дождь до краев был полон счастья
И до конца его раздал.

Первый снег

Носится по улице
Свет, свет.
В пятнах света кружится
Снег, снег.

Он сыплется осколками,
Он — как стеклянный смех,
Как серебро с иголками —
Снег, снег.

Вот фонарь сутулится —
Желтое пятно
Распылится по улице,
Растеклось оно.

Мягко и уверенно
Освещая даль...
Того, что не утеряно, —
Никогда не жаль.

И сейчас по улице,
Задевая всех,
Кружится, кружится
Снег, снег.

Законы дня к ночи неприменимы.
Листья белеет в свете фонарей.
И все безмерно и необозримо,
Распахнуто, как створки у дверей.

Ну как понять, откуда появилась
Безмерная такая тишина?
Как будто на ходу остановилась
И слушает сама себя она.

И эта ночь до самого рассвета!
Она травой летней шелестит.
Младенчески посыпывает лето,
Уставший за день, воздух стоя спит.

А небо, распростертое над нами
Там, где звезда далекая горит,
Уложено в моей оконной раме
И все-таки, бескрайнее, парит!

Гармония

Дорога возле остановки
Блестит, накатанная в лед.
Автобус, жаркий и неловкий,
Буксует, как копытом бьет...

И кружит снег, а не идет!
И день от светлой непогоды
Освобождения не ждет,
Ведь снежный лет
И есть свобода.

Если в нем совсем разочаруюсь, это будет трагедия всей моей жизни.

У нас его зовут по-разному. Михал Михальч—это мы и при нем. Михальч—другие тренеры. А мы между собой—Михих и «Эм в квадрате». Он на самом деле почти квадратный, ему уже много лет, почти сорок, а он до сих пор рондат-фляк-бланш делает и угол так держит—просто прикол.

В детстве, когда я только пришла в спортшколу, я на него смотрела, как не знаю на кого—как на волшебника. Он спросит что-нибудь, а я сигну, хрипну, слова сказать не могу. Он потом смеется: «Я целый год не знал, какой у тебя голос». Мама спрашивала: «Кто тебе ближе, учителя или тренер?»—и я говорила, что, конечно, тренер, и прямо молилась, чтобы она не спросила, кто дороже—они с папой или тренер, потому что, если не врать, я тогда могла ответить: «Тренер».

Он сильный, ловкий, когда он страхует, ничего не боишься, я бы, наверное, двойное сальто с ходу могла тогда

Михиху, что у него есть личная жизнь, и у меня есть, я же в его дела не мешаюсь. Что опоздала, я виновата, а остальное ни при чем. Серый—парень воспитанный, он сразу отошел. А Михих как закричит на весь лагерь: «Я запрещаю, я не позволю, ты мне сперва мастера выполни, а потом хоть с кем целуйся!»

Мне стало даже не обидно. Стало даже удивительно, что мой тренер, почти родной человек, такой, оказывается, не родной, что меня совсем—ни капли!—не понимает. И от этого была нестерпимая боль. Я полчасика редела. Пошла тренироваться—никак не могла сделать наскок: бревна не видела из-за слез.

Назавтра Михих со мной объяснился. Сказал, что в моем возрасте все силы должны быть направлены на достижение одной цели, а остальное—обок, пусть я на него смотрю: если он чего и добился, все-таки заслуженный мастер спорта, заслуженный тренер республики, то потому, что в моем возрасте ничего, кроме гимнастики, не видел, был стопроцентный фанат. Он говорил, что и сейчас для него дом, жена и дети не так важны, как мы, он все с нами и с нами, жизнь этому отдает.

Я молчала и думала, что ничего-то особенного он в жизни не добился—подумаешь, тренер спортшколы, каких тысячи, и разве надо во имя этого все на

рейтеровский мостик—какой есть, с тем и хороша будешь!»

Мама говорит, что у меня отвратительная привычка всех переговаривать, чтобы последнее слово обязательно было за мной. Это правда, я с этим борюсь, но у меня переломный возраст, надо понимать. Я Михиху сказала: «На других вы не обзываетесь», а он: «Я в других так, как в тебя, не верил, а сейчас мне в тебя верить невозможно—уйди с глаз моих вон из зала». Я сказала: «Ну, и пожалуйста»—и ушла.

Чего он добился? Тренировка пропала, а через месяц первенство города. И в зал мне после этой истории больше не хочется.

А если не хочется, у меня все хуже получается, я никак не могу себя перестроить.

Нет, если я в нем совсем разочаруюсь, тогда гимнастика мне не нужна.

Итак, Михаил Михайлович совершил несколько педагогических и просто человеческих ошибок. Может, он сам не заметил их, счел мелочами, как мы с вами иногда, когда нам кажется, что наши дети еще маленькие, что они не понимают, а они все-то понимают, и в них исподволь копится нечто, от чего они душой отдаляются от нас.

Удивительная профессия—тренер. Мы порой говорим: учитель спорта, говорим: спортивный педагог. Но сравнение

точно, ножиком, врезалось в бассейн тело ученицы, Петрухина потеряла сознание.

В этом двустороннем контакте—благо, боль, опасность профессии.

Благо—потому что взрослый получает от маленького, от новичка уважение и любовь сразу, авансом. Тренер в его глазах—живое воплощение вида спорта, избранного учеником. Он силен, смел, красив, он и тебя может научить быть сильным, смелым и красивым.

Боль—потому что тренер испытывает все (скажем так) стрессовые ощущения многократно: за себя и за каждого из своих спортсменов. Волнение, боязнь опасности, страх поражения. Но между ним и его питомцем словно протянуты две проволоки: одна—прямой связи, другая—обратной. Их внутренний контакт, честное слово, уже что-то из области парасихологии и телепатии. Ученик на расстоянии чувствует, если учитель дрогнул и пал духом. Поэтому тренер обязан заглушать, подавлять в себе естественные отрицательные эмоции, «транслировать» одну лишь силу, волю, уверенность.

Опасность—потому что столь тесная душевная связь может все недостатки, слабости, червоточки, имеющиеся в учителе, передавать ученику. Власть тренера только временами мала, постоянно же—огромна.

Он может объяснить, как прыгнуть,

НАБЛЮДЕНИЯ И РАЗМЫШЛЕНИЯ
КАНДИДАТА В МАСТЕРА СПОРТА ТАНИ С.,
ЧЕТЫРНАДЦАТИ ЛЕТ,
ПРОКОММЕНТИРОВАННЫЕ АВТОРОМ.

“КАКИЕ ОНИ ДЕТИ— ИМ ПО ЧЕТЫРНАДЦАТЬ УЖЕ!”

скрутить, если бы он захотел. Но он говорил: «Танек, не будем торопиться, всему свой срок, фрукты-овощи должны поспеть». Это у него присловье—«фрукты-овощи», он нас так называет, когда у него веселое настроение: «Ну что, фрукты-овощи, все собралось? В одну шеренгу стройся!»

Он с нами запросто, не как некоторые учителя, которые хоть тебя на «вы» называют, все равно подчеркивают, что они выше. А он—рядом.

Потом он выступал с Титовым, Шахлиным, Столбовым. Шахлин даже был один раз у нас в школе, а перед этим мы зубрили его имя-отчество, довольно-таки трудное—Борис Анфимович.

Вот такой у нас Михих, а потом произошло несколько случаев, от которых я начала меньше его любить и уважать.

Во-первых, в спортлагере я стала дружить с одним мальчиком из нашего волейбольного отделения, он меня на год старше, его зовут Сережа, а ребята—Серый, Серенький, он у них в команде распасовщик, и все его уважают, тем более это редкий в любой команде человек—разводный, их не так много, классных. Серый говорит: «Нужен особый склад ума». Он вообще очень начитанный. Мы с ним когда гуляем—перед отбегом, а иногда, честно скажу, и после,—он мне «Философские повести» французского писателя Вольтера почти наизусть рассказывает.

И вот однажды я опоздала на вечернюю тренировку—буквально на пять минут. Мы идем с Серым, уже к площадке подходим, а тут Михих высккивает. И прямо при Сереже мне кричит, что я соплюшка, от горшка два вершка, а кавалера себе завела, ну, и всякое такое.

«Эм в квадрате» вообще тактичный, а тут что-то на него нашло, может быть, с кем-нибудь поспорил, а на мне зло сорвал, но мне от этого было не легче. Я так покраснела, даже голова закружилась. Я подошла поближе и сказала

свете забывать—и дружбу и, например, любовь? Вслух не говорила, но думала, а он, как почти всегда, буквально читал мои мысли. Он сказал: «Нет фанатизма у тебя, вот горе мое, таланта навалом, а фанатизма нет».

Я все время теперь думаю, есть у меня фанатизм или нет, и что это такое—фанатизм? Я иду по улице, вижу, как ветер колышет, вздымает ветки деревьев, и думаю, что так должны вздыматься руки в вольных. Это уже фанатизм или еще нет?

А иногда мне не хочется совсем никакой гимнастики, вообще не хочется в зал.

Так было, например, после того, как Михих пришел пьяный.

Это уже в городе, зимой—в феврале. На девчонок такая ржачка напала—полный отпад. Он веселенький пришел и все резинку жевал. Раньше он нам сам не велел жевать на тренировке, говорил, что мы не парнокопытные, и еще: нечего брать пример с разных заморских обалдуев. А тут жевал, наверное, чтобы от него не пахло вином, но все равно пахло, и пускал жвачкой пузыри изо рта, смеялся, как дурак. Девчонки хохотали. Я закричала, чтобы они заткнулись, что с человеком мало ли что может случиться, мы же не знаем, отчего он такой. Мельникова заявила: «Тебе, Татьяна, конечно, как всегда, больше всех надо, ты каждой бочке затычка». Такая тяжесть навалилась—думала, раздавит. Физически ее чувствовала. Все было так, будто он мой отец и над отцом смеются. А мне было стыдно.

Вчера он выгнал меня из зала. Посреди тренировки.

Я «цукахару» никак прыгнуть не могла. Он сперва спокойно объяснял, что у меня толчок слабый, а потом разозлился: «У тебя разбег, как у коровы, так ты сто лет ничего не добьешься». Я сказала: «Мостик не пружинит». Он заорал: «Из-под земли, что ли, достану я тебе

со школьной или вузовской педагогикой крайне условно. Там между старшим и младшим прямая связь, так сказать, по нисходящей. Школьный учитель, вузовский профессор или доцент передает знания ученикам, и уровень их образованности зависит от него. Они заканчивают, уходят дальше в жизнь, а он остается у своей классной доски, на своей кафедре, принимая новое пополнение. Выпусти он в свет сплошь будущих нобелевских лауреатов или сплошь тупиц, на его судьбе это, в общем, не отразится.

В деле же тренерском связь старшего с младшим и прямая и обратная, и по восходящей и по нисходящей. Взаимозависимость. Чем больше дал тренер чемпионов и рекордсменов городу, республике, стране, тем выше, престижней и его судьба. Оклад, звание, зарубежные командировки—все от этого зависит.

Старший властен над младшими в тренировках. Во время соревнований уже они, в сущности, властны над ним. О, это чувство беспомощности, охватывающее тренера, когда ученик остается один, без него, под тысячами взглядов—на миру, как на юру. Его нельзя поддерживать, ему нельзя подсказать. Так хочется проделать все за него, но он моложе и сильнее. Если бы молодость знала, если бы старость могла! И тренер мысленно упрашивает, закликает питомца, чтобы тот сделал все, чему научен, ни о чем не забыл, ничего не утерял в волнении.

Татьяна Максимовна Петрухина, воспитавшая олимпийского чемпиона по прыжкам в воду Владимира Васина, женщина чувствительная и легко возбудимая, говорила мне: «Я прыгаю вместе с ними, с каждым из моих, каждую попытку—внутри них».

Однажды, послав ученицу на вышку проделать первый прыжок, стократ отретированный на батуте и поролоновой яме, зная, что в случае ошибки, удара о воду девушка может никогда в жизни его не сделать, и увидев, как

скажем, на 2 метра 30 сантиметров, хотя сам на это не способен. Он знает, как работает каждая мышца, какие и как укрепить. Он создает логичную цепочку так называемых подводящих упражнений—от простого к сложному, и вот уже юноша взлетает, парит над планкой.

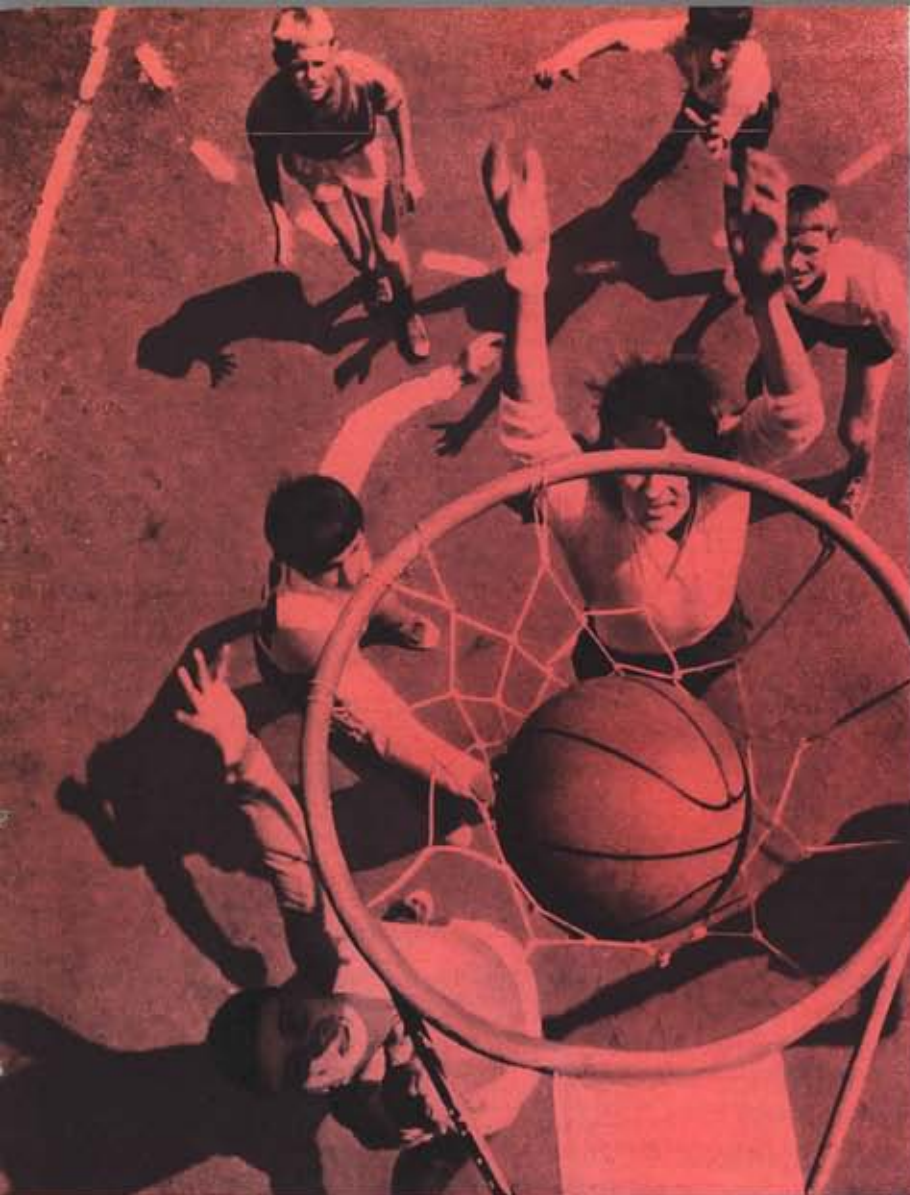
Одного не может тренер. Нет системы физических упражнений, долженствующей вырастить юного человека честным и добрым. Эти свойства настоящего воспитываются только личным примером тренера.

Причина Таниных терзаний в том, что она повзрослела, и Михих шагнул с пьедестала, на который она сама возвела его в детстве. Дети в спорте быстро взрослеют—под бременем серьезных, взрослых задач.

Так на какой же моральной, а не только профессиональной высоте должен находиться тренер, чтобы не стереть прежней детской любви? Каково ему, если, взрослея, ученики видят его насквозь так же точно, как он их?

Владислав Растороцкий, у которого выросла Людмила Турицева, а теперь растет юная «звездочка» Наташа Шапошникова, бывая у меня, непременно всматривается в книжные полки. «Ага, эту я не читал, должен прочесть». «Слава,—говорю я ему по праву старой дружбы,—у тебя и на методическую литературу времени не всегда хватает, зачем тебе еще и стихи?» «Хватает не хватает, а вдруг Наташа эти стихи прочтет и захочет со мной поделиться впечатлением, а я буду торчать—лопух лопухом».

Он мне о Наташе так рассказывал: «Это не Люда, нет, та была послушная, а эта—строптивая девочка. Говорю: «Марш на бревно». Стоит, молчит. Час может простоять. Плюну, уйду из зала. Потом спрашиваю: «Наташа, что это с тобой было?» А она: «Вы мне грубо сказали «марш на бревно», я так не хочу». И я теряюсь, ты понял—теряюсь перед ней. «Наташенька,—я гово-

рю, — другие тренеры другим девочкам так же говорят». А она мне: «Другие некоторые девочки своих тренеров не любят, а я всегда хочу вас любить и уважать». Нет, ты понял? Мне пятый десяток, а я себя переделывать должен».

Тренеры как родители: они не всегда замечают, что ребенок стал взрослым, что он ежечасно судит взрослого. Он требует уважения к себе, он — личность, он не терпит посягательства на то, что для него высоко и дорого.

А они не ангелы, нет, — люди в линялых тренировочных костюмах, заменяющих рабочие спецовки.

У них и настроение может быть дурное, с начальством неприятия, в семье, и все это они обязаны таить от ребят, излучая одну только бодрость.

Им и стакан вина выпить порой хочется. Помню, зашли мы с Растороцким в магазин за бутылкой сухого, и вдруг он, громадина, присел на корточки, спрятавшись — малолетнюю тогда Людю Туричеву заметил.

Игорю Михайловичу Кошкину, тренеру лучших наших пловцов — чемпиона мира Сальникова, рекорсмена Европы Русина, под пятьдесят. Когда он с ними играет в баскетбол или теннис, то буквально костями ложится, чтобы победить. Когда на сборе задает им горный маршрут, то сам, сухонький, тонкокостный, летит вверх впереди своих широкогрудых атлетов, хоть сердце колотится где-то в глотке. Иные считают, что это у него своеобразное самоутверждение. Он же мне сказал: «Если ученики видят, что тренер в состоянии потребовать от себя сверхусилий, то таких же сверхусилий он может потребовать от них в бассейне».

Такая вот профессия.

Вчера у Сережи буквально была драма. Классное комсомольское собрание не дало ему рекомендации в комсомол. Решили пока воздержаться.

Он мне рассказал, что там вылезла

одна девчонка: «Почему ты заявление подаешь?» Он сказал, что в заявлении все написано, почему. «Мало ли что написано, может быть, ты списал, скажи своими словами». Он не захотел. Есть, он мне сказал, такие слова — заветные, их можно только самому себе или в трудную минуту — бойцам на фронте. А тут он не смог.

Там был парень из школьного комитета, он заявил: «У тебя тройки, и вообще физиономия разбита, это неуважение к нам — в таком виде являться на собрание».

Меня до глубины души возмутило, что никто не встал и не сказал, откуда у него синяк и ссадина на подбородке. Серый учится в спецклассе, там все волейболисты, почему же никто не встал и не сказал, откуда ссадина? Сидели — спали...

А он сам постеснялся.

Мне их тренер не нравится, он перед Михаилом здорово блекнет. Михаил редко кричит, он умеет все объяснить, и я изменила о нем свое мнение, когда посмотрела на этого Виктора Николаевича. Этот кричит без умолку: «Давай, давай! Ты бегать умеешь? Я со стулом быстрее тебя до мяча добежу! Давай, давай, че ты делаешь, куда тебя несет?» И вот он вроде старается, пашет, как говорят у нас в спорте, и ребята пашут будь здоров, а на первенстве города все проигрывают.

Позавчера они выиграли. Я была на игре и радовалась за них просто до слез. Как они сражались! Их «забойщик» Жекка лупил мячом, как из пушки стрелял, Витя и Саша ставили блок — железо. Они заводили друг друга: «Попрыгаем, поднатужимся, пас, пас, пасик!» Серый пасовал, как бог.

Он мне перед игрой сказал, что с утра себя настраивал: «Еду в троллейбусе, ничего вокруг не вижу, одно думаю — победить, победить!»

В пятой партии, когда все решалось одним очком, Серый рыбкой летел вытаскивать невозможный мяч и рассадил

подбородок. У него кровь капала на майку, а он с площадки не ушел.

Они выиграли, и вот на том собрании сидела почти вся команда, неужели не хватило принципиальности встать и сказать хоть, откуда синяк? Серый ведь за мячом бросился, как буквально на амбразуру. Он команду спасал, и я думаю, именно таких надо принимать в комсомол. А тройки — подумаешь: их исправить можно.

Лично я бы с Сергеем в разведку, не задумавшись, пошла.

Спецкласс — сравнительно новая форма спортивной работы со школьниками. В основе организации дела лежит простая и рациональная идея — соотнести два расписания: общеобразовательной школы и спортивной, сделать плотнее, компактнее, полнее в конце концов ребячью жизнь. Отсюда появление — сперва в Румынии, Польше, а потом и у нас — классов легкоатлетических, фехтовальных, волейбольных и прочих.

Спецкласс — коллектив особого рода, сплоченный единством цели в большей степени, нежели просто школьный. В обычном классе цель учеников — хорошо учиться, но она в какой-то мере абстрактна, поскольку плоды учебы — поступление на работу или в институт — отдалены по времени: все это будет не завтра, не послезавтра, что иных расхолаживает. Задача же класса — сегодня полноценно тренироваться, чтобы завтра победить.

Тут уж — один за всех и все за одного. Тут на просвет ясно, кто чего стоит, с кем пойдешь, а с кем не пойдешь в разведку. Спортивные перипетии такого класса могут служить отличным материалом для воспитательной работы.

Конкретность и напряженность жизни школьника-спортсмена придает делам комсомольским особую важность, в этом смысле уровень класса не ниже, он не менее серьезен, чем уровень лучших комсомольских организаций сборных команд страны.

К лучшим я причислил бы комсомольскую организацию фигуристов, а ведь тут потруднее, чем во многих других видах спорта. Чисто спортивные критерии субъективны, как нигде, тренерские точки зрения тоже, и столкновения их подчас приводят к обыкновеннейшим, извините, склокам.

И вот задача комсомольского коллектива, который возглавляли такие авторитетные спортсмены, как Сергей Четверухин, Александр Горшков, а сейчас — Андрей Миненков, состояла и состоит в том, чтобы, несмотря ни на какие субъективные привходящие обстоятельства, коллектив сборной оставался коллективом. Помню, какая выходила несколько лет назад у них блестящая юмористическая стенгазета «Дуга», редактировавшаяся Татьяной Войтюк и Еленой Котовой, «Ильфом и Петровым местного значения». Помню вокально-инструментальный ансамбль сборной: Головкин и Волков — гитары, Дрягин — электроорган, Бобрин — ударные, Овчинников — конферанс.

В показательных турне по стране обязательны экскурсии на предприятия, и пылкий Карпоносов в цеху металлургического комбината однажды воскликнул: «Кто считает, что у фигуристов очень трудная жизнь, пусть отстоит смену у печи!»

Сравнительно недавно комсомольская организация фигуристов прошла проверку на зрелость.

Во время турне по Сибири два известных спортсмена вышли на лед в нетрезвом виде, и это вызвало возмущение жителей промышленного города, свист и негодование возлагало с трибун.

Созвали комсомольское собрание. Миненков предложил вынести выговоры, ходатайствовать о лишении спортивных званий и условной дисквалификации. Встала Роднина и, светясь огромными карими глазами на бледном лице, сказала, что раз таким поступком опозорены все, то каждый должен сказать, что он думает, и не подниманием рук

надо голосовать, а персональным опросом. Так и было сделано.

И предложение комсорга прошло единогласно. Но пока турне продолжалось, некоторыми чрезмерно заинтересованными тренерами были заигнорированы различные пружины, чтобы спустить все на тормозах.

Миненкову, Роднину, Шеваловскому пришлось по приезду побороться за мнение команды, и они его отстаивали. Фамилий же провинившихся я не называю лишь потому, что урок оказал на них серьезнейшее воздействие.

Крепкой и веселой рукой держит штурвал комсомольской организации гимнастической сборной Николай Андрианов: «А ну, мужики (или, скажем, девоньки), возьмемся, а ну, поднатужимся, покажем, кто мы есть, чтоб домой не стыдно было возвращаться».

Андрианов являет собой характерный пример лепки иковки личности, воспитания гражданственности в среде Большого Спорта, силами большого тренера.

Был Колька-шпаненок по уличной клечке «Гаврош», безотцовщина и гроза владимирских садов. К нему присматривались кое-какие местные уголовнички: маленький, ловкий, отчаянный — классный будет «форточник».

Случай привел его в гимнастический зал, где было заманчиво светло и чисто, а мускулатура у пацанов — будь-будь. Он боялся только, что тренер спросит про отметки, и тренер спросил. «Шесть двоек», — сказал Колька, скостив ровно треть. Тренер, сутулый, с прищуренным, твердым и темным лицом моряка-полярника или плотогона, хмыкнул и проговорил неожиданное: «Так у нас не пойдет, вот если бы у тебя были все двойки, я бы тебя взял. Надо быть последовательным, друг дорогой, — или учиться, или совсем не учиться».

Парадоксальная педагогика Николая Григорьевича Толкачева, основателя владимирской гимнастической школы, для таких, как Колька, была неотразима.

Однажды вечером, как обычно, наладился по садам. Толкачев услышал и вдруг сказал:

— А можно мне с вами?

— Неуж ползете?

— А чем я вас хуже?

Утром он, правда, сходил к сторожу, спросил: «Если мы это и это дерево обтрясем, пятерки достаточно?» «Что ты, Григорич, тройка за глаза хватит».

Ползели. Толкачев тихо пробрался в сторожку и через четверть часа шепотом велел стрелять в воздух. Все врассыпную. За забором: «Кто попался?» «Я, — горестно сказал Николай Григорьевич. — Виноват, больше не буду. Завтра опять пойдём».

Этим маленьким спектаклем Толкачев в свойственной ему озорной манере давал понять мальчишкам, что, как веревочке не виться, конец будет. И, представив, как они попадутся, да не одни, а с любимым тренером, Колька нарочито лениво процедил: «А, надоело, айда лучше купаться».

Больше в сады не лазили.

Были этапы становления: первая исправленная на тройку двойка... первая четверка... прием в комсомол... первые зарубежные поездки — музей Освенцима под Краковом, Порт-Саид, израненный бомбами израильских агрессоров... доклад в школе об увиденном за границей...

Николай Андрианов — кавалер ордена Ленина, кандидат в члены бюро ЦК ВЛКСМ. Первый среди спортсменов.

...Спорт помолодел, но он, повторяю, торопит зрелость. Спортсмены много ездят, много видят, могут, сравнивая, размышлять. Их спортивное дело нужно государству, одно понимание этого — уже черта зрелости. Принципиальность (или беспринципность) здесь надо рассматривать без скидок на возраст.

Известный тренер Иннокентий Маметьев, воспитавший олимпийскую чемпионку Марию Филатову, однажды воскликнул:

— Дети, дети — какие они дети, им по четырнадцать уже!

Агата КРИСТИ

ЖАНДЕВЕРИ

Глава третья

I

Текст телеграммы:

«Вчера ночью у вашей тети был второй удар. Пока непосредственной опасности нет, но лучше вам приехать, если возможно.

Лорд».

II

Получив телеграмму, Элинор сразу же позвонила Родди, и теперь оба они поездом направлялись в Хантербери.

За неделю, прошедшую после их визита туда, девушка мало видела Роддери. Это случилось всего дважды, и каждый раз между ними ощущалась какая-то натянутость. Родди прислал ей цветы, что раньше обычно не делал. А в тот раз, когда они вместе обедали, он казался более внимательным и предупредительным, чем прежде, словно, подумала Элинор, старательно играл в пьесе роль влюбленного жениха. Впрочем, она тут же одернула себя: «Не будь душой... Ничего не случилось. Тебе уже начинает что-то мерещиться».

Ее собственное обращение с молодым человеком стало, быть может, еще более холодным, почти надменным.

Однако сейчас, потрясенные горестным известием, они беседовали так же непринужденно, как бывало.

Родди сказал:

— Бедная наша старушка. А ведь когда мы ее видели в последний раз, она чувствовала себя не так уж плохо.

— Я страшно переживаю за нее,— заговорила Элинор.— Теперь она станет еще беспомощнее, а при ее-то характере это для нее просто пытка. Честное слово, Родди, людей в таких случаях надо бы избавлять от напрасных мучений, если они сами хотят этого.

— Ты права. Усыпляют ведь животных. Наверное, с людьми это невозможно потому, что тогда ради денег все начнут избавляться от своих милых и богатых родственников— даже если те будут не столь уж серьезно больны.

— Ну, это решали бы врачи.

— Не забывай, что и врач может оказаться мерзавцем.

— Такому человеку, как доктор Лорд, по-моему, можно доверять.

Родди кивнул и небрежно проронил:

— Да, он кажется довольно порядочным и славным малым.

III

Доктор Лорд склонился над постелью, за ним маячила сиделка О'Брайен. Нахмурившись от напряжения, врач пытался уловить смысл нечленораздельных звуков, с трудом вырвавшихся из непослушных губ больной. Он сказал:

— Да. Да. Только не волнуйтесь и не торопитесь. Просто чуть приподнимите правую руку, если хотите сказать «да». Вас что-то беспокоит?

Ответом был утвердительный знак.

— Что-нибудь срочное? Да. Вы хотите за кем-нибудь послать? За мисс Карлайл и мистером Уэлманом? Они уже на пути сюда.

Снова миссис Уэлман попыталась произнести что-то не повинующимся ей языком. Лорд внимательно вслушивался.

— Вы хотите, чтобы они приехали, но дело не в этом? Хотите видеть еще кого-то? Родственника? Нет. Какое-нибудь дело? Понимаю. Что-то, связанное с деньгами? Юрист? Вы хотите видеть вашего

юриста? Чтобы дать ему распоряжения? Ну, ну, все в порядке. Успокойтесь, времени хватит. Вы говорите «Элинор»?— Он скорее догадался, о ком идет речь, чем разобрал исковерканное имя.— Она знает вашего юриста и договорится с ним? Хорошо. Мисс Элинор будет здесь через полчаса. Я приду сюда с ней, и мы все уладим. Предоставьте это мне.

Он постоял еще минуту, глядя на расслабившееся тело на постели, и затем вышел на площадку лестницы. О'Брайен последовала за ним. Сестра Хопкинс как раз поднималась по ступенькам. Она вымолвила, слегка задыхаясь:

— Добрый вечер, доктор.

— Здравствуйте, сестра.

Врач дал необходимые инструкции. Хопкинс должна была остаться на ночь и дежурить, сменяя О'Брайен. Лорд спешил закончить разговор с сиделками, чтобы успеть сойти вниз и встретить родных больной, которые, по его подсчетам, должны были появиться с минуты на минуту.

В холле он увидел бледную и встревоженную Мэри Джеррард. Та спросила:

— Ей не лучше?

— Я могу гарантировать ей спокойную ночь, но это, пожалуй, и все, что можно сделать.

Голос Мэри дрожал.

— Это так жестоко, так несправедливо...

Доктор сочувственно кивнул.

— Да, иногда это выглядит именно так. Я думаю... Что это, автомобиль?

Лорд быстро направился к двери, а Мэри побежала наверх.

Войдя в холл, Элинор сразу же спросила:

— Ей очень плохо?

Врач ответил просто и серьезно:

— Боюсь, да. Боюсь, для вас это будет неожиданным ударом. Она тяжело парализована. Речь совершенно невнятна. Кстати, она хочет, чтобы послали за юристом. Вы знаете, о ком идет речь, мисс Карлайл?

Элинор ответила, не задумываясь:

— Это мистер Седдон с Блумсбери-сквер. Но сейчас, вечером, его там наверняка нет, а домашнего адреса я не знаю.

Лорд сказал ободряюще:

— Можно сделать все и завтра. Но не надо, чтобы больная нервничала. Если вы сейчас подниметесь со мной, мисс Карлайл, мы, я думаю, сумеем успокоить ее.

Оба они поднялись по лестнице, оставив внизу Родди, явно довольного тем, что он избавлен от тягостного визита в комнату больной.

Лаура Уэлман, дыша прерывисто и с трудом, лежала словно в каком-то оцепенении. Элинор стояла над ней, потрясенная неузнаваемо изменившимся, искаженным лицом. Вдруг правое веко миссис Уэлман вздрогнуло и приподнялось. Она узнала племянницу и попыталась что-то сказать, но та быстро заговорила сама:

— Я здесь, тетя Лаура. Тебя что-то беспокоит? Хочешь, чтобы я послала за мистером Седдоном?

В ответ раздались лишь хриплые нечленораздельные звуки, но Элинор догадалась об их смысле.

— Мэри Джеррард?

Дрожащая правая рука медленно приподнялась. С непослушных губ вновь сорвалось какое-то клочкотание. Доктор Лорд и Элинор напряженно вслушивались, пытаясь разобрать хоть что-нибудь. Элинор вдруг уловила одно слово.

— Позаботиться? Ты хочешь позаботиться о ней в своем завещании? Оставить ей денег? Понимаю, дорогая тетя. Это очень просто. Мистер Седдон придет завтра, и все будет сделано, как ты хочешь. Полутруп на постели, казалось, вздохнул с облегчением. Отчаяние исчезло из открытого умоляющего глаза. Элинор взяла руку тетки в свои и почувствовала слабое пожатие пальцев.

Миссис Уэлман с невероятным трудом выдавила:

— Ты... все ты...

— Да, да, родная, положишься на меня. Я позабочусь, чтобы все было, как ты желаешь.

Элинор вновь почувствовала слабое пожатие пальцев, потом оно прекратилось, веко вздрогнуло и опустилось. Доктор Лорд осторожно вывел девушку из комнаты. О'Брайен заняла свое место около постели. На площадке Мэри Джеррард разговаривала с Хопкинс. Она порывисто обратилась к Лорду:

— Прошу вас, доктор, разрешите мне войти туда. Тот кивнул:

— Только тихо и не беспокойте ее.

Мэри вошла в комнату больной.

Лорд начал, обращаясь к Элинор:

— Ваш поезд опоздал, вы...— и осекся.

Элинор смотрела вслед Мэри. Внезапно она отдала себе отчет в наступившем молчании, повернула голову и вопросительно взглянула на врача. Тот, в свою очередь, смотрел на нее, и лицо его выражало недоумение. Щеки Элинор порозовели от смущения, и она поспешно заговорила:

— Прошу прощения, доктор. Что вы сказали?

Лорд медленно ответил:

— Что я сказал? Уже не помню. Но вы... вы держались там...— он кивком указал на дверь, ведущую в комнату,— просто изумительно. Такая выдержка и самообладание...

Элинор сжала губы, а потом нехотя обронила:

— Я научилась... не показывать своих чувств.

Врач сказал задумчиво:

— Все равно время от времени маска обязательно соскальзывает...

Девушка быстро отвернулась и пошла вниз по лестнице. Питер Лорд последовал за ней с тем же недоуменным и странно серьезным выражением лица. Внизу, в холле, где их ждал Родди, он сказал Элинор:

— Теперь я должен уйти. Сделано все, что можно. Я взгляну завтра рано утром. До свидания, мисс Карлайл, постарайтесь по возможности не очень волноваться.

На мгновение он задержал ее руку в своей. Его пожатие было успокаивающим и дружеским. «Как странно он смотрит на меня,— мелькнуло в голове у Элинор,— как будто ему меня жаль».

Когда дверь за врачом закрылась, Родди засыпал ее вопросами. Она объяснила:

— Тетю Лауру беспокоит... одно дело. Я обещала ей, что мистер Седдон придет сюда завтра утром. Нужно будет обязательно позвонить ему пораньше.

— Она хочет составить новое завещание?— спросил Родди.

— Ничего такого она не говорила.

— Тогда зачем...— Он остановился, не докончив фразы.

Мэри Джеррард бегом спускалась по ступенькам. Она быстро пересекла холл и исчезла за дверью в кухню. Элинор заговорила, и голос ее прозвучал странно хрипло:

— Да? Так что ты хотел спросить?

Родди ответил рассеянно, думая о чем-то своем:

— Я... я забыл. Да это и неважно...

Он все еще смотрел на дверь, за которой скрылась Мэри Джеррард. Руки Элинор сжались в кулаки, она почувствовала, как длинные, отточенные ногти впились в ладони. Мысли вихрем кружились в ее мозгу: «Я этого не вынесу, не вынесу... Это мне не мерещится, это правда. Родди, Родди, я не могу потерять тебя! Почему этот врач так смотрел на меня наверху? Он о чем-то догадался... О боже, как ужасно все это... Что же делать, что делать?»

Глава четвертая

I

На следующее утро Элинор разбудила не горничная, а сама миссис Бишоп, шуршащая всеми своими старомодными одеяниями и обливающаяся слезами.

— О мисс Элинор, она скончалась.

— Что?!

— Ваша дорогая тетушка, моя добрая хозяйка... Она умерла во сне. Подумать только, после всех этих лет! Ведь я прослужила здесь восемнадцать лет!

Элинор медленно проговорила:

— Значит, тетя умерла во сне, без страданий... для нее это было благом.

Миссис Бишоп рыдала уже вовсю.

— Так внезапно, а доктор сказал, что зайдет сегодня утром, и все, все как обычно...

Девушка прервала ее:

— Ну, не так уж внезапно. Все-таки она довольно долго болела.

Набросив халат, Элинор поспешила в комнату Родди и объявила с порога:

— Тетя Лаура умерла, Родди. Она скончалась во сне.

Тот приподнялся и глубоко вздохнул:

— Бедная тетя! Слава богу, еще такая легкая смерть... Просто страшно подумать, что ей при-

лось бы еще долго промучиться в таком положении, как вчера.

Элинон была несколько удивлена.

— Разве ты все-таки заходил к ней? Ты же, кажется, оставался внизу.

Родди кивнул с несколько смущенным видом.

— Видишь ли, Элинон, мне стало стыдно, что я словно боюсь взглянуть на нее, когда она... такая. Я пошел туда вчера вечером. Сиделка, эта толстуха, зачем-то вышла из комнаты, так что даже не знает, что я был там. Я проскользнул туда на минутку, посмотрел на тетю и тут же вышел. Она выглядела просто ужасно. Не правда ли, сейчас мы с тобой чувствуем лишь облегчение, что со всеми страданиями для нее покончено?

Элинон молча кивнула.

II

— В чем дело, сестра, что-нибудь потеряли? — спросила сиделка О'Брайен.

Сестра Хопкинс с несколько покрасневшим лицом рылась в маленьком чемоданчике, который она оставила в холле накануне вечером.

В ответ Хопкинс проворчала:

— Ума не приложу, как это могло со мной случиться.

— А что такое?

— Знаете Элизу Райкин, у которой саркома? Ей нужно делать уколы морфина утром и вечером. Вчера вечером я использовала последнюю таблетку из старой трубочки по пути сюда и могла поклясться, что новая, полная, тоже здесь.

— Поищите еще, эти трубочки такие маленькие.

Хопкинс еще раз перетряхнула содержимое чемоданчика.

— Ее здесь нет. Должно быть, я все-таки оставила ее дома в шкафу. Подумать, как может подвести человека память! Я ведь прекрасно помню, что взяла ее с собой.

— А вы нигде не оставляли чемоданчик по пути сюда?

— Разумеется, нет! — отрезала Хопкинс.

— Да ничего, найдется, — попробовала успокоить ее собеседница.

— Конечно. Единственное место, где я оставляла чемоданчик, это в холле, а здесь никто ничего не возьмет. Просто я запамтовала. Досадно только, что теперь мне придется возвращаться домой, в такую даль, а потом тащиться обратно.

О'Брайен заметила сочувственно:

— Надеюсь, у вас будет не слишком утомительным день после такой-то ночи... Бедная леди! Я, впрочем, и не думала, что она долго протянет.

— Я тоже, но доктор, надо полагать, удивится.

О'Брайен присовокупила с легким оттенком неодобрения:

— Он всегда надеется на благополучный исход.

Хопкинс, уже готовая к уходу, закончила разговор:

— Он еще так молод, у него нет нашего опыта. — И с этими малоутешительными словами закрыла за собой дверь.

III

Доктор Лорд всем своим видом выражал крайнее изумление.

— Значит, она отдала концы?

— Да, доктор.

Врач на секунду глубоко задумался, а потом вдруг приказал:

— Принесите-ка мне немного кипятку!

Сиделка О'Брайен была удивлена и заинтригована, но твердо помнила, что ее дело не задавать вопросы, а выполнять полученные распоряжения. Если бы врач приказал ей пойти и снять шкуру с живого крокодила, она лишь пробормотала бы автоматически «слушаю, доктор» и отправилась бы за шкурой.

IV

Родерик Уэлман недоверчиво переспросил:

— Вы хотите сказать, что моя тетка умерла, не оставив завещания?

Мистер Седдон, тщательно протирая стекла очков, подтвердил:

— Судя по всему, это так.

— Как странно!

Юрист осторожно кашлянул.

— Не так уж странно, как вы думаете. Тут что-то вроде суеверия. Люди предпочитают думать, что у них еще масса времени. Я не раз беседовал с вашей тетушкой, убеждая ее составить завещание, но она упрямялась, и вот... — Он беспомощно развел руками.

— Но, безусловно, после первого удара... — вмешалась Элинон.

Мистер Седдон покачал головой.

— Когда стало хуже, она и слышать не желала ни о чем подобном.

Элинон сказала медленно, словно в раздумье:

— Значит, вот почему она так беспокоилась вчера вечером, так добивалась, чтобы за вами поскорее послали...

— Совершенно верно, — подтвердил юрист.

Родди занимало другое, он спросил с ошеломленным видом:

— Но что же будет теперь?

— С состоянием миссис Уэлман? — Мистер Седдон снова кашлянул. — Поскольку она умерла, не оставив завещания, все ее имущество переходит к ближайшей родственнице, то есть к мисс Элинон Карлайл. Налог на наследство, боюсь, будет довольно велик, но и после этого останется весьма и весьма значительная сумма.

— Но Родерик... — начала Элинон.

Юрист посмотрел на них обоих, словно извиняясь.

— Мистер Уэлман всего лишь племянник покойного мужа миссис Уэлман. Тут нет кровного родства.

— Вот именно, — спокойно резюмировал Родди.

Элинон медленно произнесла:

— Разумеется, это не имеет особого значения, так как мы собираемся пожениться.

Наступила очередь мистера Седдона сказать: «Вот именно». Он сказал это как-то чересчур торопливо.

V

После ухода юриста Элинон вернулась к разговору о свадьбе.

— Так как же, Родди? — стараясь, чтобы голос ее звучал ровно, спросила она.

— Что как?

— Собираемся мы пожениться или нет?

— Мы ведь, кажется, договорились. — Ответ был равнодушным, даже чуть-чуть раздраженным.

Девушка не выдержала:

— О Родди, неужели ты не можешь сказать все честно?

Тот замаялся, а потом глухо проговорил:

— Не знаю, что это нашло на меня...

— Зато я знаю, — пробормотала Элинон внезапно пересохшими губами.

Родди словно спохватился.

— Вероятно, мне не нравится идея жить на деньги моей жены.

Лицо Элинон побелело:

— Дело не в этом... — Она вдруг умолкла. Потом решила: — Это из-за Мэри Джеррард, да?

Вид у Родди был растерянный и несчастный.

— Похоже, что так, но как ты догадалась?

Внезапно все его спокойствие исчезло.

— Ох, Элинон, я сам не знаю, что со мной. Наверное, я просто схожу с ума. Это случилось, когда я увидел ее тогда, в тот первый день, в лесу...

Все кругом словно перевернулось... Ты не можешь понять этого.

— Почему же? Прекрасно могу. Продолжай...

— Поверь, я не хотел влюбляться в нее, я был так счастлив с тобой! Дорогая, какой же я мерзавец, что говорю об этом так...

— Ерунда, расскажи мне все.

— Ты необыкновенная, Элинон. Мне легче теперь, когда я все рассказал тебе. Ты мне очень дорога, поверь! То, другое, просто наваждение. Оно все изменило, все мои мысли и взгляды, и вот ты видишь...

Элинон спросила слегка дрожащим голосом:

— А ей ты что-нибудь говорил?

— Да, сегодня утром. Я, дурак, совсем потерял голову. Конечно, она мигом отшила меня — из-за тети Лауры и из-за тебя.

Рисунок Валерия СМЕРНОВА

Девушка сняла с пальца обручальное кольцо с бриллиантом.

— Думаю, тебе лучше взять это назад.

Принимая кольцо и не глядя на нее, тот пробормотал потерянно:

— Если бы ты знала, каким негодяем я себя чувствую.

Голос Элинон снова звучал совершенно спокойно:

— Ты думаешь, она выйдет за тебя замуж?

Родди покачал головой.

— Во всяком случае, не сейчас... Она еще не любит меня, но быть может, позже...

— Возможно, ты и прав. Дай ей время опомниться, не встречайся с ней пока, а потом, что же, попытайся еще раз.

В голосе Родди прозвучало искреннее волнение:

— Элинон, милая! Какой ты замечательный друг! — Он порывисто поднял к губам ее руку и поцеловал. — Знаешь, Элинон, я люблю тебя ничуть не меньше, чем прежде. Иногда Мэри кажется мне просто сновидением. Временами я жалею, что увидел ее... Нам было так хорошо вместе, родная. Не будь ее...

Девушка повторила задумчиво, словно про себя:

— Не будь ее...

Глава пятая

I

— Дивные были похороны, — с чувством вынесла окончательный приговор Хопкинс.

О'Брайен горячо поддержала ее:

— Еще бы! И какие чудные цветы. Особенно арфа из белых лилий и крест из чайных роз. Изумительно!

Хопкинс вздохнула и положила себе еще кусок кекса. Приятельницы сидели в кафе, с наслаждением обсуждая подробности только что окончившейся церемонии. Сестра Хопкинс продолжала:

— Мисс Карлайл очень добра. Она сделала мне хороший подарок, хотя вовсе не была обязана... Правда, при таком-то наследстве...

— Странно, что старуха не оставила завещания, — начала другая.

Хопкинс перебила ее:

— Это было грешно с ее стороны. Людей надо просто заставлять писать завещания... Без этого не оберешься неприятностей.

— Интересно,— продолжила свою мысль О'Брайен,— кому достались бы деньги, если бы завещание все-таки было?

— Знаю одно,— уверенно объявила Хопкинс,— что-нибудь досталось бы Мэри. Мэри Джеррард.

О'Брайен, давая волю своему неумному ирландскому воображению, с восторгом подхватила эту идею:

— Вы правы, сестра Хопкинс! Я даже думаю, что напиши миссис Уэлман завещание, она удивила бы всех. Кто знает, она, может, оставила бы Мэри Джеррард все, до последнего гроша.

— Вряд ли.— Хопкинс явно не верила в подобную возможность.— Все-таки я считаю, приличнее оставлять свое добро тем, кто есть плоть от плоти и кровь от крови твоей.

— Разные бывают плоть и кровь,— туманно изрекла ирландка и вдруг заговорила о другом:— Кстати, нашли вы тогда дома тот морфин, помните?

Другая медсестра нахмурилась и неохотно ответила:

— Нет. Никак не могу сообразить, куда он девался. Наверное, я положила трубочку с ним на край каминной полки, когда заперла шкаф, а она возьми и скатись в корзинку для бумаг.

— Понятно,— сказала О'Брайен,— ведь вы не оставляли чемоданчик нигде, кроме холла в Хантербери, так что...

— Вот именно,— ухватилась за ее слова Хопкинс.— Ничего другого и не могло быть, верно?

II

Элинон, казавшаяся особенно юной и подтянутой в черном траурном платье, сидела в библиотеке за массивным письменным столом покойной тетки. Она только что закончила разговор с прислугой и с экономкой миссис Бишоп. Теперь в комнату нерешительно вошла Мэри Джеррард.

— Вы хотели видеть меня, мисс Элинон?— спросила она.

Элинон подняла взгляд от разложенных на столе бумаг.

— Да, Мэри. Пройдите сюда и сядьте.

Мэри села в указанное Элинон кресло. Яркий свет, падавший из окна, подчеркивал ослепительную белизну ее кожи и золотое мерцание волос. Элинон, слегка загордив лицо рукой от света, исподтишка наблюдала за девушкой. Она думала: «Неужели можно так ненавидеть кого-то, как я ненавижу ее, и не показывать этого?»

Вслух она произнесла своим негромким мелодичным голосом:

— Вы, конечно, знаете, Мэри, что моя тетя всегда интересовалась вами и думала о вашем будущем?

В ответе Мэри прозвучали волнение и благодарность:

— Миссис Уэлман была бесконечно добра ко мне. Элинон продолжила деловым тоном:

— Хотя перед смертью тетя почти потеряла дар речи, я поняла, что она хотела позаботиться о вашей судьбе. Поэтому, выполняя ее волю, я, как только меня введут в права наследства, переведу на ваше имя две тысячи фунтов стерлингов, которыми вы можете распорядиться как угодно.

Румянец на щеках Мэри стал гуще.

— Две тысячи! О, мисс Элинон, вы так добры, я даже не знаю, что сказать...

В голосе другой девушки прорвались металлические нотки:

— Мне вовсе не нужно, чтобы вы что-то говорили. Я бы хотела, впрочем, знать, есть ли у вас какие-нибудь планы?

Мэри ответила, не раздумывая:

— О, да. Я хочу выучиться на массажистку. И сестра Хопкинс советует.

— Ну, что же, очень разумно. Я попрошу мистера Седдона выдать вам какую-то сумму поскорее, если можно, сразу же.

— Вы очень, очень добры,— с благодарностью повторила Мэри.

— Я лишь выполняю волю тети Лауры,— коротко ответила Элинон. Она поколебалась, потом сказала:— Я думаю, это все.

Мэри поняла, что больше ее не желают здесь видеть. Она поднялась, тихо произнесла еще несколько слов признательности и вышла из комнаты.

Элинон сидела неподвижно, глядя прямо перед собой. По ее бесстрастному, словно застывшему лицу никто не мог бы догадаться, о чем она думает...

Рисунок Александра ЕЛИСЕЕВА

Рисунок Петра КУЛИНИЧА

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА

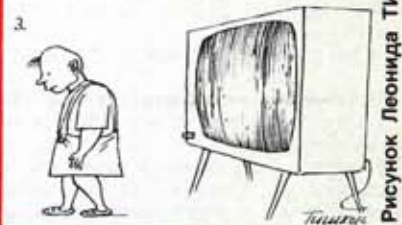
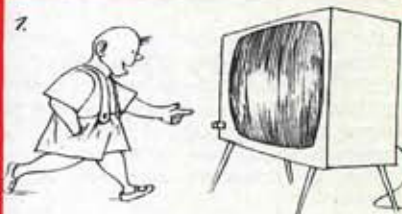

Рисунок Леонида ТИШКОВА

РАСТЕТ НАДЕЖНАЯ СМЕНА

«Гимнастике ума», как образно называл шахматы их большой ценитель Владимир Ильич Ленин, отдают часть своего досуга миллионы советских ребят. А десятки тысяч подростков в разных уголках страны увлеклись древней и мудрой игрой всерьез, по-настоящему.

О том, как творчески интересно, содержательно, спортивно сильно играют совсем еще юные советские шахматисты, проиллюстрируют яркие фрагменты из их поединков, которые, мы уверены, не оставят читателей равнодушными.

Свой обзор мы начнем с позиции, которая возникла после 24-го хода черных на крупном международном турнире 1979 года в югославском городе Бая-Лука. Белыми играл 16-летний школьник из Баку Гарик Каспаров, черными — неоднократный чемпион США гроссмейстер У. Браун.

Вскрыв крайнюю вертикаль, по которой в дальнейшем устремится в лагерь соперника их ладья, белые осуществили энергичный прорыв в центре и образовали опасную проходную пешку.

25. a4: b5! a6: b5 26. e4—e5! Kf6: d5 27. Kc4: d6 Cf8: d6 28. e5: d6 Fc7—d8 29. Kf3—e5 Kd5—b4 30. Fc2—d2 Kd7: e5 31. Le1: e5 Le8: e5 32. Cc3: e5 Kb4—c6 33. Fd2—e3 Kc6: e5 34.

Fe3: e5 c5—c4 35. Cf1—g2 Cc8—e6 36. La1—a7! Вторжение ладьи, а затем централизация слона позволяют белым с молниеносной быстротой нанести решающий тактический удар.

36. ... b5—b4 37. Cg2—e4! c4—c3 38. Ce4—h7+! Kpg8: h7 39. Fe5: e6, и черные капитулировали.

Уместно напомнить, что на турнире в Бая-Лука Гарик завоевал первый приз, обойдя на солидную дистанцию 14(!) гроссмейстеров.

К такому положению фигур пришла после 22-го хода черных партия школьницы из Тоилиси Наны Исоселиани (она играла белыми) со своей сверстницей из Румынии В. Илие на последнем Кубке Европы для девушек. Юная грузинская спортсменка, заметив, одна из сильнейших шахматисток СССР, с результатом 7,5 очка из 9 возможных второй год подряд завоевала почетный трофей, опередив противниц из десяти стран. Соревнование это состоялось в югославском городе Кула.

Используя явно недостаточную защищенность короткой рокировки черных, белые умело создали и в стремительном темпе провели победный штурм на королевском фланге.

23. f4—f5! Cg7: d4 24. Ld1: d4 Fc7—a7 25. Ff2—d2 Kpg8—h8 26. Ld4—h4 Le8—g8 27. b2—b3 Ka4—c5 28. Fd2—d4—Lg8—g7 29. b3—b4 a5: b4 30. a3: b4 g6—g5

31. f5—f6 e7: f6 32. Lh4—e4!, и черные сложили «оружие».

Бескомпромиссной борьбой отличался проведенный минувшей весной в Ленинграде всесоюзный отборочный турнир к чемпионату мира среди юношей в возрасте до 17 лет. Заветная «путевка» на поездку во Францию по праву досталась школьнику из Таллина Яану Эльвесту. На диаграмме изображена ситуация из поединка, в котором Яан играл белыми с Б. Малисовым. Это случилось в матче сборных Эстонии и Белоруссии.

Хотя партнеры сделали уже по 22 хода, на поле «боя» действуют все фигуры, кроме одной пешечной пары. Белым удалось проникнуть конем в тыл к противнику, а когда черные его вынужденно разменяли, образовалась грозная, далеко продвинутая проходная пешка. Давление белых развивалось как по нотам: Яан энергично и целеустремленно добился успеха.

23. f4—f5! b6—b5 24. a4: b5 a6: b5 25. Kd4—e6! Kc5: e6 26. f5: e6 Fd7—d8 27. Kc3—e2! b5—b4 28. Cc2—a4 c4—c3 29. Ke2—d4 Le7—c7 30. Kd4—c6 Ca8: c6 31. Ca4: c6 Lc7—c8 32. Ce3—d4 Fd8—e7 33. b2: c3 b4: c3 34. Cd4: c3 Lb8—b3 35. Cc3—d4 Lc8—b8 36. Ld1—a1! f6—f5 37. La1—a7! Cg7: d4 38. Ff2: d4 Fe7—f6 39. Fd4: f6 Ke8: f6 40. e4: f5 g6—g5 41. La7—f7!, и черные сдались.

Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Продолжение следует.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 19.06.79. Подписано к печати 02.07.79. А 01080. Формат 70×108¹/₁₆. Глубокая печать. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1150000 экз. Изд. № 1789. Заказ № 854. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-137, ГСП, улица «Правды», 24.

КУДА УХОДИТ ДЕТСТВО

Куда уходит детство,
В какие города?
И где найти нам средство,
Чтоб вновь попасть туда?
Оно уйдет неслышно,
Пока весь город спит.
И писем не напишет
И вряд ли позвонит.

Припев:
И зимой и летом
Небывалых ждать чудес
Будет детство где-то,
Но не здесь.
И в сугробах белых,
И по лужам у ручья
Будет кто-то бегать,
Но не я.

Куда уходит детство,
Куда ушло оно?
Наверно, в край чудесный,
Где каждый день кино.
Где так же ночью синей
Струится лунный свет.
Но нам с тобой отныне
Туда дороги нет.

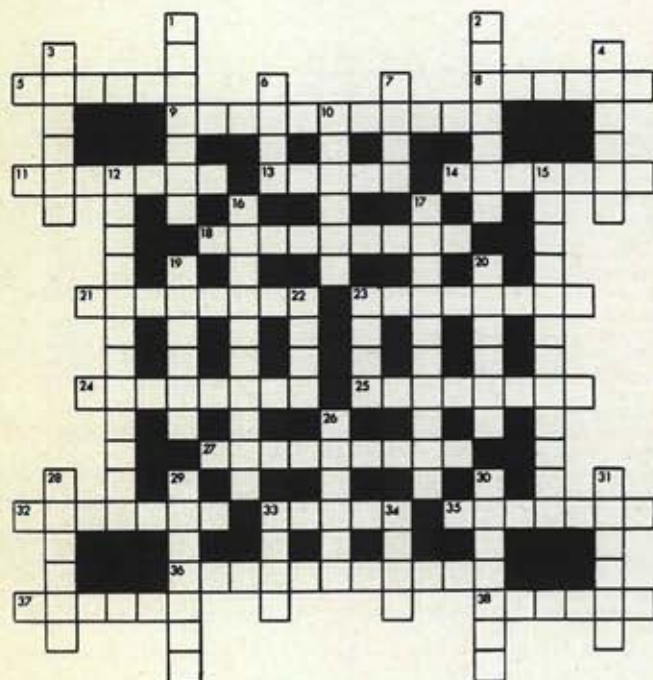
Припев.

Куда уходит детство?
В недалекие края.
К ребятам по соседству,
Таким же, как и я.
Оно ушло неслышно,
Пока весь город спит.
И писем не напишет
И вряд ли позвонит.

Припев.

К Р О С С В О Р Д

Составил Б. ВАСИЛЬЕВ,
Москва

По горизонтали:

5. Выдающийся советский детский писатель. 8. Автор слов песни «Пусть всегда будет солнце». 9. Комплект деталей, из которых дети собирают машины, сооружения. 11. Автор книги «Дорогие мои мальчишки». 13. Композитор, создавший на темы сказок симфонические картины: «Волшебное озеро», «Баба-Яга», «Кикимора». 14. Опера для детей М. И. Красева. 18. Автор «Педагогической поэмы». 21. Поэт, написавший стихотворение «Пионерская зорька». 23. Герой русских былин. 24. Популярный датский писатель-сказочник. 25. Девочка, героиня русской народной сказки. 27. Оптический прибор. 32. Вид гавели, внесенной в «Красную книгу» охраны животных на территории СССР. 33. Предпраздничная или сезонная торговля книгами и другими специальными товарами. 35. Сказка в стихах К. И. Чуковского. 36. Педагог, преподавательница. 37. Лесной цветок. 38. Советский писатель, автор пьесы «Гимназисты».

По вертикали:

1. Чертежный инструмент. 2. Гриб. 3. Поэт, один из основоположников советской детской литературы. 4. Детский писатель, выпускавший «Лесную газету на каждый год». 6. Басня И. А. Крылова. 7. Персонаж повести А. М. Горького «Детство». 10. Популярный итальянский детский писатель. 12. Украинский педагог, Герой Социалистического Труда. 15. Столица АССР, имеющая театр кукол. 16. Автор стихотворения для детей «Кем быть?». 17. Школьник младших классов. 19. Имя мальчика, героя романа Ч. Дикенса. 20. Белорусская школьница, чемпионка по гимнастике XX Олимпийских игр. 22. Автор романа «Пятнадцатилетний капитан». 23. Поэма Н. А. Некрасова. 26. Здание железнодорожной станции. 28. Алжирская писательница, педагог, автор романа «Дети нового мира». 29. Советский писатель и художник, иллюстратор детских книг. 30. Фотографическое изображение. 31. Советский журнал для детей. 33. Палка для игры в городки. 34. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Иоланта».

Ответы на кроссворд напечатанный в № 14

По горизонтали:

1. «Алиаст». 4. Омметр. 9. Омутинск. 10. Строп. 11. «Ермак». 12. Ассистент. 16. Каверин. 18. Аммофос. 20. Классификатор. 23. Колонна. 25. Танкист. 26. Кировакан. 28. «Поэту». 29. Афины. 30. Балакирев. 31. Пасека. 32. Вихляй.

По вертикали:

2. Листопад. 3. Скопа. 5. Макет. 6. «Турандот». 7. Пуссен. 8. Анкета. 13. Сарафанов. 14. Берлиоз. 15. Морощка. 17. Ибсен. 19. «Млада». 21. Монголка. 22. Исландия. 24. Апрель. 25. Токарь. 26. Кубок. 27. Навои.

Испытание

«З

емля! Земля! Земля!» — звенело в передатчике. Но пустой и холодный космос не отвечал. Он не проронил ни слова в подарок людям — экипажу огромной экспедиции Земли, вот уже более десяти лет вынужденному жить на планете ярко-зеленого циркониевого Солнца.

...Это была случайность, сыгравшая роковую роль. Через несколько лет полета корабли оказались у входа в черный мешок.

При попытке уйти амортизаторы сплющило страшным ударом силового поля, но спастись удалось. Оставалось одно — сесть на какую-нибудь пригодную для проживания планету и радировать о случившемся на Землю. Планета вскоре нашлась в близлежащей системе циркониевой звезды.

Собрав наземную станцию, люди приступили к связи, но вместо знакомого пения ультрасигналов зловещим гулом отозвалась бесконечность. Излучения ярко-зеленой звезды не пропускали сигналов, почти полностью фильтруя атмосферу планеты, вынося за ее пределы лишь «белый шум».

...Со дня злосчастной посадки прошло пятнадцать лет. По прошествии времени люди поняли, что спасение — в будущих поколениях. Слишком много лет потребуется, чтобы освоить планету и создать новые звездолеты. У многих членов экипажа родились дети, те самые люди, на которых возлагались надежды.

Земляне построили городок, обращенный окнами домов в сторону, противоположную той, где неподвижно и угрюмо высилась корабль: взрослые, родившиеся на Земле, не могли смотреть на них без боли.

Но дети, все почему-то со странными, сиреневыми глазами, подолгу стояли перед гигантами, любясь тусклым блеском стали. Дети много слышали о Земле, но не понимали, почему она близка родителям.

«Земля! Земля!» — твердил радист.

Физик Рена встала и вышла из помещения. Зачем она сидит на станции каждый сеанс связи? Ведь она знает, что ее не будет! Никогда! И в переключку с этим страшным словом сердце болезненно сжалось. Стремительно уносятся годы, тоска по родине притупляется, но не уходит, напоминая о себе то приступами одиночества, то острой болью...

Рена вбежала в дом и крикнула:

— Лана, Зот, Кунт, Сарэт! Идите!

Ей захотелось освободиться от неожиданно нахлынувшего чувства, ставшего спутником жизни «пришельцев».

В детской наверху послышались радостные возгласы, и едва Рена вышла на дорогу, ее догнали четверо сиреневоглазых близнецов.

...Они шли все дальше и дальше. Наконец городок совсем потерялся из виду. Вокруг над серебристыми травами торчали изогнутые колючие кусты, а в небе, закрывая четверть его, резало глаза зеленое Солнце. Близился вечер.

Лана бросилась рвать колючки, и ее сиреневые глаза вспыхивали от радости.

— Мама, красота какая! — кричала она.

Рена подумала о цветах Земли и горько усмехнулась. Какими жалкими были по сравнению с ними эти колючие ломкие ветви бледно-голубого цвета!

Кунт и Сарэт умчались к словно обглоданным палкам-деревьям серого леса, а Зот сел рядом с матерью. Рена ласково погладила его по голове.

Вдруг Зот посмотрел на Солнце. Рена проследила его взгляд и вздрогнула: около огненного диска еле заметно сверкала крошечная точка. Это было... земное Солнце!

— Смотри, сынок, Солнце восходит! — в волнении зашептала Рена.

— А разве ты никогда раньше не замечала этой точки? — Зот поднял глаза и равнодушно скользнул сиреневыми глазами по небу. — Восходит, ты говоришь? — пробормотал он. — Значит, Солнцевин скоро зайдет.

Рену больно укололо это слово — «Солнцевин». Солнце для нее было лишь одно, а слово «вин» значило «лучшее из лучших», «самое прекрасное на свете»! Солнцевин — самое чудесное солнце! Так называли дети эту огромную чужую звезду.

— Зот, там наша Земля... — пытаясь перевести разговор на любимую тему, задумчиво проговорила Рена.

— Мам, а у вас на Земле Солнце больше или меньше Солнцевина? — беззаботно спросил Зот.

Эти слова будто ударили Рену: «У вас на Земле»... У вас!

— У нас на Земле... — еле слышно поправила она сына.

— Да, — машинально согласился Зот, но смотрел он не на Солнце, а в пылающий шар циркониевой звезды.

Вдруг небо прорезала яркая дуга вечернего сияния. Зот вскочил на ноги и, швырнув вверх охапку бледных колючих цветов, громко закричал, складывая ладони рупором:

— Солнцевин иде-ет ани-и-из!

Рена удивленно посмотрела на него.

Но Зот ничего не видел. Он взбежал на холм, раскинув руки в стороны, счастливо засмеялся и звонко запел что-то. Неземное. Непонятное.

Рена привстала, и тоска с новой силой сдавила ее.

Сын смотрел на зеленое Солнце. И ему не резало глаз. Откуда-то появились ребята из городка и устремились к нему, подхватив его песню, а по дороге бежали еще и еще...

И вскоре песня слилась в единый победный гимн этому яркому чужому Солнцу, родному для детей с сиреневыми глазами.

Рена, замерев, слушала хор детских голосов, как слушала его отдаленное эхо на порогах домов другие родители...

Они многое пережили, но все это было ничто по сравнению с обречением слушать гимн чужом у Солнцу и смотреть на затерявшееся в безбрежности Вселенной свое Солнце.

И Рена ясно поняла, что после всех испытаний ей предстоит еще одно: дожидаться заветного мига, когда сиреневые глаза детей зажгутся радостными золотистыми огоньками — лучами земного Солнца.

Ее дети, сиреневоглазые, рожденные на циркониевой планете, — они ведь дети Земли.

Земляне!